DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2

ISSN 2072-909X

Российское правосудие

2026. № 2

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605
Главный редактор: **Л. Б. Архипова**, кандидат юридических наук
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 20.01.2026.
Выход в свет: 05.02.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

Редакционный совет:

Кулаков В. В., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук

Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук

Тимошин Н. В., Председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Председатель 1-го судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса

Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Editors:

V. V. Kulakov, Rector of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

A. Ya. Kapustin, President of Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Chairman of High Qualifications Judicial Collegium of the Russian Federation, Chairman of 1st Judicial Panel of Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian FederationFederation

Редакционная коллегия:

Арямов А. А., проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Ершова Е. А., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Качалова О. В., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алексеева Н. И. **Толкование права как инструмент обеспечения эффективности правоприменения** 5

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Клеандров М. И. **О целесообразности создания федерального специализированного суда над судьями: постановка проблемы, первый подход** 13

Костикова Е. Г. **Цифровые новации в сфере денежного обращения: актуальные вопросы формирования правовых основ** 27

Мальханова Е. В. **Три десятилетия под охраной: эволюция правовой защиты заповедных территорий России на примере озера Байкал** 36

Широбоков А. С. **Разрешение судебных споров, связанных с ликвидацией загрязнения земель (земельных участков) твердыми коммунальными отходами** 44

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Козлов В. А., Болдарева А. В. **Правомерность взыскания страховых взносов в рамках судебных расходов** 54

Певцова И. Е., Литовченко Т. А. **Цифровизация судебной деятельности: основные этапы, риски, тенденции развития** 62

Первухина С. И., Гаврикова М. А. **Особенности примирения сторон по спорам, возникающим из семейных правоотношений** 70

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гарбатович Д. А. **Общественная опасность преступлений против собственности: законодательный и правоприменительный аспекты** 84

Овсянников И. В. **Независим ли судья при принятии решения о форме судебного разбирательства?** 96

Туркова Н. М. **Сущность искусственных нейронных сетей и особенности их использования при производстве экспертного исследования** 104

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL STUDIES

N. I. Alekseeva. **Interpretation of law as a tool for ensuring the efficiency of law enforcement** 5

PUBLIC LAW (STATE LAW) STUDIES

M. I. Kleandrov. **On the feasibility of establishing a federal specialized court for judges: problem statement and first approach** 13

E. G. Kostikova. **Digital innovations in the sphere of money circulation: current issues of formation of legal bases** 27

E. V. Malkhanova. **Three decades under protection: evolution of legal protection of Russian protected areas on the example of Lake Baikal** 36

A. S. Shirobokov. **Resolving legal disputes related to the elimination of land (land plots) pollution by solid municipal waste** 44

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) STUDIES

V. A. Kozlov, A. V. Boldareva. **The legality of claiming insurance premiums as part of court costs** 54

I. E. Pevtsova, T. A. Litovchenko. **Digitalization of judicial activity: main stages, risks, development trends** 62

S. I. Pervukhina, M. A. Gavrikova. **Features of reconciliation of the parties in disputes arising from family legal relations** 70

CRIMINAL LAW STUDIES

D. A. Garbatovich. **Social danger of crimes against property: legislative and law enforcement aspects** 84

I. V. Ovsyannikov. **Is the judge independent in deciding the form of the trial?** 96

N. M. Turkova. **The essence of artificial neural networks and the specifics of their use in the production of forensic examination** 104

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 5–12
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 5–12
УДК 340.11 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.5-12

Научная статья

Толкование права как инструмент обеспечения эффективности правоприменения

Наталья Ивановна Алексеева

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, nativana79@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-8933-8201

Аннотация. В условиях глобализации и смены технологических укладов наблюдается трансформация современных правовых систем, что приводит к актуализации вопросов поиска новых инструментов, способствующих повышению эффективности правоприменительной деятельности.

Цель – исследовать толкование права как ключевой инструмент, позволяющий обеспечивать единообразное и эффективное применение правовых норм. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить критерии эффективности правоприменения; проанализировать точки зрения ведущих ученых относительно сущности понятия «эффективность правоприменения» и обобщить существующие подходы к определению данной категории; рассмотреть теоретические основы толкования права и его связь с правоприменением.

При исследовании категории «толкование права» и выявлении противоречий, связанных с теоретическими и практическими аспектами его применения, был использован диалектический метод. Историко-правовой метод позволил проследить генезис подходов в отношении понятия «эффективность правоприменения», а также критериев для ее определения и оценки. Формально-юридический метод использовался для уяснения содержания действующих норм права. Метод анализа – при изучении доктринальных источников, метод синтеза – при формулировании основных понятий исследования и рассмотрении различных аспектов указанной проблемы.

С помощью инструментального подхода определена роль интерпретации правовых норм в процессе правоприменения.

Проанализированы точки зрения выдающихся ученых по проблемам эффективности правоприменения, выявлены критерии эффективности правоприменительной деятельности. Сделан вывод о том, что толкование права выступает одним из важных инструментов повышения эффективности правоприменительной деятельности, однако существуют факторы, препятствующие использованию его потенциала. В связи с этим перспективы дальнейшего исследования должны быть связаны с разработкой новых методологических подходов к толкованию права, использование которых позволит повысить эффективность правоприменения.

Ключевые слова: толкование права, эффективность правоприменения, критерии эффективности, эффективность правового регулирования, правовая определенность

Для цитирования: Алексеева Н. И. Толкование права как инструмент обеспечения эффективности правоприменения // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 5–12. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.5-12.

© Алексеева Н. И., 2026

Original article

Interpretation of Law as a Tool for Ensuring the Efficiency of Law Enforcement

Natalya I. Alekseeva

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, nativana79@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-8933-8201

Abstract. In the context of globalization and changing technological patterns, there is a transformation of modern legal systems, which leads to the actualization of the search for new tools that enhance the effectiveness of law enforcement activities.

The purpose is to explore the interpretation of law as a key tool for ensuring uniform and effective application of legal norms. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to determine the criteria for the effectiveness of law enforcement; to analyze the points of view of leading scientists regarding the essence of the concept of "effectiveness of law enforcement" and to summarize existing approaches to defining this category; to consider the theoretical foundations of the interpretation of law and its relationship with law enforcement.

In the study of the category "interpretation of law" and the identification of contradictions related to the theoretical and practical aspects of its application, the dialectical method was used. The historical and legal method made it possible to trace the genesis of approaches to the concept of "effectiveness of law enforcement", as well as criteria for its definition and evaluation. The formal legal method was used to clarify the content of the current legal norms. The method of analysis is used in the study of doctrinal sources, the method of synthesis is used in the formulation of basic research concepts and consideration of various aspects of this problem.

Using an instrumental approach, the role of interpretation of legal norms in the law enforcement process is determined.

The points of view of prominent scientists on the problems of law enforcement effectiveness are analyzed, and criteria for the effectiveness of law enforcement activities are identified. It is concluded that the interpretation of law is one of the important tools for improving the effectiveness of law enforcement, but there are factors that hinder the use of its potential. In this regard, the prospects for further research should be related to the development of new methodological approaches to the interpretation of law, the use of which will improve the effectiveness of law enforcement.

Keywords: interpretation of law, effectiveness of law enforcement, effectiveness criteria, effectiveness of legal regulation, legal certainty

For citation: Alekseeva, N. I. Interpretation of law as a tool for ensuring the efficiency of law enforcement. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(2):5-12. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.5-12.

Категория «эффективность» является многоаспектной и многоплановой, что предопределило отсутствие единообразного определения, интерпретации данного понятия и интерес к ее изучению представителей различных областей научного знания. Понятие «эффективность» имеет множество значений (действенность, результативность, оптимальность и т. д.) и применяется в разных контекстах, в том числе для характеристики систем, и правовая система не является исключением.

Первоначально термин появляется в экономической науке, в правовых исследованиях осмысление данной проблемы начинается в XIX в., и до настоящего времени сохраняется научный интерес к разработке общетеоретических и отраслевых аспектов проблемы эффективности.

Результаты

Большой вклад в изучение вопросов эффективности права и эффективности правового регулирования внесли советские ученые в 60–80-е гг. XX в.[1] И в современной юридической на-

[1] *Пашков А. С., Чечот Д. М.* Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11; *Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. и др*. Эффективность правовых норм. М. : Юрид. лит., 1980. 280 с.

уке наблюдается интерес к разработке данной проблематики. Исследуются такие категории, как «эффективность права», «эффективность норм права», «эффективность правового регулирования», «эффективность правоприменения». Несмотря на большое количество работ, посвященных эффективности, актуальность данной проблемы по-прежнему сохраняется, что обусловлено сложностью и многоаспектностью этой категории. Различные аспекты эффективности правоприменения становятся предметом диссертационных исследований[2]. Особое внимание уделяется критериям, показателям и факторам эффективности[3].

В теории права определение критериев эффективности обусловлено типом правопонимания и зависит от смысла, который в это понятие вкладывается. Долгое время в научных изысканиях внимание исследователей было сконцентрировано на таком критерии, как целеполагание, что было вполне обоснованным, поскольку эффективность – это свойство, которое используется прежде всего для характеристики целенаправленных систем, в отличие от такого свойства, как качество, применимого к любой системе, включая объекты природы [1].

Однако целеполагание не всегда позволяет адекватно оценить эффективность правоприменительной деятельности, поэтому в качестве критериев также рассматриваются соблюдение принципов правоприменительной деятельности [2]; качество правоприменительных актов и обеспечение их реального исполнения [3]; уровень правовой культуры и правосознания правоприменителя [4, с. 13–14].

К. В. Пономарев под эффективностью правоприменительной деятельности понимает достижение целей конкретной правовой нормы, института права, отрасли права посредством вынесения правоприменительных актов на основе соблюдения принципов правоприменения и обеспечения их реального исполнения [5, с. 110].

В. П. Тимохов, определяя эффективность правоприменительной деятельности как фактический результат конкретного правоприменения по достижению социальных целей, указывает на то, что интересы сторон правоприменительного процесса не всегда совпадают, поэтому одной из его целевых установок является устранение социального конфликта [6, с. 351–352].

Л. А. Алексеева связывает эффективность правоприменения с эффективностью нормы права, которая «запрограммирована в структуре и в непосредственных целях нормы» [7, с. 69], а также «со способностью субъекта правоприменения верно истолковать норму, выбрать оптимальные методы деятельности и правильно ее применить» [7, с. 70].

---

[2] *Швецов С. Б.* Эффективность правоприменительной деятельности : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 156 с.; *Гильмутдинова М. И.* Теоретические основы эффективного правоприменения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2012. 22 с.; *Тимохов В. П.* Историко-правовой генезис понятия эффективность // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. Т. 6, № 2. С. 344–352; *Хусаинова О. В.* Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.

[3] *Дорская А. А.* Критерии эффективности правового регулирования в дореволюционной российской юридической науке // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2020. № 3 (39). С. 14–22; *Алексеева Н. И.* Проблема определения критериев эффективности правового регулирования в современной юридической науке // Образование и право. 2020. № 3. С. 67–71; *Рыбаков А. В.* Критерии определения эффективности права // Law Enforcement Review. 2019. Vol. 3, no. 2. P. 5–13; *Матчанова З. Ш.* Проблема определения критериев эффективности международно-правового регулирования // Эффективность международно-правового регулирования и преодоление кризисных явлений в международном праве. СПб. : Астерион, 2021. С. 101–106; *Беляев В. П., Беляева Г. С.* Механизм реализации национальных интересов: факторы эффективности // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 18–29; *Шумилов А. Н.* Имидж как фактор эффективности правоприменительной деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 32 с.

По мнению И. Л. Честнова, содержание и эффективность правоприменения зависят не только от правосознания правоприменителя, но и от особенностей исторического и социокультурного контекста [8, с. 78].

Анализ точек зрения различных авторов на проблему эффективности правоприменения позволил выделить несколько подходов. Во-первых, эффективность правоприменения определяется как соотношение между результатом индивидуального регулирования и целью правовой нормы. В рамках данного подхода критерием эффективности выступает цель правовой нормы, достижение которой происходит посредством индивидуального регулирования.

Во-вторых, в исследованиях современных ученых отмечается необходимость при определении эффективности правоприменения учитывать совокупность критериев, включая оперативность (своевременность, время достижения желаемого результата); ресурсоемкость (средства достижения цели); результативность правоприменительной деятельности; качество нормативных правовых актов (оптимальность и пригодность), правосознание правоприменителя; особенности исторического и социокультурного контекста.

Рассматривая эффективность правоприменения, следует обратить внимание на особенности правоприменительного процесса, оценить результативность, оптимальность и исполнимость правоприменительных актов.

Таким образом, показателями при оценке правоприменительной деятельности могут выступать эффективность самих норм, а также наличие действенного механизма реализации, без которого нормы не могут быть претворены в жизнь. Его отсутствие оказывает негативное влияние на правоприменительную деятельность, снижая ее эффективность. Особое место в механизме реализации норм занимает интерпретационная деятельность, поскольку правовые нормы носят общий характер и их реализация невозможна без толкования.

Толкование права – это сложный, многогранный процесс, сущность которого по-разному понимается и раскрывается учеными-юристами в зависимости от типов правопонимания, методологических установок и философских воззрений.

Например, с точки зрения формально-догматического подхода основная цель толкования – установление объективного смысла правовой нормы, исходя из ее текста «целью толкования законов является раскрытие истинного смысла законодательных норм. Каждая такая норма представляет собою выраженную в словах мысль законодателя» [9, с. 8]. В рамках этого подхода приоритет отдается буквальному толкованию, при котором роль субъекта интерпретационной деятельности ограничена.

Г. Кельзен в труде «Чистое учение о праве» следующим образом определил сущность толкования: «Если под “толкованием” понимать эпистемологическое установление смысла применяемой нормы, то результатом такой деятельности может быть только установление той рамки, которую представляет собой толкуемая норма, а также изучение множества возможностей, заданных в пределах такой рамки» [10, с. 424].

Сторонники же герменевтического подхода определяют цель толкования как понимание смысла нормы в ее контексте и с учетом позиции толкователя. Толкование рассматривается как диалог между субъектом толкования и текстом закона с учетом определенного исторического контекста. Признается субъективность толкования, но при этом она должна быть аргументированной и обоснованной.

Так, для Х.-Г. Гадамера в герменевтическом процессе «…конституирующим является напряжение, существующее между данным текстом (законом или благой вестью), с одной стороны, и тем смыслом, который он получает в результате его применения в конкретной ситуации истолкования (судебный приговор или проповедь), с другой стороны. Закон вовсе не претендует быть понятым исторически, но должен быть путем истолкования конкретизирован в своей правовой значимости» [11, с. 365–366]. Далее в своих рассуждениях ученый отмечает:

«Чтобы понять текст, мы должны в каждый данный момент, то есть в каждой конкретной ситуации, понимать его по-новому и по-иному. Понимание здесь всегда уже является применением» [11, с. 366].

Интерес к разработке теории толкования в современной юридической науке обусловлен его теоретической и практической значимостью. Эффективность будет зависеть от правильности применения норм права, которая в том числе детерминируется адекватностью их интерпретации и конкретизации.

Несмотря на тесную взаимосвязь таких категорий, как «конкретизация» и «толкование», и существование такого вида, как конкретизация в процессе толкования, большинство ученых эти понятия разграничивают. Так, по мнению Н. А. Власенко и М. В. Залоило, толкование права не выходит за рамки толкуемой нормы в отличие от конкретизации, в результате которой в процесс регулирования вносятся элементы новизны [12, с. 45].

Что касается соотношения понятий «интерпретация» и «толкование», то в большинстве иностранных языков эти термины отождествляются, однако среди ученых также нет единства относительно этого вопроса.

Ю. А. Веденеев рассматривал интерпретацию права как сложный культурно-исторический феномен, двойственная природа которого заключается в том, что интерпретация выступает элементом не только механизма правообразования и правового регулирования, но и систем социальной и культурной коммуникации. Ученый разграничивал эти понятия и отмечал, что отличие интерпретации от толкования определяется культурно-историческим контекстом и системой ценностных оснований социального общения [13, с. 33, 36].

Ю. А. Гаврилова, точку зрения которой мы разделяем, в своих исследованиях указывает на то, что разграничение этих терминов может быть лишь условным: «На уровне проблемы правопонимания термин “интерпретация” вполне может использоваться самостоятельно в значении доктринального толкования… На уровне же законодательства и юридической практики… должен использоваться параллельно с “толкованием” до степени смешения (отождествления), но не как альтернативная его замена» [14, с. 87].

Одна из тенденций современного законодательства – внесение большого количества дополнений и изменений, а также увеличение числа нормативных правовых актов, результатом которой являются противоречия в правоприменительной практике, что негативно отражается на эффективности правоприменительной деятельности [15, с. 52].

Интерпретационные ошибки не только снижают эффективность правоприменительной деятельности, но и могут служить основанием для отмены принятых решений и даже нарушения прав граждан.

Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по результатам рассмотрения кассационной жалобы по делу № А60-37315/2019 Суд признал незаконным приказ антимонопольного органа, его действия по возбуждению и рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства. Неправильное толкование «хозяйствующего субъекта» антимонопольным органом и судами привело к ущемлению интересов гражданина, допущенные ошибки в толковании и применении норм явились основанием для принятия нового судебного акта[4]*.*

Анализ судебной практики демонстрирует отсутствие в некоторых случаях единого подхода к интерпретации норм в различных инстанциях.

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС21-119 от 4 июня 2021 г. по делу № А60-37315/2019. Доступ из СПС «Гарант».

Так, в суде первой инстанции признается право лица на получение денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно; суд апелляционной инстанции признает выводы суда основанными на неправильном толковании норм материального права, что является основанием для отказа в назначении указанной выплаты; кассационный суд общей юрисдикции оставляет без изменения определение суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что выводы суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции основаны на неправильном толковании[5]*.*

Такая ситуация создает неопределенность в правоприменении, снижает эффективность норм права и процесса правового регулирования.

Толкование норм права может быть использовано в качестве инструмента для преодоления указанных негативных последствий, поскольку единообразная интерпретация действующих норм позволяет обеспечивать относительную стабильность правового регулирования [16, с. 108]. Использование различных интерпретационных методик с учетом контекста, цели правовых норм и ценностей, существующих в конкретный исторический период, позволяет сделать процесс правоприменения более эффективным [17, с. 182].

Заключение

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Во-первых, толкование права имеет основополагающее значение для правоприменительной деятельности. Адекватное толкование позволяет правоприменителю обеспечивать справедливость решений и верховенство права. Во-вторых, толкование права позволяет адаптировать абстрактные нормы, применив их к фактическим обстоятельствам конкретного дела. В-третьих, посредством толкования права происходит уточнение смысла терминов и устраняется неоднозначность в понимании норм. Это способствует повышению правовой определенности и единообразию правоприменительной практики. В-четвертых, использование различных интерпретационных методик позволяет адаптировать законодательство к новым условиям с учетом социальных, экономических, политических и технологических изменений.

Изложенный материал позволяет заключить, что толкование права играет ключевую роль в обеспечении эффективности правоприменительной деятельности. Несмотря на значительную теоретическую и практическую разработку теории толкования, существуют факторы, препятствующие использованию потенциала данного инструмента: несовершенство законодательства, недостаточная квалификация субъектов правоприменительной деятельности, противоречивая судебная практика и т. д. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой новых интерпретационных методик, что позволит сделать правоприменительный процесс более эффективным.

Список источников

1. Горчакова Е. Н., Поклонский Ф. Е. Качество, результативность, эффективность, квалитативность: терминологические аспекты // Экономика промышленности. 2009. № 1 (44). С. 22–28.

2. Хусаинова О. В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2023 г. № 18-КГ23-46-К4 (УИД 23RS0042-01-2021-006244-83). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Красиков И. В., Сауляк О. П. Критерии эффективности правоприменительных актов // Образование и право. 2023. № 1. С. 256–260.

4. Гильмутдинова М. И. Теоретические основы эффективного правоприменения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2012. 22 с.

5. Пономарев К. В. Эффективность правоприменения: формирование понятия // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2009. № 2. С. 106–110.

6. Тимохов В. П. Историко-правовой генезис понятия эффективность // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. Т. 6, № 2. С. 344–352.

7. Алексеева Л. А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел : моногр. Орел : Орл. юрид. ин-т МВД России им. В. В. Лукьянова, 2017. 128 с.

8. Честнов И. Л. Теоретические проблемы правоприменения // Криминалистъ. 2015. № 2 (17). С. 76–79.

9. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М. : Бр. Башмаковы, 1913. 152 с.

10. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

11. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

12. Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43–57.

13. Веденеев Ю. А. Интерпретация права как культурно-исторический феномен: категория и институт // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 32–46.

14. Гаврилова Ю. А. Толковать нельзя интерпретировать // Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 3. С. 83–90.

15. Малько А. В., Терехов Е. М. Усовершенствование правоинтерпретационной деятельности как средство повышения качества правоприменения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 51–55.

16. Тонков Е. Н. Новые подходы к толкованию права // Изменения в праве: новаторство и преемственность : коллектив. моногр. / под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергевнина, Н. В. Разуваева. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 98–108.

17. Гаджиев Х. И. Философия судебного права : моногр. М. : Норма, 2024. 472 с.

References

1. Gorchakova, E. N., Poklonsky, F. E. Quality, effectiveness, efficiency, quality: terminological aspects. *Russian Journal of Industrial Economics.* 2009;(1):22-28. (In Russ.)

2. Khusainova, O. V. *Law enforcement activities of public authorities: effectiveness assessment, main areas of improvement (theoretical and legal aspect)*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2009. 23 p. (In Russ.)

3. Krasikov, I. V., Saulyak, O. P. Criteria for the effectiveness of law enforcement acts. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2023;(1):256-260. (In Russ.)

4. Gilmutdinova, M. I. *Theoretical foundations of effective law enforcement.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kazan; 2012. 22 p. (In Russ.)

5. Ponomarev, K. V. Effectiveness of law enforcement: the formation of concepts. *Vestnik Akademii ekonomicheskoj bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009;(2):106-110. (In Russ.)

6. Timokhov, V. P. The historical and legal genesis of the concept of efficiency. *Bulletin MSTU. Scientific Journal Proceedings of the Murmansk State Technical University.* 2003;6(2):344-352. (In Russ.)

7. Alekseeva, L. A. *Correlation of social and legal effectiveness of law enforcement activities of internal affairs bodies.* Monograph. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov; 2017. 128 p. (In Russ.)

8. Chestnov, I. L. Theoretical problems of law enforcement. *Kriminalist = Criminalist.* 2015;(2):76-79. (In Russ.)

9. Vaskovsky, E. V. *A guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers*. Moscow: Brothers Bashmakov; 1913. 152 p. (In Russ.)

10. Kelsen, H. *Pure doctrine of law.* 2nd ed. Transl. from Germ. by M. V. Antonov, S. V. Lezov. St. Petersburg: Alef-Press; 2015. 542 p. (In Russ.)

11. Gadamer, H.-G. *Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics.* Transl. from Germ. General ed. and the introd. art. by B. N. Bessonov. Moscow: Progress; 1988. 704 p. (In Russ.)

12. Vlasenko, N. A., Zaloilo, M. V. Concretization and interpretation of law as the creative content of judicial practice. *Journal of Russian Law.* 2016;(8):43-57. (In Russ.)

13. Vedeneev, Yu. A. Law interpretations as the cultural and historic phenomenon: the category and the institution. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2016;(5):32-46. (In Russ.)

14. Gavrilova, Yu. A. To construe cannot be to interpret. *Legal Concept.* 2018;17(3):83-90. (In Russ.)

15. Malko, A. V., Terekhov, E. M. Improvement of law-interpret activity as a means of improving the quality of application of law. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(4):51-55. (In Russ.)

16. Tonkov, E. N. New approaches to the interpretation of law. In: D. E. Mereshkin, S. L. Sergevnin, N. V. Razuvaev, eds. *Changes in law: innovation and continuity.* St. Petersburg: Publishing and Printing Center of the North-Western Institute of Management, a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2022. Pp. 98–108. (In Russ.)

17. Gadzhiev, Kh. I. *Philosophy of judicial law*. Monograph. Moscow: Norma; 2024. 472 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. И. Алексеева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин.

Information about the author

N. I. Alekseeva – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the General Theoretical Legal Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 13–26
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 13–26
УДК 340.11 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.13-26

Научно-практическая статья

О целесообразности создания федерального специализированного суда над судьями: постановка проблемы, первый подход

Михаил Иванович Клеандров
Институт государства и права, Российская академия наук, Москва, Российская Федерация, mklean@igpran.ru, https://orcid.org/0009-0002-2483-1717

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность создания в Российской Федерации федерального специализированного суда над судьями. По мнению автора, правосудие в отношении судей должно не только быть справедливым, но и выглядеть в глазах общества справедливым, что требует создания отдельного федерального специализированного моносуда. Приводятся исторические примеры таких судов.
Обосновывается, что в юрисдикцию этого суда должны войти все уголовные дела в отношении всех судей государства; дела о дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий всех судей и руководителей судов (за исключением судей и руководителей Конституционного Суда Российской Федерации) за тяжкий дисциплинарный проступок; дела о тяжком проступке судьи, не квалифицируемом как дисциплинарный, но предусматривающем досрочное прекращение полномочий также всех судей и руководителей судов (за исключением судей и руководителей Конституционного Суда России). Обозначены приблизительные контуры суда над судьями.

Ключевые слова: суды, судьи, руководители судов, правосудие, ответственность судей, уголовная ответственность, дисциплинарная ответственность, конституционная ответственность

Для цитирования: Клеандров М. И. О целесообразности создания федерального специализированного суда над судьями: постановка проблемы, первый подход // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 13–26. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.13-26.

Scientific and practical article

On the Feasibility of Establishing a Federal Specialized Court for Judges: Problem Statement and First Approach

Mikhail I. Kleandrov
Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, mklean@igpran.ru, https://orcid.org/0009-0002-2483-1717

Abstract. The article substantiates the expediency of establishing a federal specialized court over judges in the Russian Federation. According to the author, justice for judges should not only be fair, but also appear fair in the eyes of society, which requires the establishment of a separate federal specialized court that deals with justice for judges. Historical examples of such courts are provided.

© Клеандров М. И., 2026

It is substantiated that the jurisdiction of this court should include all criminal cases against all judges in the country, cases of disciplinary liability in the form of early termination of the powers of all judges and heads of courts (with the exception of judges and heads of the Constitutional Court of the Russian Federation) for serious disciplinary offenses, and cases of serious offenses by judges that are not classified as disciplinary offenses, but that also result in early termination of the powers of all judges and heads of the country (with the exception of judges and heads of the Constitutional Court of Russia). The approximate contours of the court over judges are outlined.

Keywords: courts, judges, court leaders, justice, judicial responsibility, criminal responsibility, disciplinary responsibility, constitutional responsibility

For citation: Kleandrov, M. I. On the feasibility of establishing a federal specialized court for judges: problem statement and first approach. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(2):13-26. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.13-26.

В Древнем Риме на протяжении тысячелетия бытовала уверенность: Justitia regnorum fundamentum (Правосудие – основа государства). Не властители любой формы государственного устройства, не непобедимая древнеримская армия, не экономика, не даже народ Рима, а именно Правосудие. И до сих пор в мире не существует государств без суда (не считая Союзного государства Беларусь – Россия, но это – разговор особый). В чем заключается, точнее, на чем должна фокусироваться стратегия развития механизма правосудия? В чем состоит генеральная линия его деятельности, кто (что) определяет, зачем суд существует? К достижению какой высшей цели, выходящей за пределы скрупулезного соответствия действующему законодательству, должны стремиться судьи, непосредственно осуществляющие правосудие?

Главной, отправной точкой ответа на эти вопросы служит то обстоятельство, что механизм правосудия есть судебная власть, одна из составляющих государственной власти. Конституционный Суд Российской Федерации оценивает ее роль так: «Именно судебная власть, независимая и беспристрастная по своей природе, играет решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина, и именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем предопределяется значение судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер»[1].

Недавно назначенный Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов в первом после назначения интервью «Российской газете» и ТАСС подчеркнул, как важно поддерживать высокий уровень доверия граждан к правосудию. Здесь нет мелочей, на авторитет судебной власти влияет многое, начиная от безупречной репутации судей, качества выносимых ими актов до общего профессионализма судейского корпуса и в целом отношения к людям, для которых суды – часто последняя надежда найти справедливость[2]. Поэтому к судьям как непосредственным носителям судебной власти, к их статусу – во всем объеме этого понятия, включая ответственность, – должны предъявляться особые, повышенные требования.

Результаты

Эффективен ли в настоящее время организационно-правовой механизм ответственности судей? Вряд ли в целом можно признать его эффективным в достаточной мере, и всегда есть потребность в его совершенствовании. В том числе – в направлении судебного (государственным судом) рассмотрения дел в отношении судей, более справедливого (в глазах общества – и

[1] См. постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 8-П, от 17 марта 2009 г. № 5-П, от 26 мая 2011 г. № 10-П, от 8 ноября 2012 г. № 25-П и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Российская газета. 2025. 5 нояб.

более эффективного) именно судебного механизма ответственности судей. Точнее, не любой ответственности, а ключевой, доминирующей над иными видами – уголовной и влекущей досрочное прекращение судейских полномочий за тяжкий (не влекущий уголовного наказания) проступок.

Какие ориентиры в истории нашего, отечественного правосудия могут быть в данном случае представлены? Их немного. К примеру, в Российской империи помимо судебных органов, предусмотренных Судебной реформой 1864 г., в 1872 г. было образовано в качестве чисто судебного органа «Особое присутствие для суждения о государственных преступлениях и противозаконных обществах» в составе Правительствующего Сената. В 1895 году в составе Сената было учреждено Дисциплинарное присутствие для рассмотрения дел о дисциплинарных проступках лиц судебного ведомства [1, с. 367–368]. В советский довоенный период судебными полномочиями (а значит, и в отношении судей) были наделены, как известно, ВЧК, а позже – Особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР[3].

За рубежом же действовал Суд над правосудием (нем. Juristenprozess) в официальном процессе «Соединенные Штаты Америки против Йозефа Альтштеттера и др.». Это был третий из 12 процессов по военным преступлениям, которые США провели в своей оккупационной зоне в Германии в Нюрнберге после окончания Второй мировой войны. Обвиняемыми по этому делу были 16 немецких юристов и адвокатов, девять из них были сотрудниками Министерства юстиции Рейха, остальные – прокурорами и судьями специальных судов и народных судов нацистской Германии. Помимо прочих обвинений их обвиняли в реализации и продвижении нацистской программы «расовой чистоты» с помощью евгенических и расовых законов. Все подсудимые заявили о своей невиновности, утверждая, что действовали именем закона. Судебный процесс длился с 5 марта по 4 декабря 1947 г. Десять подсудимых были признаны виновными; четверо получили пожизненные сроки (все четверо были освобождены к 1957 г.), а шестеро приговорены к тюремным срокам различной продолжительности (пять, семь или 10 лет); все, кроме одного (умер в 1950 г.), были освобождены к 1951 г.). С четырех человек были сняты все обвинения.

Имели место и иные судебные процессы над судьями – по неординарному формату.

В Российской же Федерации уже в наше время было создано Дисциплинарное судебное присутствие в соответствии с Федеральным конституционным законом от 9 ноября 2009 г. № 4-ФКЗ «О Дисциплинарном судебном присутствии»[4]. Это был узкоспециализированный судебный орган. Его основные особенности: а) в Конституции Российской Федерации он не упоминался; б) полномочия его в соответствии с названным Федеральным конституционным законом предусматривали рассмотрение дел по жалобам на решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (ВККС РФ) и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации (ККС субъектов РФ) о досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков, обращениям на решения ВККС РФ и ККС субъектов РФ об отказе в досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков; в) состав (шесть членов) формировался из числа судей Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (за исключением руководителей этих судов, а также судей, входящих в состав ВККС РФ и в состав Совета судей Российской Федерации) – по три члена; г) избирались они на пленумах высших судов тайным голосованием с использованием бюллетеней на конкурс-

[3] Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 5 ноября 1935 г. «Об Особом совещании при народном комиссаре внутренних дел Союза ССР» // Собрание законов СССР. 1935. № 11. Ст. 84.1.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 45. Ст. 5261.

ной основе при наличии не менее двух претендентов на одно место сроком на три года и сразу считались действующими членами этого органа, т. е. каким-либо органом и кем-либо в этой должности не утверждались; д) свои полномочия судьи – члены Дисциплинарного судебного присутствия осуществляли без освобождения от должности судей Верховного / Высшего Арбитражного судов Российской Федерации, но освобождались от обязанностей по осуществлению правосудия по основному месту работы на период подготовки и правоведения заседаний Дисциплинарного судебного присутствия; е) в период осуществления своих полномочий в качестве члена Дисциплинарного судебного присутствия судья не мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности; ж) процессуально-процедурные вопросы правосудной деятельности Дисциплинарного судебного присутствия регулировались его Регламентом, утверждаемым совместным постановлением Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов Российской Федерации; з) решения этого судебного органа являлись окончательными и обжалованию не подлежали, и т. д.

Важно при этом, что вопрос о неконституционности Дисциплинарного судебного присутствия не ставится, хотя можно увидеть некоторые основания для этого: судей в него назначают не как в иные высшие суды (Конституционный, Верховный и в прошлом – Высший Арбитражный) Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации; отсутствием указания на него в Конституции России он похож на суд чрезвычайный, что категорически запрещалось (и тогда, и сейчас) Конституцией России; осуществление правосудия одним судьей одновременно в двух судах и пр.

Напомним в связи с этим, что проверку на соответствие Конституции Российской Федерации Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном судебном присутствии» (в целом и отдельного его положения – ч. 9 ст. 8) провел Конституционный Суд Российской Федерации. В Определении от 1 марта 2011 г. № 283-О-О[5] указано, в частности: Конституция Российской Федерации непосредственно Дисциплинарное судебное присутствие не учреждает и не определяет его правовое положение в качестве судебного органа. В то же время ею закреплено, что в ведении Российской Федерации находятся установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности, судоустройство (п. «г», «о» ст. 71), по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 76), и что полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом (ч. 3 ст. 128). Согласно указанным конституционным положениям во взаимосвязи с иными положениями Конституции России федеральный законодатель имеет право посредством принятия и изменения федеральных конституционных законов наряду с судами, непосредственно предусмотренными Конституцией России, учреждать и иные виды федеральных судов, в том числе специализированные суды по рассмотрению отдельных категорий дел. Реализуя это право, федеральный законодатель принял оспариваемый заявительницей Федеральный конституционный закон, которым было учреждено Дисциплинарное судебное присутствие как судебный орган, определены его полномочия, порядок образования и деятельности. Тем самым Конституционный Суд в рамках своих четко закрепленных полномочий определил Дисциплинарное судебное присутствие как

[5] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 283-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Душиной Екатерины Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями Федерального конституционного закона о Дисциплинарном судебном присутствии». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

федеральный моносуд специальной юрисдикции, по существу же признал право федерального законодателя создать моносуд, что не противоречит действующей Конституции Российской Федерации.

Совершенствование системы правосудия происходит, как отмечает профессор Н. С. Бондарь, прежде всего на основе последовательной и системной законодательной регламентации основных институтов, составляющих судебную систему. Изменение законодательства в сфере организации и функционирования судебной власти не может осуществляться произвольно и должно в полной мере отвечать базовым конституционным параметрам. Существующее законодательное регулирование также должно приводиться в соответствие с установленными конституционными принципами, в том числе в их логическом развитии в режиме конституционализации текущего законодательства [2, с. 137].

Или же механизм ответственности судей может быть не судебным? Этот вопрос следует отнести к правомочию законодателя – создать квазисудебный[6], но не псевдосудебный[7] орган. По мысли автора данных строк, квазисудебный орган никакого негативного смыслового значения (в отличие от псевдо…) не несет и означает лишь орган, наделяемый частичными судебными функциями – схожими с ними, но им не тождественными.

Такими квазисудебными функциями наделены квалификационные коллегии судей, как региональные, так и ВККС РФ, образованные еще при Советской власти[8]. И в вопросе дисциплинарной ответственности судей роль ККС (обоих уровней) – доминирующая, в частности в виде досрочного прекращения полномочий судьи в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и/или процессуального законодательства, Закона о статусе судей и/или Кодекса судейской этики (п. 5 ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[9] (далее – Закон о статусе судей). Что ККС и исполняли, причем относительно всех судей страны, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Но вот 15 января 2020 г. Президент Российской Федерации в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации сказал буквально следующее: «Ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная система – Конституционный и Верховный суды. Подчеркну, безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним. Справедливость и моральное право принимать решения, затрагивающие судьбы людей, всегда в России имели первостепенное значение. Основной Закон должен закреплять и защищать независимость судей, принцип их подчинения только Конституции и федеральному законодательству. При этом считаю необходимым предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов в случае совершения ими проступков,

---

[6] Квази… (от лат. quasi – как будто, будто бы). Первая часть сложных слов. Вносит зн. сл.: мнимый, ложный, ненастоящий. Квазиалмазный, квазибезвыходный, квазиврач, квазигерой, квазизаступник, квазинаучный, квазипоэзия, квазидемократ, квазиреволюционный, квазиспециалист, квазисоциалист, квазиученый. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. С. 424.

[7] Псевдо... (от греч. pseudos – ложь, вымысел). Первая часть сложных слов. Вносит зн. сл.: ложный, мнимый. Псевдогерой, псевдогуманист, псевдоделовой, псевдоинтерес, псевдоклассицизм, псевдонародный, псевдонаука, псевдопатриотизм, псевдосоциалистический. Там же. С. 1042.

[8] Закон СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 5. С. 18–23.

[9] Ведомостей Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи. Это предложение делается исходя из сложившейся практики. Этого явно сегодня не хватает»[10].

Какие выводы из приведенной речи Президента Российской Федерации следует сделать? Во-первых, ключевым здесь служит: «Этого явно сегодня не хватает». Во-вторых, прежний (пока действующий) механизм дисциплинарной ответственности судей Конституционного и Верховного судов Российской Федерации за тяжкие проступки является неэффективным. Поэтому, в-третьих, его надо заменить Советом Федерации Российской Федерации с наделением этого законодательного органа квазисудебными функциями. В-четвертых, речь в Послании шла лишь об очень ограниченной штатной численности – 11 судьях Конституционного Суда Российской Федерации и 170 судьях Верховного Суда Российской Федерации. В-пятых, сказанное относилось только к судьям, но не руководителям (председателям и заместителям председателей) судов, а ведь каждый руководитель суда – это прежде всего судья, непосредственно осуществляющий судейские полномочия и одновременно наделенный руководящими полномочиями, именно как руководитель суда могущий совершать грубые проступки (например, побуждать судей, подчиненных ему, выносить неправосудные судебные акты).

Предложение Президента Федеральному Собранию Российской Федерации было реализовано в существенно более широком формате: введенный в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации п. «л» ч. 1 ст. 102 провозгласил, что к ведению Совета Федерации относится «прекращение по представлению Президента Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий». Это означало, что количество судей, входящих теперь в юрисдикцию Совета Федерации, увеличено с нескольких десятков до примерно двух с половиной тысяч – помимо судей двух высших судов государства это теперь: а) судьи кассационных и апелляционных арбитражных судов и судов общей юрисдикции и б) председатели и заместители председателей этих судов и Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Однако в настоящее время Совет Федерации обязанности относительно прекращения полномочий указанных членов судейского корпуса страны в соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 102 Конституции Россиии не выполняет. Эти обязанности по-прежнему выполняет ВККС РФ.

Так, Решением ВККС РФ от 1 апреля 2024 г. прекращены, например, полномочия судьи, заместителя председателя Третьего арбитражного апелляционного суда Ш. (с лишением его второго квалификационного класса судьи) за совершение грубого дисциплинарного проступка[11].

---

[10] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства». (Отдельное издание). М. : Известия, 2020. С. 43–44.

[11] Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2025. № 2 (100). С. 20–22.

Возложение конституционными нововведениями 2020 г. на Совет Федерации квазисудебных функций относительно прекращения полномочий судей и руководителей Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, кассационных и апелляционных судов общей и арбитражной юрисдикции за совершение ими грубых проступков можно рассматривать и как выражение недоверия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (возможно, взгляда на этот механизм, когда «судьи судят судей», в узкодисциплинарном сегменте их ответственности). То обстоятельство, что в составе ВККС РФ треть – не судьи, а представители общественности плюс представитель Президента Российской Федерации, также не судья, положения не меняет: решения там принимаются простым большинством голосов.

Но тут возникает крамольный вопрос: если есть недоверие к ВККС РФ как федеральному органу судейского сообщества (пусть и в узком сегменте его полномочий), то естественным, по аналогии, должно быть сомнение в непредвзятости судей, рассматривающих дела с участием судей – в уголовном, гражданском и административном судопроизводствах. И это сегодня (в самое последнее время), когда выявлены случаи крупномасштабных долговременных коррупционных схем с участием отдельных руководителей судебных органов высоких судебных инстанций…

Кроме того, очевидно: если руководитель судебного органа – коррупционер и подвергал давлению подчиненных по административной вертикали, судей, выносящих вследствие этого неправосудные судебные акты (что устанавливалось в ходе судебного процесса над ним), такие судебные акты подлежат пересмотру. Ситуация здесь в немалой мере аналогична той, когда судебные акты в течение ряда лет выносил судья, который изначально не мог чисто по анкетным (объективным) основаниям быть судьей [3]. Добавим: в ходе судебного процесса над таким руководителем суда – коррупционером необходимо скрупулезно выявлять и изымать (подчас в формате гражданского судопроизводства в уголовном процессе) объекты недвижимости, ценные бумаги, денежные средства (в том числе криптовалюту и пр., иногда – размещенные за пределами России), полученные им коррупционно преступным путем, что требует огромной и филигранной высокопрофессиональной работы.

По нашему мнению, отягчающим для руководителей судебных органов, как и руководителей органов судейского сообщества, проступком, прямо закрепленным в законе, должны стать влияние, оказываемое на принятие подчиненными судьями заведомо определенных судебных актов по конкретным делам, находящимся в их производстве, а также незаконное содействие в иных конкретных вопросах.

Случаи такого влияния, к сожалению, имеют место. Так, именно за такие проступки решением ВККС РФ от 21 ноября 2023 г. были прекращены полномочия председателя райсуда, председателя регионального Совета судей А.[12]

Да и сам судебный процесс нередко приходится, по очевидным причинам, переводить из того судебного органа, к подсудности которого он отнесен законом, в иной в целях если не устранения, то хотя бы минимализации возможностей влияния подсудимого (ответчика в гражданском процессе) на рассматривающих такие дела судей.

Очевиден вывод: уголовное судопроизводство над судьями необходимо возложить на специализированный федеральный моносуд над судьями, не входящий в систему судов общей юрисдикции.

---

[12] Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2024. № 6 (98). С. 16–18.

25 декабря 2008 г. Федеральным законом № 274-ФЗ[13] подп. 6 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей, регулирующей вопросы прекращения полномочий судьи, был дополнен словами «, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства»[14]. То есть это тяжкий проступок судьи, и наказание за него одно – досрочное прекращение судейских полномочий.

Также п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей Федеральным законом от 7 мая 2013 г. был дополнен подп. 6.1, в соответствии с которым полномочия судьи прекращаются по следующему основанию: «нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». Это также тяжкий проступок, и наказание за него одно – досрочное прекращение полномочий судьи. Но это в обоих случаях не дисциплинарный проступок судьи, поскольку:

а) п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей был Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ[15] дополнен подп. 13, в соответствии с которым полномочия судьи прекращаются по основанию: «совершение судьей дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи»;

б) в п. 5 ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» Закона о статусе судей сказано: «Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия только при наличии жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи, ранее подвергавшегося дисциплинарному взысканию, если допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлены вступившим в силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок[16]. Здесь же, в обоих приведенных случаях, такие квалифицирующие признаки отсутствуют;

---

[13] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6229.

[14] В редакции Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8071).

[15] Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3471.

[16] В редакции Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и Федеральный закон “Об органах судейского сообщества в Российской Федерации”» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4832).

в) Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ Закон о статусе судей был дополнен ст. 14.1 «Прекращение полномочий отдельных категорий судей Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», в которой перечислены функции Совета Федерации по прекращению полномочий категорий судей, названных в п. «л» ч. 2 ст. 102 Конституции России (добавлены руководители и судьи апелляционных и кассационных военных судов и Суда по интеллектуальным правам), а также развернуто перечислены основания, по которым эти полномочия подлежат прекращению: 1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[17]; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами. И эти проступки не названы дисциплинарными;

г) наконец, ВККС РФ четко разделила дисциплинарную ответственность судьи за совершение им дисциплинарного проступка, предусмотренного ст. 12.1 Закона о статусе судей, и ответственность судьи по основанию, предусмотренному подп. 1 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей, где не названы ни вид проступка, ни вид ответственности судьи[18].

Но если прекращение полномочий части руководителей судов и судей за тяжкий проступок – не дисциплинарный проступок, влекущий дисциплинарную ответственность в виде досрочного прекращения их полномочий, то, без сомнений, это конституционная ответственность (ведь не уголовная, не административная, не гражданская…). Но только ли части судейского корпуса? Сегодня это так, но верно ли это?

Статья 12 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[19] именуется «Единство статуса судей» и провозглашает: «Все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией». То же провозглашено в ст. 2 (с тем же названием) Закона о статусе судей. Статус же судей, что общеизвестно и сомнений не вызывает, означает совокупность прав, обязанностей и ответственности [4, с. 88–112]. И если часть судейского корпуса за тяжкий проступок несет дисциплинарную ответственность, а другая часть за такой же проступок – конституционную, то это, вне сомнений, разрыв единого статуса судьи. А зачем это делать?

Таким образом, и в этом случае очевидно: ответственность судьи за тяжкий дисциплинарный проступок, влекущий досрочное прекращение его полномочий, а также за тяжкий проступок, не являющийся дисциплинарным, но также влекущий его досрочное прекращение полномочий, следует возложить, как и за преступление судьи, на специализированный федеральный моносуд над судьями.

---

[17] Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[18] Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 27 ноября 2024 г., которое отменило решение ККС Удмуртской Республики, не применившей новые нормы закона и привлекшей судью к ответственности за наличие счета в иностранном банке вне рамок дисциплинарного производства (Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2025. № 3 (101). С. 32–34).

[19] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

Важным фактором является то обстоятельство, что суд над судьей – и как судебный процесс над судьей, и как судебный акт в отношении судей, вынесенный по завершении процесса, – должен быть справедливым объективно, соответствовать закону, материалам и обстоятельствам судебного дела. И процесс, и судебный акт должны выглядеть справедливыми и в глазах общества. А вот здесь кроется проблема. В глазах части общества любой процесс и любой судебный акт в отношении судьи в современном формате с позиции справедливости сомнителен: «рука руку моет», «своих не бросают», «сначала сами избирают (членов и руководителей органов судейского сообщества), а потом сами же и судят» и пр. Этот фактор нельзя не учитывать при решении дилеммы: нужен ли отдельный, не входящий в судебную систему страны судебный орган – «суд над судьями», сформированный на иных, чем сегодня, принципах, или «и так хорошо», а если что и следует менять, то чуть-чуть.

Сколько приблизительно дел мог бы рассматривать суд над судьями в случае его создания?

Объем работы ВККС РФ и ККС субъектов РФ относительно уголовной ответственности судей, дисциплинарной ответственности судей в виде досрочного прекращения их полномочий за тяжкий дисциплинарный проступок и ответственности судей в виде досрочного прекращения их полномочий за тяжкий проступок, который квалифицируется не как дисциплинарный, может быть охарактеризован следующими отчетными данными за первое полугодие 2025 г.

Решением ВККС РФ на основе п. 11 ст. 6.1 Закона о статусе судей досрочно прекращены полномочия одного заместителя председателя суда общей юрисдикции с сохранением за ним полномочий судьи.

ККС субъектов РФ по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей, прекращены полномочия: по подп. 7 (занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи) – одного судьи суда общей юрисдикции; по подп. 8 (вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении судьи либо судебного решения о применении к нему принудительных мер медицинского характера) – двух судей судов общей юрисдикции; по подп. 13 (совершение судьей дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи) – 12 (11 судей судов общей юрисдикции, в том числе двух мировых судей и одного судьи арбитражного суда). Также решениями ККС субъектов РФ на основании п. 11 ст. 6.1 Закона о статусе судей досрочно прекращены полномочия троих председателей и заместителей председателей районных (городских) судов с сохранением полномочий судьи. ВККС РФ дано согласие на возбуждение уголовных дел в отношении шести судей (пяти судей судов общей юрисдикции и одного судьи арбитражного суда).

При этом важно, что в этот период в ВККС РФ, в ККС субъектов Российской Федерации поступило 19 416 обращений, содержащих сведения о совершении судьей или руководителем суда дисциплинарного проступка, и 67 жалоб, содержащих сведения о наличии в действиях судьи признаков преступления[20].

Имеет значение также то обстоятельство, что ВККС РФ обладает правом изменять вид дисциплинарного взыскания судьи, чего нет, как отметил Председатель ВККС РФ Н. В. Тимошин в выступлении на семинаре-совещании с председателями ККС субъектов РФ (17–18 июля 2025 г.), у Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации: в случае несогласия с наложенным взысканием при установленном дисциплинарном проступке она отменяет решение, и виновный судья остается безнаказанным.

Таким образом, объем приведенных данных (количество преступлений и тяжких проступков) большим назвать нельзя, как и, ориентировочно, объем работы будущего суда над судья-

[20] Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2025. № 5 (103). С. 3–6, 33.

ми и, соответственно, нагрузку его судей. Создание же полномасштабного федерального специализированного моносуда (подобного Конституционному Суду) требует серьезных затрат: штатный судейский корпус, соответствующий аппарат (советники и помощники судей, специалисты, включая бухгалтерию, отдел кадров, охрана, вспомогательные службы – ведь деятельность Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации на него распространяться не будет), помещение, разнообразное оснащение, отдельное, и немалое, бюджетное финансирование…

В принципе к ведению этого суда можно отнести и административные, и гражданские, и жилищные, и иные споры с участием судей. И тогда названный объем посчитать незначительным уже будет нельзя, но этот суд по-прежнему будет федеральным специализированным.

С другой стороны, если у предполагаемого суда будут лишь узкоспециализированные полномочия – уголовные дела в отношении судей и дела по досрочному прекращению полномочий судьи (в качестве меры наказания за тяжкий проступок) всех судей страны, от мировых до Верховного Суда Российской Федерации (но не судей Конституционного Суда), как в качестве дисциплинарного взыскания, так и за грубый проступок, не квалифицируемый дисциплинарным, то он мог бы иметь формат «пульсирующего» судебного органа, что радикально сократит предполагаемые расходы на него.

В зарубежных судебных системах интерес представляет Суд импичмента в Исландской Республике, провозглашенный в Конституции этого государства в 1944 г., законодательно закрепленный в 1963 г. [5, с. 304]. Особенностью этого Суда является то обстоятельство, что по форме это суд потенциальный: по Закону формируется, лишь когда в его ведении реально оказывается дело, подлежащее его юрисдикции. Тогда он комплектуется в определенном Законом о нем составе, рассматривает это дело по процедуре, установленной этим Законом, и выносит судебный акт. И на такой случай в ежегодном бюджете страны предусматривается специальное финансирование, которое по итогам года по миновании надобности направляется на иные нужды. Пока он был сформирован один раз и провел процесс против премьер-министра в 2013 г.

Соответственно, в случае небольшого объема работы суда над судьями это не будет постоянно действующий судебный орган. Относительно регулирования его деятельности: отдельные положения могут быть взяты из формата отечественного Дисциплинарного судебного присутствия, из опыта Суда импичмента Исландии (возможны и практики других скандинавских государств). Основу же могут составить ст. 11 «Формирование квалификационных коллегий судей» Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»[21] – в части формирования судейского корпуса суда над судьями; и Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей, утвержденное ВККС РФ 22 марта 2007 г.[22] (в действ. ред.), в части процессуально-процедурного регулирования деятельности суда над судьями в сегменте прекращения их полномочий.

Заключение

Каким может быть суд над судьями?

1. Он не должен быть многочисленным, но в нем должны быть минимум две коллегии: 1) по уголовным делам; 2) по делам о прекращении полномочий судей (как в виде дисциплинарного взыскания за совершение тяжкого дисциплинарного проступка, так и за совершение тяжкого проступка, не являющегося дисциплинарным и не являющегося преступле-

[21] Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 256-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 11. Ст. 1022.

[22] Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2007. № 2 (12).

нием). В сфере юрисдикции суда над судьями должны быть только такие дисциплинарные и недисциплинарные проступки, которые по своей тяжести могут повлечь единственную меру взыскания – досрочное прекращение полномочий судьи (и руководителя суда с одновременным прекращением его судейских полномочий). По всей видимости, следует предусмотреть случаи, когда в ходе судебного процесса выясняется, что данный проступок судьи не должен влечь за собой взыскание в виде досрочного прекращения его судейских полномочий. В такой ситуации судебное преследование судьи по этому делу прекращается и материалы дела направляются в соответствующую региональную ККС или ВККС РФ. Ибо прекращение полномочий судьи – ответственность по сути конституционная, ведь как наделение судейскими полномочиями, так и их лишение – конституционный уровень непосредственного носителя государственной судебной власти.

2. Он должен быть федеральным моносудом, не входящим в судебную систему страны, наподобие Конституционного Суда Российской Федерации. То есть каких-либо региональных (окружных, субъектов Российской Федерации…) судов над судьями не должно быть в принципе.

3. Он должен быть одноинстанционным (наподобие Конституционного Суда Российской Федерации). Принятые им судебные акты обжалованию не подлежат, вместе с тем пересмотр им своих собственных решений возможен по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

4. В его юрисдикцию должны входить все государственные (т. е. не третейские, не спортивные и т. д.) судьи страны и все руководители судов (за исключением судей и руководителей Конституционного Суда Российской Федерации) – от мировых судей до судей и руководителей Верховного Суда, как действующие, так и пребывающие в отставке. Важно, что в ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» Закона о статусе судей руководители судов вообще не упоминаются (в первоначальной редакции этого Закона норм о дисциплинарной, как и об административной, ответственности судей вообще не было). Однако ситуации, при которых руководители судов совершают грубые проступки именно в качестве руководителей, а не судей, встречаются.

Например, Решением ВККС РФ от 18 сентября 2024 г. на заместителя председателя Третьего арбитражного апелляционного суда М. было наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения (как на судью), а в соответствии с абз. 2 п. 11 ст. 6.1 Закона о статусе судей его полномочия заместителя председателя суда были прекращены с оставлением в должности судьи[23].

5. Абзац 1 п. 1 ст. 12.1 Закона о статусе судей (в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ) содержит формулу дисциплинарного проступка судьи, за который судья в числе иных видов дисциплинарных взысканий может быть досрочно лишен судейских полномочий: нарушение положений Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики. Эта же формула содержится в п. 5 названной статьи Закона: «Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, настоящего Закона и (или) Кодекса судейской этики». А это означает, что дисциплинарная ответственность судьи, включая досрочное прекращение его полномочий, наступает только за нарушение положений Кодекса судейской этики. Что, в свою очередь, означает отождествление дисциплинарной (юридической) и этической (не юридической) ответственности судей.

---

[23] Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2025. № 5 (103). С. 10–13.

То обстоятельство, что действующий Кодекс судейской этики[24] не содержит положений об этической ответственности судьи, отнюдь не означает, что этическую ответственность (не юридическую в принципе) можно заменить юридической. Здесь настоятельно необходима разработка механизма этической ответственности судей с возможным наказанием в виде досрочного прекращения полномочий судьи за тяжкий этический проступок[25].

6. Процесс суда над судьями представляется в самых общих чертах следующим.

• Уголовное дело по обвинению судьи (любого суда) поступает в этот суд в рамках общей процедуры – в результате проведения предварительного следствия и утверждения обвинительного заключения. А судебное следствие с вынесением приговора проводится судом над судьями по правилам УПК РФ (с учетом, возможно, специально предусмотренных судебных процедур).

• Дело по вменению судье (любому судье страны, за исключением судей Конституционного Суда) тяжкого проступка (как дисциплинарного, так и не квалифицируемого в качестве дисциплинарного), за который предусмотрено взыскание в виде досрочного прекращения его судейских полномочий, поступает в суд над судьями: а) от Президента Российской Федерации в соответствии с его полномочиями, провозглашенными в п. е.3 ст. 83 Конституции России в отношении указанной выше части судейского корпуса страны; б) от квалификационных коллегий обоих уровней – в части остального судейского состава. То есть, по некоторой аналогии с уголовным процессом, после проведения соответствующей проверки и установления факта совершения судьей тяжкого проступка, как предварительное следствие. Суд над судьями (по некоторой аналогии с уголовным процессом) проводит свое судебное следствие и выносит решение о досрочном прекращении полномочий судьи за совершенный им тяжкий проступок. При этом в случае установления того обстоятельства, что совершенный судьей данный проступок не заслуживает наказания в виде досрочного прекращения его полномочий, суд над судьями вправе будет вариантно: а) сам наложить иное, более мягкое, соответствующее тяжести проступка взыскание; б) своим определением направить материалы дела в соответствующую ККС или в ВККС РФ для принятия мер, адекватных содеянному судьей.

7. При создании предполагаемого суда полномочия Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, закрепленные в подп. 1 п. 1 ст. 11 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»[26], перейдут в ведение суда над судьями, как и соответствующей части полномочий ККС (обоих уровней).

8. Чрезвычайно важен состав суда над судьями: это должны быть профессионалы, специалисты в сфере правосудия. Неплохим резервом в комплектовании судейского корпуса суда над судьями могли бы стать судьи, пребывающие в почетной отставке. Их в стране сегодня не меньше, чем действующих судей, и многие из них могли бы осуществлять правосудную деятельность в ограниченном объеме.

Список источников

1. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы : в 6 т. Т. 3 : От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / отв. ред. А. В. Наумов. М. : Мысль, 2003. 829 с.

2. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики : моногр. / отв. ред. Н. С. Бондарь. М. : Норма : Инфра-М, 2024. 384 с.

[24] Утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. и частично измененный Постановлением IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 2.

[25] Автор данных строк на сей счет свои соображения высказал: [6, с. 240].

[26] Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 550.

3. Клеандров М. И. Судья или не судья: об институте ничтожности судебного акта // Российское правосудие. 2016. № 12 (128). С. 29–38.

4. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежный компоненты. М. : Норма, 2008. 448 с.

5. Судебные системы Европы и Евразии : науч.-энцикл. изд. : в 3 т. Т. 1 : Западная и Северная Европа / под ред. Р. А. Курбанова, Р. А. Гурбанова. М. : Проспект, 2019. 488 с.

6. Клеандров М. И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования : моногр. М. : Норма, 2016. 240 с.

References

1. Kutafin, O. E., Lebedev, V. M., Semigin, G. Yu. *Judicial power in Russia: history and documents*. In 6 vol. Vol. 3: From the Code of Laws to the Judicial Reform of 1864. Ed. A. V. Naumov. Moscow: Mysl'; 2003. 829 p. (In Russ.)

2. Bondar, N. S., ed. *Judicial jurisprudence: from doctrine to uniformity of judicial practice*. Moscow: Norma; Infra-M; 2024. 384 p. (In Russ.)

3. Kleandrov, M. I. On nullity of judicial act. *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2016;(12):29-38. (In Russ.)

4. Kleandrov, M. I. *The status of a judge: legal and related components*. Moscow: Norma; 2008. 448 p. (In Russ.)

5. Kurbanov, R. A., Gurbanov, R. A., eds. *European and Eurasian judicial systems*. Scientific-encyclopedic edition. In 3 vol. Vol. 1: Western and Northern Europe. Moscow: Prospekt; 2019. 488 p. (In Russ.)

6. Kleandrov, M. I. *The mechanism of a judge's ethical responsibility: problems of formation*. Monograph. Moscow: Norma; 2016. 240 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. И. Клеандров – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, член-корреспондент Российской академии наук.

Information about the author

M. I. Kleandrov – Doctor of Science (Law), Professor, Chief Researcher, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 01.11.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 27–35
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 27–35
УДК 34.096 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.27-35
Научная статья

Цифровые новации в сфере денежного обращения: актуальные вопросы формирования правовых основ

Екатерина Геннадиевна Костикова
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, keg2003@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-0605-2579

Аннотация. В настоящее время в России идет процесс формирования правовых основ выпуска и обращения централизованной цифровой валюты (цифрового рубля) и децентрализованных цифровых валют (криптовалют). Новое законодательство создается в отсутствие теоретической базы, обеспечивающей четкое понимание экономико-правовой сущности цифровых валют, их технологических особенностей. Такая ситуация чревата несовершенством правовых норм, что негативно скажется на их применении, в том числе судебными органами. С учетом изложенного необходимо критическое изучение нового законодательства с целью формирования теоретической основы цифровых валют и совершенствования законодательства, регулирующего их выпуск и обращение.
Исследование проведено с использованием методов формальной логики, анализа, синтеза, герменевтического, исторического, системного, формально-юридического методов.
Изучение законодательства позволило выявить следующие проблемы, решать которые следует в рамках специальных исследований: отсутствует единство подхода к определению статуса цифрового рубля как формы денег; вызывают сомнения правильность идентификации договора счета цифрового рубля как банковского счета, а также регулирование этого договора нормами Федерального закона «О национальной платежной системе»; использование цифровых рублей для оплаты обязательных платежей в бюджеты не предусмотрено, что может негативно сказаться при введении цифровых рублей в широкое обращение; отсутствие возможности обмена цифровых рублей на наличные деньги может негативно сказаться на доверии населения; принятие федерального закона о майнинге создало условия для налогообложения этой экономической деятельности, однако не обеспечило полноценное регулирование выпуска и обращения цифровой валюты в России. Изложенные проблемы свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательства, а также создания новых нормативных правовых актов.

Ключевые слова: криптовалюта, майнинг, счет цифрового рубля, цифровая валюта, цифровой рубль

Для цитирования: Костикова Е. Г. Цифровые новации в сфере денежного обращения: актуальные вопросы формирования правовых основ // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 27–35. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.27-35.

© Костикова Е. Г., 2026

Original article

Digital Innovations in the Sphere of Money Circulation: Current Issues of Formation of Legal Bases

Ekaterina G. Kostikova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, keg2003@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-0605-2579

Abstract. Currently, Russia is in the process of forming the legal basis for the issue and circulation of a centralized digital currency (digital ruble) and decentralized digital currencies (cryptocurrencies). New legislation is being created in the absence of a theoretical basis that would provide a clear understanding of the economic and legal essence of digital currencies and their technological features. Such a situation is fraught with imperfections of legal norms, which will negatively affect their application, including by judicial bodies. Taking into account the above, a critical study of the new legislation is necessary in order to form a theoretical basis for digital currencies and improve the legislation regulating their issue and circulation.

The study was conducted using the methods of formal logic, analysis, synthesis, hermeneutic, historical, systemic, and formal-legal methods.

The study of the legislation revealed the following problems that should be addressed within the framework of special studies: there is no unity of approach to defining the status of the digital ruble as a form of money; the correctness of identifying the digital ruble account agreement as a bank account, as well as the regulation of this agreement by the provisions of the federal law "On the National Payment System" is questionable; the use of digital rubles for paying mandatory payments to budgets is not envisaged, which may have a negative impact when digital rubles are introduced into widespread circulation; the lack of the ability to exchange digital rubles for cash may negatively affect public confidence; the adoption of the federal law on mining created conditions for taxation of this economic activity, but did not ensure full regulation of the issue and circulation of digital currency in Russia. The problems outlined indicate the need to improve the new legislation, as well as the creation of new regulatory legal acts.

Keywords: cryptocurrency, mining, digital ruble account, digital currency, digital ruble

For citation: Kostikova, E. G. Digital innovations in the sphere of money circulation: current issues of formation of legal bases. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(2):27-35. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.27-35.

В условиях современной экономики в России, как и во многих других государствах, активно проходит процесс цифровизации денежного обращения. Современный тренд – это цифровая валюта центральных банков[1]. Такой валютой в России является цифровой рубль, который сейчас тестируется для последующего введения в реальный денежный оборот.

Правовые основы для этого в основном сформированы: приняты федеральные законы от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[2] (далее – Федеральный закон № 339-ФЗ), от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] (далее – Федеральный закон № 340-ФЗ), от 19 декабря 2023 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах»[4] (далее – Федеральный закон № 610-ФЗ). Новые правовые нормы в ближайшее время будут применяться на практике, в том числе судебными органами. На основе их толкования будут сформированы правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

---

[1] Central Bank Digital Currency, CBDC, ЦВЦБ.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5766.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 52. Ст. 9523.

Вместе с тем с учетом инновационного характера цифрового рубля пока не сформировано четкое понимание его экономико-правовой природы и технологических особенностей, что отражается на содержании правового регулирования. Поэтому требуется научное осмысление правового регулирования цифрового рубля в целях их совершенствования.

Результаты

Следует констатировать, что правовое регулирование существенно отличается от Концепции цифрового рубля[5] (далее – Концепция), презентованной Банком России, а содержание принятых законов отличается от законопроектов[6]. Федеральный закон № 339-ФЗ, обеспечивающий введение цифрового рубля в гражданский оборот путем внесения поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), относит цифровые рубли к безналичным денежным средствам, имущественным правам (поправки в ст. 128, ч. 1 ст. 140), а расчеты цифровыми рублями – к безналичным расчетам (поправки в ст. 861[7]). Однако в Концепции цифровой рубль позиционировался как третья форма денег. Отказ от такого подхода представляется неправильным: цифровые рубли принципиально отличаются от безналичных денег по формату, порядку расчетов, денежно-кредитному регулированию. Такого мнения придерживаются и другие ученые [1, с. 66; 2; 3], однако единство мнений отсутствует [4]. Отдельные ученые считают, что цифровые рубли относятся к безналичным денежным средствам [5; 6].

Содержание иных поправок в ГК РФ существенно сократилось по сравнению с законопроектом. В частности, не предусмотрено правовое регулирование договора счета цифрового рубля, хотя в законопроекте специальный параграф планировался к включению в главу 45 «Банковский счет». В части расчетов цифровыми рублями законодатель отказался от поправок в главу 46 «Расчеты», указав в п. 1 ст. 862 ГК РФ, что расчеты цифровыми рублями могут осуществляться в формах, установленных законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе. Исключены и иные особые правила, касающиеся цифрового рубля[8].

Федеральный закон № 340-ФЗ ввел изменения в федеральные законы от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[9], от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[10] (далее – Закон о Центральном банке), от 10 декабря 2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»[11] (далее – Закон о валютном регулировании, от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[12] (далее – Закон о национальной платежной системе), от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[13] (далее – Закон о таможенном регулиро-

---

[5] См.: Концепция цифрового рубля (подготовлена Банком России) // Центральный банк Российской Федерации : [сайт]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 21.06.2024).

[6] Проект федерального закона № 270852-8 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»; проект федерального закона № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля». Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[7] В статье 861 «Наличные и безналичные расчеты» предусмотрен отдельный абзац, касающийся расчетов цифровыми рублями, при этом название статьи не меняется.

[8] Например, в § 3 «Залог».

[9] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.

[10] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

[11] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4859.

[12] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.

[13] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

вании), от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[14], от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[15].

Из содержания Федерального закона № 340-ФЗ следует, что он дополнил гражданско-правовые основы цифрового рубля. Внесены поправки в федеральные законы «О несостоятельности (банкротстве)» и «Об исполнительном производстве», которыми закреплена возможность обращения взыскания на цифровые рубли соответственно в рамках процедур банкротства и исполнительного производства.

Новой редакцией Закона о национальной платежной системе предусмотрено регулирование договора счета цифрового рубля: ст. 30.8 «Договор счета цифрового рубля» определены условия заключения и прекращения такого договора, его участники, их права и обязанности.

Вызывает сомнение обоснованность размещения правовых норм, регулирующих договорные отношения, не в ГК РФ, а в Законе о национальной платежной системе, который относится к источникам финансового права. Особенно с учетом того, что «счет цифрового рубля является отдельным видом банковского счета» (п. 2 ст. 30.8 Закона о национальной платежной системе), а правовому регулированию этой разновидности договоров посвящена отдельная глава ГК РФ.

В то же время следует отметить существенные отличия договоров банковского счета и счета цифрового рубля: в ст. 30.8 Закона о национальной платежной системе предусмотрено, что оператор платформы цифрового рубля не может использовать цифровые рубли, учитываемые на счетах цифрового рубля, не допускаются кредитование счетов цифрового рубля, а также начисление процентов на остаток цифровых рублей. Таким образом, по договору счета цифрового рубля проводятся исключительно расчетные операции, а депозитно-кредитные операции недоступны. Банковский счет по умолчанию предусматривает осуществление как расчетных, так и депозитно-кредитных операций: в п. 2 ст. 845 ГК РФ прямо предусмотрено право банка «использовать имеющиеся на счете денежные средства, гарантируя право клиента беспрепятственно распоряжаться этими средствами», в ст. 852 ГК РФ предусмотрена выплата процентов за пользование банком денежными средствами, а в ст. 850 ГК РФ устанавливаются правила кредитования счета. В отсутствие депозитно-кредитной составляющей счет цифрового рубля имеет принципиально иной правовой режим, чем банковские счета, открытые в соответствии с правилами, закрепленными в главе 45 ГК РФ. В связи с этим логичен вопрос о правомерности квалификации договора счета цифрового рубля в качестве договора банковского счета.

С учетом изложенного правовое регулирование договора счета цифрового рубля требует отдельного изучения.

Кстати, привлечение цифровых рублей во вклады запрещено. Запрет установлен в ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Помимо этой принципиальной поправки предусмотрены и другие изменения в указанный Закон, обусловленные спецификой операций с цифровыми рублями и правового режима счетов цифровых рублей[16].

Таким образом, очевидно, что введение в обращение цифровых рублей негативно отразится на банковской деятельности отдельных кредитных организаций и банковской системе в целом, поскольку приведет к снижению доходности кредитных организаций. Такие последствия предполагались в Концепции.

---

[14] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[15] Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

[16] Например, банковская тайна распространена на разрешенные операции с цифровыми рублями и сведения о счетах цифрового рубля (ст. 26). Введены специальные правила, касающиеся операций с цифровыми рублями и счетов цифровых рублей, в ситуации отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (ст. 20).

Необходимым продолжением гражданско-правового регулирования цифрового рубля стало формирование публично-правовых основ выпуска и обращения цифрового рубля Федеральным законом № 340-ФЗ.

Так, для того, чтобы регулировать влияние цифровых рублей на банковскую систему России, новой редакцией Закона о Центральном банке закреплено право Центробанка устанавливать ограничения по операциям с цифровыми рублями в виде максимальных значений сумм таких операций и (или) сумм остатков цифровых рублей на счетах цифрового рубля. Тем самым исключается полная (существенная) замена цифровыми рублями безналичных денег и сохраняется финансовая устойчивость банковской системы России. Такие ограничения являются инструментом денежно-кредитного регулирования. Еще одна меры, за счет которой будут компенсироваться выпадающие доходы банковской системы, – это вознаграждение, выплачиваемое оператором платформы цифрового рубля (Центробанком) участникам платформы цифрового рубля (кредитным организациям). Указанные поправки внесены в ст. 18 указанного Закона.

При сохранении в качестве приоритетного безналичного денежного обращения указанные меры представляются обоснованными. И такой подход необходим, поскольку введение цифрового рубля, по сути, является экспериментом, последствия которого пока неочевидны.

Кстати, указанные меры денежно-кредитного регулирования свидетельствуют о необходимости разграничения цифровых рублей и безналичных денег. Изложенное доказывает, что это две разные формы денег.

Однако и в Законе о валютном регулировании законодатель, как и в ГК РФ, идентифицирует цифровые рубли как безналичные денежные средства: данный Закон по-прежнему предусматривает только наличные и безналичные денежные средства применительно как к валюте Российской Федерации, так и к иностранной валюте. При этом в п. 1 ч. 1 ст. 1, где дано определение валюты Российской Федерации, поправки вообще не внесены. А подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 1, где приводится характеристика безналичных денежных средств, расширен: в него включена «национальная денежная единица иностранного государства (группы иностранных государств), выпускаемая в цифровой форме национальным центральным банком иностранного государства (группы иностранных государств) или иным органом иностранного государства (группы иностранных государств)… находящаяся в обращении и являющаяся законным средством платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств)», при этом специальные правила, касающиеся совершения операций с такими деньгами, не предусмотрены. Также Закон о валютном регулировании в новой редакции разрешает нерезидентам совершать операции с цифровыми рублями, а резидентам – рассчитываться при осуществлении валютных операций по счетам цифрового рубля так же, как по банковским счетам в уполномоченных банках. Указанное правовое регулирование представляется достаточно скудным. Очевидно, что требуются более детальные правила валютного регулирования операций с цифровой валютой центральных банков.

С учетом того, что цифровые рубли предназначены для использования в расчетах, Федеральным законом № 340-ФЗ предусмотрено формирование специальной платежной системы – платформы цифрового рубля. Новая редакция Закона о национальной платежной системе содержит главу 4.2 «Платформа цифрового рубля», в которой закрепляются требования к функционированию платформы цифрового рубля, в том числе основные правила платформы цифрового рубля, обязанности ее оператора, порядок доступа к платформе цифрового рубля. Как следствие, в состав национальной платежной системы России дополнительно включены оператор и участники платформы цифрового рубля. В статью 3 указанного Закона введены новые понятия – «платформа цифрового рубля», «участник платформы цифрового рубля», «пользователь платформы цифрового рубля». В целях развития платформа цифрового рубля

включена в состав объектов наблюдения Банка России (поправки в ст. 31, 35). Закон о Центральном банке дополнен главой XII.2 «Организация и обеспечение функционирования платформы цифрового рубля», в которой определен статус Банка России как оператора платформы цифрового рубля[17].

Важно обратить внимание еще на одно принципиальное отклонение от идей Концепции: законодательством не предусмотрена возможность обмена цифровых рублей на наличные денежные средства. В Закон о национальной платежной системе включена ст. 7.1, которой предусмотрено, что цифровые рубли со счета могут только переводиться на банковский счет либо направляться на увеличение остатка электронных денежных средств. Аналогичное правило закреплено и в ст. 30.8 указанного Закона. Отказ от свободного перевода цифровых рублей в наличные деньги может негативно сказаться на доверии населения к денежной новелле. Вместе с тем данное новшество связано скорее с временным отсутствием технологической возможности для таких операций.

Поправками в Закон о таможенном регулировании предусмотрена возможность принудительного взыскания таможенных и других платежей за счет цифровых рублей, а также приостановления операций по счетам цифрового рубля (поправки в ст. 30, 71, 75, 77, 79, 81). Однако возможность добровольного исполнения обязанности по уплате таможенных платежей таможенным законодательством не предусмотрена.

Спустя полгода после первого этапа формирования правовых основ цифрового рубля, когда были приняты федеральные законы № 339-ФЗ и № 340-ФЗ, состоялся второй этап – был принят Федеральный закон № 610-ФЗ о поправках в налоговое законодательство. Теперь предусмотрена возможность принудительного взыскания со счетов цифрового рубля (поправки в ст. 46–48, 72, 76–77 НК РФ), а также введена ответственность операторов платформы цифрового рубля за неисполнение обязательств, связанных с принудительным взысканием задолженности по налогам (изменения в ст. 86, 134, 135.1 и др.). Также точечные поправки внесены в часть вторую НК РФ, другие акты налогового законодательства[18]: предусмотрено освобождение от обложения НДС отдельных операций операторов платформы цифрового рубля (ст. 149 НК РФ), уточнены правила получения доходов при зачислении их на счет цифрового рубля, а также осуществления расходов в цифровых рублях по налогу на доходы физических лиц, налогу на прибыль организаций, специальным налоговым режимам (ст. 223, 271–273, 346.5, 346.17 НК РФ и др.).

Таким образом, действующее правовое регулирование в полной мере не обеспечивает «встраивание» цифрового рубля в денежный оборот, поскольку не предусматривает возможности исполнения обязанности по уплате цифровыми рублями обязательных платежей. Отсутствие возможности исполнить денежные обязательства перед государством в новой валюте – фактор, подрывающий доверие к ней у пользователей. Представляется важным обеспечить право каждого уплачивать обязательные платежи денежными средствами в любой форме.

Хотя, как указано в Концепции, цифровые рубли смогут обеспечить прозрачность бюджетных расчетов и возможность осуществления контроля за расходованием бюджетных средств,

---

[17] В этом качестве Центробанк устанавливает правила платформы цифрового рубля; организует и обеспечивает бесперебойность ее функционирования; обеспечивает доступ к платформе цифрового рубля кредитным организациям и иным уполномоченным лицам.

[18] Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7494; Федеральный закон от 25 февраля 2022 г. № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Автоматизированная упрощенная система налогообложения”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 9 (ч. I). Ст. 1249.

поправки, касающиеся цифрового рубля, в бюджетное законодательство не внесены. Можно предположить, что отсутствие поправок в налоговое и бюджетное законодательство носит временный характер и связано с неготовностью технологий, необходимых для внедрения цифрового рубля в налогово-бюджетную сферу. В дальнейшем соответствующие технологии будут разработаны, и третьим этапом формирования правовых основ цифрового рубля станет легализация расчетов цифровыми рублями с бюджетами и внутри бюджетной системы России.

Заключение

В целом следует констатировать, что правовые основы, обеспечивающие выпуск и обращение цифрового рубля, в настоящее время только формируются. Попутно возникает множество теоретических и практических проблем и вопросов, требующих решения [7; 8; 9].

Еще одна цифровая новация в сфере денежного обращения – это децентрализованные цифровые валюты (криптовалюта). Следует отметить, что в России на протяжении длительного времени поэтапно идет процесс формирования правовых основ выпуска и обращения криптовалют, сопровождающийся противостоянием Правительства Российской Федерации и Банка России [10]. И вот очередной этап этого процесса – принятие федерального закона о майнинге[19], проект которого был внесен в Государственную Думу Российской Федерации еще в ноябре 2022 г.[20] Указанный Закон легализует выпуск криптовалют посредством майнинга. Это очередной шаг в направлении разрешительного регулирования криптовалют.

Поправки внесены в Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[21]: они предусматривают ведение учета подозрительных адресов-идентификаторов.

Изменения коснулись и отраслевого законодательства об энергетике, цель которых – контроль и регулирование потребления электроэнергии при осуществлении майнинга цифровых валют[22].

В Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»[23] введены прямые запреты рекламы цифровой валюты, а также товаров (работ, услуг) в целях организации обращения и (или) обращения цифровой валюты.

Но главным образом поправки затронули Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте»: закреплены понятия «майнинг цифровой валюты», «майнинг-пул», «майнинговая инфраструктура», «оператор майнинговой инфраструктуры», «адрес-идентификатор» и др.; определен статус лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты,

---

[19] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4917.

[20] Проект федерального закона № 237585-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[21] Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

[22] См.: Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. Ст. 1177; Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 36-ФЗ «Об особенностях функционирования электроэнергетики и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об электроэнергетике”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. Ст. 1178.

[23] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

лиц, организующих деятельность майнинг-пула, и др. (ст. 14.2, 14.3). В России запрещено предлагать неограниченному кругу лиц цифровую валюту, а также товары (работы, услуги) за цифровую валюту (п. 8 ст. 14) наряду с уже действующим запретом распространения информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве оплаты.

Однако и с новым законом правовое регулирование криптовалюты (цифровой валюты) представляется недостаточным. Из-за того, что правовые основы для использования цифровой валюты не сформированы, предпринимаются попытки применить существующие правила по аналогии, что приводит к судебным спорам[24].

Для формирования правовых основ важны научное осмысление правоприменительной практики и законодательства, выработка единообразных подходов, в том числе на основе принципов права [11, с. 348–376].

Список источников

1. Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 54–76.

2. Омелехина Н. В. Цифровой образ объектов финансовых правоотношений: перспективы и риски введения цифрового рубля // Финансовое право. 2021. № 4. С. 8–12.

3. Шапсугова М. Д. Анализ модели цифрового рубля, предложенной в концепции цифрового рубля Банка России // Право и цифровая экономика. 2022. № 2 (16). С. 5–9.

4. Пшеничников В. В. Цифровой рубль и его противоречивый статус в трактовках экономистов и юристов // Cifra. Экономика : сетевое изд. 2023. № 2 (2). С. 1–5.

5. Пищулов В. М. Допустимость признания цифровых рублей в качестве цифровых наличных денег // Полицентричный мир: новая экономическая повестка : сб. науч. тр. X Урал. науч. чтений профессоров и докторантов гуманит. наук (Екатеринбург, 1 марта 2023 г.) / отв. ред. Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. А. Истомина. Екатеринбург : Урал. гос. эконом. ун-т, 2023. С. 148–153.

6. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73–90.

7. Tsindeliani I., Anisina K., Babayan O. et al. Digitalising the state monetary system: national implementation model // Law and Financial Markets Review. 2022. Vol. 16, issue 1–2. P. 79–99.

8. Kostikova E., Alekseeva D., Rybakova S. et al. Prospects of legal regulation and use of the digital rouble // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 109. P. 1–4.

9. Мирошникова Л. Ю., Колесник В. Н. Правовые и экономические аспекты цифрового рубля в условиях цифровой экономики // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сб. ст. по результатам II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1 / сост. И. В. Хмиль, под ред. С. А. Трофимова, Е. В. Евсиковой. Симферополь : Ариал, 2023. С. 1167–1174.

10. Костикова Е. Г. О формировании правовых основ выпуска и обращения криптовалют в России // Система финансового права в условиях цифровой трансформации экономических отношений: доктрина и правовая реальность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 нояб. 2022 г.) / отв. ред. И. А. Цинделиани. М. : РГУП, 2023. С. 103–112.

11. Принципы финансового права : моногр. / под ред. И. А. Цинделиани. М. : Проспект, 2022. 560 с.

References

1. Andryushin, S. A. Digital currency of the central bank as the third form of money of the state. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law.* 2021;15(1):54-76. (In Russ.)

2. Omelekhina, N. V. The digital image of objects of financial legal relationships: digital ruble introduction prospects and risks. *Finansovoe pravo = Financial Law.* 2021;(4):8-12. (In Russ.)

3. Shapsugova, M. D. Analysis of the digital ruble model proposed in the concept of the digital ruble of the Central bank. *Law and Digital Economy*. 2022;(2):5-9. (In Russ.)

[24] См., например, апелляционное определение Московского городского суда от 20 октября 2022 г. по делу № 33-41465/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Pshenichnikov, V. V. The digital rouble and its controversial status in the interpretations of economists and lawyers. *Cifra. Ekonomika = Cifra. Economics.* E-edition. 2023;(2):1-5. (In Russ.)

5. Pishchulov, V. M. The acceptability of recognizing digital rubles as digital cash. In: Ya. P. Silin, E. G. Animitsa, N. A. Istomina, eds. *Polycentric world: a new economic agenda*. Collection of scientific papers of the X Ural Scientific readings of professors and doctoral students of Humanities (Yekaterinburg, 1 March 2023). Yekaterinburg: Ural State University of Economics; 2023. Pp. 148–153. (In Russ.)

6. Turbanov, A. V. A digital ruble as a new form of money. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;(5):73-90. (In Russ.)

7. Tsindeliani, I., Anisina, K., Babayan, O., et al. Digitalizing the state monetary system: national implementation model. *Law and Financial Markets Review.* 2022;16(1-2):79-99.

8. Kostikova, E., Alekseeva, D., Rybakova, S., et al. Prospects of legal regulation and use of the digital rouble. *SHS Web of Conferences.* 2021;(109):1-4.

9. Miroshnikova, L. Yu., Kolesnik, V. N. Legal and economic aspects of the digital ruble in the digital economy. In: I. V. Khmil, comp., S. A. Trofimov, E. V. Evsikova, eds. *Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions.* Collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference. In 2 vols. Vol. 1. Simferopol: Arial; 2023. Pp. 1167–1174. (In Russ.)

10. Kostikova, E. G. On the formation of the legal foundations for the issuance and circulation of cryptocurrencies in Russia. In: I. A. Tsindeliani, ed. *Financial law system in the context of digital transformation of economic relations: doctrine and legal reality*. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, 25 November 2022). Moscow: Russian State University of Justice; 2023. Pp. 103–112. (In Russ.)

11. Tsindeliani, I. A., ed. *Principles of financial law*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2022. 560 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Г. Костикова – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права.

Information about the author

E. G. Kostikova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Financial Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 07.06.2024; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 36–43
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 36–43
УДК 349.60; 94(47) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.36-43

Научная статья

Три десятилетия под охраной: эволюция правовой защиты заповедных территорий России на примере озера Байкал

Елена Валерьевна Мальханова
Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Иркутск, Российская Федерация, malxanovaa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2057-7507

Аннотация. Приоритет публичного интереса в земельных правоотношениях определяет суть правового регулирования земель природно-заповедного фонда. Вопросы правильного применения норм материального права, регулирующих оборот земель особо охраняемых природных территорий и объектов всемирного природного наследия, их конституционности нередко были предметом обращений (заявлений, жалоб, споров), рассматриваемых Верховным и Конституционным судами Российской Федерации. С точки зрения выполнения целей обеспечения экологической безопасности России и защиты природных и культурных ценностей представляются актуальными вопросы исторического определения и современного правового регулирования земель природно-заповедного фонда с выявлением проблем и учетом мнений профессионального юридического сообщества, органов прокуратуры и суда в вопросах перспектив совершенствования нормативного регулирования наиболее ценных объектов. Цель работы – сформулировать выводы и рекомендации в отношении возможных векторов развития правового регулирования земель природно-заповедного фонда, а особенно объектов природного наследия на примере озера Байкал. Методологическую базу составляют традиционные приемы и методы научного познания (диалектический, историко-правовой, системного анализа, сравнительно-правовой, социологический и др.).
В статье приведен анализ анкетирования практических работников органов прокуратуры и судебной системы, изложен анализ мнений правоприменителей о возможном совершенствовании системы охраны объектов всемирного природного наследия на примере озера Байкал.

Ключевые слова: озеро Байкал, особо охраняемые природные территории, объекты всемирного природного наследия, природно-заповедный фонд

Для цитирования: Мальханова Е. В. Три десятилетия под охраной: эволюция правовой защиты заповедных территорий России на примере озера Байкал // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 36–43. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.36-43.

Original article

Three Decades Under Protection: Evolution of Legal Protection of Russian Protected Areas on the Example of Lake Baikal

Elena V. Malkhanova

East Siberian Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk, Russian Federation, malxanovaa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2057-7507

© Мальханова Е. В., 2026

Abstract. The priority of public interest in land legal relations defines the essence of the legal regulation of lands of the natural reserve fund. Questions of correct application of substantive law rules governing the circulation of land in specially protected natural areas and objects of world natural heritage, their contestation were often the subject of appeals (applications, complaints, disputes), considered by the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation. From the point of view of fulfilling the goals of ensuring environmental safety of Russia, and protection of natural and cultural values are topical issues of historical definition and modern legal regulation of landconservation fund with identification of problems and taking into account the opinion of the professional legal community of the prosecutor's office and court in matters of prospects for improvement of regulatory regulation of the most valuable objects. The objective of the work is to formulate conclusions and recommendations regarding possible vectors for development of legal regulation of land of natural-reserve fund, and especially of natural heritage sites on the example of Lake Baikal. The methodological basis is made up of traditional techniques and methods of scientific cognition (dialectical, historical-legal, systems analysis, comparative-legal, sociological, etc.).
The article provides an analysis of the questionnaire of practitioners of the prosecutor's office and the judicial system, presents an analysis of the opinions of law enforcement agencies on the possible improvement of the system of protection of world natural heritage sites on the example of Lake Baikal.

Keywords: Lake Baikal, specially protected natural areas, world natural heritage sites, nature conservation fund

For citation: Malkhanova, E. V. Three decades under protection: evolution of legal protection of Russian protected areas on the example of Lake Baikal. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(2):36-43. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.36-43.

Пример озера Байкал в раскрытии заданной темы выбран не случайно. История развития природно-заповедного фонда России является сложным процессом, который включает в себя создание объектов природного наследия и формирование сети особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Этот процесс начал активно развиваться именно с берегов озера Байкал. В 1916 году создан первый в стране заповедник – Баргузинский. Создание Баргузинского заповедника, как указывают источники, было осуществлено преимущественно для охраны соболя, т. е. в хозяйственных целях. Однако затем вся деятельность развивалась в природоохранном направлении.

С 1986 года заповедник входит во Всемирную сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО, с 1996 г. в состав объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Озеро Байкал».

В конце XIX – начале XX в. в России впервые было заявлено о научном значении природных территорий [1, с. 30]. А на современном этапе придается важное значение культурному, нравственному и патриотическому аспектам природно-заповедного фонда как элементам формирования культуры человека. Специалистами в области естественных и гуманитарных наук обсуждаются не только научные, но и этические и социальные вопросы заповедного дела.

Результаты

Именно в связи с особым статусом Байкала появились первые правовые документы, направленные на снижение антропогенного воздействия на водные объекты и запрет сброса неочищенных сточных вод (1969 г. – постановление о мерах по сохранению Байкала (реакция на строительство Байкальского ЦБК), 1987 г. – решение о запрете сброса неочищенных сточных вод).

Байкал вошел в тройку первых объектов, включенных в список всемирного природного наследия, и стал первым и единственным водным объектом России в данном списке. Это единственный водный объект, режим которого урегулирован отдельным Федеральным законом «Об охране озера Байкал»[1].

[1] Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2220.

Его название имеет богатую историю, уходящую в языки народов, в разное время проживающих на его берегах, включающую, по разным источникам, китайские, бурятские, тувинские, якутские и монгольские корни. В зависимости от языка слово «Байкал» означает: богатое, мирное, глубокое, ледяное, северное озеро и море. Байкал стал символом природной силы Сибири.

Рассматривая значение природно-заповедного фонда в экологической системе России, необходимо отметить следующие цели его развития:

– сохранение ценных экологических систем;

– научный подход к изучению и охране природы;

– рекреация и образование как основа создания национальных и природных парков;

– сохранение биоразнообразия, что получило закрепление в национальном проекте «Экологическое благополучие» и его части – проекте «Сохранение экологического разнообразия и развития экологического туризма»;

– формирование экологической культуры населения;

– любовь к родине как отношение к природе, метафизическая связь с красотой ландшафтов и силой родной природы.

В научных трудах В. В. Петров указывал, что режим заповедования определяется в целях решения задач сохранения эталонов природы и экологических систем для изучения естественных процессов в природе, контроля за изменениями биосферы под влиянием хозяйственной деятельности, разработки научных основ природопользования, пропаганды охраны природы[2].

Необходимо отметить, что Декретом СНК РСФСР от 16 сентября 1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков»[3], а позднее – Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1925 г. «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение»[4] устанавливалось, что отдельные природные участки могут быть объявлены неприкосновенными памятниками природы, если они имеют научную и культурно-историческую ценность.

При этом предусматривалось создание не только заповедников как научных учреждений, но и заказников и национальных парков. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР»[5] устанавливалась охрана типичных ландшафтов, редких и достопримечательных объектов живой и неживой природы, образцов нетронутой природы и живописных местностей, ценных в научном, культурно-познавательном и оздоровительном отношениях.

Ретроспективный анализ правового регулирования природно-заповедного фонда показывает единство критериев природной и культурной ценности при определении необходимости особой охраны системы территорий природно-заповедного фонда, включающей в себя не только ООПТ, но и иные территории. Создание же природно-заповедного фонда ведет, по мнению В. В. Петрова, к образованию единой системы управления природно-заповедными объектами и комплексами. Всякое управление может быть организовано лишь при наличии объекта управления, обладающего признаками единства[6].

---

[2] *Петров В. В.* Правовая охрана природы в СССР : учеб. М. : Юрид. лит., 1984. С. 290.

[3] URL: https://e-ecolog.ru/docs/_dhw8n1GxVxbMVrmRvQ5I?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru%2F.

[4] Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136666.

[5] Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/902066838.

[6] *Петров В. В.* Природно-заповедный фонд: объект управления и охраны // Экологическое право России на рубеже XXI века : учеб. пособие / под ред. А. К. Голиченкова. М. : Зерцало, 2000. С. 150.

Отсутствие единства при образовании и управлении ООПТ в литературе признано нарушением концепции заповедования [1, с. 32].

Сегодня эти вопросы как никогда актуальны. Распад Советского Союза, а также экономический, социальный и культурный кризисы 1990-х гг. оказали значительное влияние на состояние природоохранных структур в стране. В этот период произошли многократные правовые трансформации, что негативно сказалось на охране природы и сохранении биоразнообразия. К сожалению, в результате этих процессов была утрачена документация на многие ООПТ, часть из которых была упразднена, а некоторые при постановке на кадастровый учет изменили свои площади из-за незаконного выбытия из владения государства и активного хозяйственного освоения.

Споры о судьбе земель особо охраняемых природных территорий массово рассматриваются судами и нередко влекут обращение в Конституционный Суд Российской Федерации. Например, в 2025 г. уже рассмотрено два таких заявления, включенных в обзор Конституционного Суда Российской Федерации за 1-й квартал 2025[7]. Необходимо отметить, что в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. № 3-П[8], от 29 сентября 2021 г. № 42-П[9] и от 14 мая 2009 г. № 8-П[10] последовательно и непротиворечиво закреплен принцип приоритета публичных интересов в экологических правоотношениях. Согласно этому принципу регулирование использования и охраны земель природно-заповедного фонда, находящихся в публичной собственности, есть не исключительно экономический вопрос. Законодатель, обеспечивая права человека, общества и государства в настоящем и будущем времени, обозначил в числе приоритетных принципов земельного законодательства необходимость сочетания интересов общества и законных интересов граждан, согласно которому регулирование использования и охраны земель осуществляется в интересах всего общества при обеспечении гарантий каждого гражданина с учетом баланса интересов субъектов хозяйственной и иной деятельности. К землям, имеющим исключительное значение для государства и общества и подлежащим особой защите, относятся земли особо охраняемых природных территорий.

К землям природно-заповедного фонда Земельный кодекс РСФСР от 25 апреля 1991 г. относил земли заповедников, памятников природы, природных (национальных) и дендрологи-

---

[7] Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2025 года // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/documents/Information_1_2025.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости” в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 6. Ст. 538.

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2021 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 17 Федерального закона “О гидрометеорологической службе”, пунктов 3, 4 и 5 Положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Валмакс”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 401. Ст. 7064.

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2009 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта “б” пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия” в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 22. Ст. 2752.

ческих парков, ботанических садов, а также земельные участки с природными комплексами и объектами, имеющими особое экологическое, научное, эстетическое, культурное и рекреационное значение, перечень которых не был исчерпывающе определен. На землях заповедников и заповедных зон природных (национальных) парков запрещалась деятельность, не связанная с сохранением и изучением природных комплексов и объектов и не предусмотренная законодательством РСФСР. На других землях природно-заповедного фонда допускалась ограниченная хозяйственная и рекреационная деятельность в соответствии с установленным для них режимом.

Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 (ред. от 24.12.1993) «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность»[11] к объектам, составляющим основу национального богатства страны, отнесены объекты историко-культурного и природного наследия.

Таким образом, в законодательстве последовательно выстраивалась система природно-заповедного фонда, включающая обобщенный перечень территорий, сформированных по критерию природной, культурной и научной ценности, предусматривающий ограничение хозяйственной деятельности и рекреационного освоения, но окончательного системного закрепления она не получила.

Отсутствие исторически определенной целостной структуры природно-заповедного фонда, четкости и прозрачности ее формирования, а также стихийность создания ООПТ разного уровня привели к созданию особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения в границах национальных парков, «задвоению» и «затроению» режимов охраны на одной территории и органов, к полномочиям которых отнесено управление такой территорией. Поэтому остро актуальными остаются следующие вопросы:

• отсутствие единого правового регулирования порядка создания ООПТ;

• нет критериев оценки природной ценности ООПТ и корректировки их границ;

• границы не всех ООПТ определены и поставлены на кадастровый учет;

• отсутствует отдельная категория земель природно-заповедного фонда;

• не установлены охранные зоны;

• встречаются случаи изменения границ с включением менее ценных природных территорий и освобождением от режима охраны территорий, ранее входивших в границы ООПТ, но являющихся экономически привлекательными;

• отсутствует единство в нормативно-правовом регулировании тех территорий, которые номинируются на получение статуса природного наследия и включение в список всемирного природного наследия ЮНЕСКО;

• отсутствует единая система природно-заповедного фонда, включающая ООПТ и объекты природного наследия;

• отсутствует единый природоохранный режим в отношении объектов всемирного природного наследия, которых на современном этапе 11 на территории России.

Говоря о специфических нерешенных вопросах правовой охраны озера Байкал, необходимо отметить следующие. Несмотря на статус объекта всемирного природного наследия и наличие всех признаков особо охраняемого водного объекта, отсутствуют документы о признании его особо охраняемым водным объектом. Согласно мнениям представителей науки,

[11] Российская газета. 1992. 11 янв.

озеро Байкал является особо охраняемым водным объектом в силу наличия отдельного федерального закона о его охране[12].

Другие ученые полагают, что озеро включено в границы особо охраняемых природных территорий только частично, а не полностью и не обладает формальным статусом ООПТ или объекта культурного наследия [2], а потому не признано особо охраняемым водным объектом.

Коллизии и пробелы в отношении объектов всемирного природного наследия можно наблюдать и во взаимосвязи иных значимых нормативных правовых актов. Например, положения Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ[13], получившего в широких кругах условное название «О лесной амнистии», позволяет узаконить права на участки земель, имеющие пересечение с землями лесного фонда, за исключением расположенных в границах особо охраняемых природных территорий, территорий объектов культурного наследия. В перечне исключений отсутствуют объекты всемирного природного наследия.

Вопрос о том, может ли быть применен ряд положений так называемой «лесной амнистии» к лесам, расположенным на побережье озера Байкал, которые выполняют защитную функцию и входят в пределы объекта всемирного природного наследия, был рассмотрен Конституционным Судом Российской Федерации по обращениям граждан, чьи права собственности оспаривались в суде природоохранным прокурором.

В определениях от 30 марта 2023 г. № 661-О[14] и от 31 января 2023 г. № 163-О[15] Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалоб к рассмотрению, сопоставив объект всемирного природного наследия с особо охраняемой природной территорией. Этот случай, дошедший до высшего судебного органа конституционного контроля, ярко иллюстрирует существующую проблему по поводу участков побережья озера Байкал, решение которой осуществляется исключительно прокурорами в рамках защиты публичных интересов в суде.

Заключение

Направления развития правового регулирования охраны озера Байкал и иных объектов всемирного природного наследия продолжают оставаться предметом оживленных дискуссий. Проведенный автором опрос представителей судебных и прокурорских органов выявил следующее распределение мнений:

– 87,5% респондентов высказались за придание Байкалу статуса особо охраняемого водного объекта;

---

[12] См.: *Боголюбов С. А., Кичигин Н. В., Пономарев М. В.* Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Юстицинформ, 2007. 312 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[13] Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4829.

[14] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бурмейстера Александра Александровича на нарушение его конституционных прав рядом законоположений». URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision678481.pdf.

[15] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2023 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беляевского Евгения Леонидовича на нарушение его конституционных прав рядом законоположений». URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision665322.pdf.

– свыше 40% опрошенных поддержали инициативу формирования единого межрегионального органа управления Байкальской природной территорией;

– около 40% согласились с целесообразностью распространения на природные объекты наследия положений Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»[16]. Подобная тенденция правового регулирования природных и культурных объектов полностью соответствует общемировой практике[17].

Дальнейший анализ результатов опроса показал, что 36% его участников одобрили предложение о признании центральной экологической зоны Байкальской природной территории единой федеральной территорией; примерно 30% респондентов сочли необходимым установление на всей площади объекта всемирного наследия режима особо охраняемой природной территории; 24% опрошенных поддержали создание в структуре Сибирского отделения РАН специализированной экспертной комиссии по охране озера Байкал и около 15% выступили за формирование единого представительного органа для Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края.

Обобщая результаты исследования мнений специалистов и практиков, преимущественно работающих на Байкальской природной территории, можно констатировать: подавляющее большинство экспертов считают необходимыми закрепление особого охранного статуса для озера Байкал, выработку единых правовых механизмов регулирования и управления, а также распространение на природные объекты охранительных мер, аналогичных предусмотренным для объектов культурного наследия.

В дополнение к изложенным векторам развития правового регулирования видится целесообразным и особое экономическое развитие обозначенной уникальной территории. Мощная энергетика озера Байкал, сила, волнующая и вдохновляющая на большие идеи, признается даже скептиками и уже обросла легендами. Объединение ученых и практиков будет способствовать формированию модели правовой охраны природно-заповедного фонда, а территория, прилегающая к озеру Байкал, может стать научной меккой, международным межвузовским научно-практическим экокластером, а также центром экологической культуры и образования. Ведь вопросы охраны природы волнуют весь мир, а решения в сфере экологии должны приниматься с сохранением позитивного прошлого и ради будущих поколений.

Список источников

1. Галиновская Е. А. О правовых основах образования системы особо охраняемых природных территорий в России // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 28–34.

2. Башуров П. В., Денисов Ю. П. Особенности правового режима охраны озера Байкал в Российской Федерации // Вестник науки : электрон. журн. 2023. № 12 (69), т. 5, ч. 1. С. 129–133. URL: https://www.xn----8sbempclcwd3bmt.xn--p1ai/archiv/journal-12-69-5-1.pdf.

References

1. Galinovskaya, E. A. On legal framework of formation of a system of special protected natural areas in Russia. *Journal of Russian Law*. 2010;(5):28-34. (In Russ.)

2. Bashurov, P. V., Denisov, Yu. P. Features of the legal regime for the protection of Lake Baikal in the Russian Federation. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. E-journal. 2023;(12-5-1):129-133. (In Russ.) URL: https://www.xn----8sbempclcwd3bmt.xn--p1ai/archiv/journal-12-69-5-1.pdf.

[16] Собрание законодательства Российской Федерации.

[17] С 2004 года согласно Руководству по реализации Конвенции об охране всемирного наследия существует только один набор из десяти критериев. UNESCO : [сайт]. URL: https://whc.unesco.org/en/criteria (дата обращения: 02.03.2025).

Информация об авторе

Е. В. Мальханова – старший преподаватель кафедры гражданского права, старший советник юстиции.

Information about the author

E. V. Malkhanova – Senior Lecturer at the Civil Law Department, Senior Adviser to the Justice.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 25.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 44–53
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 44–53
УДК 349.6 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.44-53

Научно-практическая статья

Разрешение судебных споров, связанных с ликвидацией загрязнения земель (земельных участков) твердыми коммунальными отходами

Алексей Сергеевич Широбоков

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, aleksei_sergeevi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5905-8301

Аннотация. Административные дела о ликвидации загрязнения земель твердыми коммунальными отходами представляют определенную сложность. С принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 30 мая 2023 г. № 27-П и предстоящим изменением законодательства об отходах производства и потребления судебная практика в субъектах Российской Федерации складывается неоднозначно. Ряд вопросов требует своего разрешения, в частности, кто является надлежащим административным ответчиком по требованиям о признании незаконным бездействия в отношении ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов на земельных участках, собственность на которые не разграничена или которые находятся в государственной собственности, о распределении обязанностей по финансированию указанных мероприятий. Требуют разъяснения вопросы, связанные с установлением умышленных виновных действий органов местного самоуправления по возникновению и функционированию мест несанкционированного размещения отходов, а также с гарантированным справедливым софинансированием расходов по ликвидации загрязнения земель твердыми коммунальными отходами из государственных бюджетов и др.
В статье приведены основные правовые позиции судов высших инстанций по данной категории дел, а также даны комментарии автора относительно возникающих у судов вопросов при разрешении соответствующих споров.

Ключевые слова: ликвидация несанкционированных свалок, финансирование расходов по ликвидации, загрязнение земель, твердые коммунальные отходы, находящиеся в неразграниченной государственной собственности

Для цитирования: Широбоков А. С. Разрешение судебных споров, связанных с ликвидацией загрязнения земель (земельных участков) твердыми коммунальными отходами // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 44–53. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.44-53.

Scientific and practical article

Resolving Legal Disputes Related to the Elimination of Land (Land Plots) Pollution by Solid Municipal Waste

Alexey S. Shirobokov

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, aleksei_sergeevi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5905-8301

© Широбоков А. С., 2026

Abstract. Administrative cases on the elimination of land pollution by municipal solid waste are somewhat complex. With the adoption of Resolution No. 27-P of May 30, 2023 by the Constitutional Court of the Russian Federation and the upcoming change in the legislation on production and consumption waste, judicial practice in the constituent entities of the Russian Federation is developing ambiguously. A number of issues require resolution, in particular, who is the proper administrative defendant in claims for recognizing as illegal inaction on failure to eliminate sites of unauthorized placement of municipal solid waste on land plots, the ownership of which is not delimited, or which are in state ownership, on the distribution of responsibilities for financing these activities. The issues related to establishing intentional guilty actions of local government bodies in the emergence and operation of unauthorized waste disposal sites, as well as issues related to guaranteed fair co-financing of expenses for the elimination of land pollution by municipal solid waste from state budgets, etc., require clarification.

This article presents the main legal positions of the courts of higher instances on this category of cases, and also provides the author's comments on the issues that arise in the courts when resolving such disputes.

Keywords: liquidation of unauthorized landfills, financing of liquidation costs, land pollution, municipal solid waste in unrestricted state ownership

For citation: Shirobokov, A. S. Resolving legal disputes related to the elimination of land (land plots) pollution by solid municipal waste. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(2):44-53. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.44-53.

Загрязнение земель твердыми коммунальными отходами – распространенная экологическая проблема, решение которой требует детального правового регулирования. Так, нуждаются в регламентации механизм выявления и постановки на учет таких мест, порядок финансирования мероприятий по ликвидации несанкционированных свалок; необходимо определить лиц, обязанных ликвидировать данные свалки, и распределить обязанности между ними по финансированию ликвидации свалок. Все это вызывает вопросы у судов при разрешении споров о признании бездействия административных ответчиков по данным делам незаконным.

Следует согласиться с Г. А. Мисник в том, что нормам, регулирующим разграничение полномочий органов исполнительной власти в сфере обращения с отходами и финансовое обеспечение их исполнения, присуща неопределенность [1, с. 8].

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30 мая 2023 г. № 27-П[1] (далее – Постановление № 27-П) изменил действующую практику, касающуюся возложения ответственности за ликвидацию несанкционированных свалок на органы местного самоуправления. Это касается случаев, когда такие свалки располагаются в пределах соответствующих муниципальных образований на землях, находящихся в государственной собственности или в неразграниченной государственной собственности. Рассмотрение административных дел с учетом Постановления № 27-П по-прежнему представляет сложность на практике.

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона "О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации", пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", статей 10 и 51 Федерального закона "Об охране окружающей среды", пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения", пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона "Об отходах производства и потребления", а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования "Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края" и администрации Новосибирского района Новосибирской области». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Результаты

В качестве правовой основы признания бездействия административных ответчиков незаконным суды, как правило, используют следующие положения нормативных актов.

Ссылки делаются на ст. 42 Конституции Российской Федерации и ст. 11 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[2] (далее – Закон № 7-ФЗ), с указанием на нарушение права каждого на благоприятную окружающую среду и права на благоприятную среду обитания (ст. 8 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[3] (далее – Закон № 52-ФЗ).

Суды указывают также п. 1 ст. 22 Закона № 52-ФЗ, предписывающий осуществлять обращение с отходами способами, безопасными для здоровья населения и среды обитания. Аналогичные требования закреплены в п. 1 ст. 51 Закона № 7-ФЗ, но критерием безопасности является окружающая среда.

Земельное законодательство обязывает проводить мероприятия по охране земель от загрязнения, вызванного отходами производства и потребления (ст. 13 ЗК РФ), а также предотвращать загрязнение, деградацию и прочие негативные воздействия на земли и почвы (абз. 8 ст. 42 ЗК РФ).

Накопление отходов допускается только в местах (на площадках) накопления отходов, соответствующих специальным требованиям (ст. 13.4 Федерального закона № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»[4] (далее – Закон об отходах). Устанавливается запрет на размещение отходов на объектах, не внесенных в государственный реестр объектов размещения отходов (п. 7 ст. 12 Закона об отходах).

В части определения полномочий органов местного самоуправления в области обращения с твердыми коммунальными отходами указываются следующие нормы: п. 18 ч. 1 (вопросы местного значения городского поселения), ч. 3 и 4 ст. 14 (вопросы местного значения, решаемые органами местного самоуправления соответствующих муниципальных районов) и п. 14 ч. 1 ст. 15 (вопросы местного значения муниципального района), п. 24 ч. 1 ст. 16 (вопросы местного значения муниципального, городского округа) Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[5]. Согласно данным положениям органы местного самоуправления участвуют в организации деятельности по накоплению (в том числе раздельному накоплению) и транспортированию твердых коммунальных отходов.

Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1156[6], обязательства по ликвидации загрязнения твердыми коммунальными отходами возложены на собственника земельного участка (п. 18).

В некоторых случаях суды ссылаются на ГОСТ 30772–2001 «Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения»[7]. В частности, на п. 4.13, в соответствии с которым территории, используемые, но не предназначенные для размещения на них отходов, являются несанкционированными свалками отходов, а также на п. 7.8, согласно которому, если юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, производящие отходы, не установлены, собственником отходов являются органы местного са-

---

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 26. Ст. 3009.

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 47. Ст. 6640.

[7] Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200028831.

моуправления, юридические лица или индивидуальные предприниматели, ответственные за территории, на которых эти отходы находятся.

По данной категории дел неоднократно высказывались правовые позиции высших судебных органов Российской Федерации. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 26-П[8] Суд разъяснил, что Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» *не предполагает возложения на органы местного самоуправления городских округов обязанности по ликвидации* за счет средств местного бюджета несанкционированного складирования бытовых и промышленных отходов, размещенных неустановленными лицами на лесных участках в составе земель лесного фонда, расположенных на территории этих городских округов, *без наделения органов местного самоуправления соответствующими государственными полномочиями. При этом видовой классификации отходов не следует придавать нормативно-правового значения в целях установления пределов ответственности муниципальных образований*, так как отраслевое законодательство не ставит решение вопроса о характере и объеме полномочий и финансовых обязательствах органов местного самоуправления в области обращения с отходами в зависимость от принадлежности отходов к определенному виду.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 13-П[9] при определении полномочий органов местного самоуправления городских округов и их финансовых обязательств установлена необходимость учитывать компетенцию иных территориальных органов публичной власти в данной области, а также обязанности по обращению с отходами, возложенные на участников гражданского оборота.

Постановлением № 27-П была уточнена правовая позиция касательно ликвидации несанкционированных свалок на землях, находящихся в границах муниципального образования, но относящихся к государственной собственности или к неразграниченной государственной собственности. Конституционный Суд подчеркнул, что в России система управления отходами предполагает совместную работу и ответственность федеральных, региональных и муниципальных властей. При этом в действующем законодательстве не определено, кто именно должен ликвидировать несанкционированные свалки на землях, расположенных в границах муниципалитетов, но не принадлежащих им. Кроме того, на органы местного самоуправления прямо не возложена обязанность по уборке таких свалок.

До внесения изменений в законодательство Конституционный Суд разрешил судам возлагать ответственность за ликвидацию свалок твердых коммунальных отходов на органы местного самоуправления, даже если земля им не принадлежит. Однако в таких судебных решениях должно быть прописано, что финансирование уборки свалки будет осуществляться из федерального или регионального бюджета в зависимости от того, кому принадлежит загрязненная земля – Российской Федерации или субъекту Федерации.

Вводится понятие «справедливое гарантированное софинансирование», но его конкретные принципы и условия не определены. Предполагается, что такое софинансирование из

---

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой администрации муниципального образования “Североуральский городской округ”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 42. Ст. 5858.

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ в связи с жалобой администрации муниципального образования “Нерюнгринский район”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 19. Ст. 2774.

федерального или регионального бюджета будет предоставляться в случаях, когда основная часть отходов на свалке образована жителями данного муниципального образования. Таким образом, финансовая ответственность органов государственной власти уменьшается, так как подразумевается, что частичную ответственность за образование отходов несет муниципалитет. Поскольку речь идет о *справедливом* софинансировании (не в равных долях) и единственным условием софинансирования является размещение отходов *населением муниципального образования*, предположим, что в данном случае объем государственного софинансирования зависит от объема отходов, размещенных субъектами, не относящимися к населению данного муниципального образования. Такие отходы могут отличаться по составу от твердых коммунальных, например, это могут быть отходы от производственной деятельности, строительные отходы и т. п. В таком судебном решении должно быть указано на *минимально допустимый объем софинансирования* из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации, при этом конкретные размеры этой доли не уточняются.

В зависимости от того, кому принадлежит земля, на которой образовалась несанкционированная свалка, ответственность за ее ликвидацию распределяется по-разному. Рассмотрим следующие случаи: свалка находится на землях, принадлежащих муниципалитету, Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, или на землях, государственная собственность на которые не разграничена.

Если свалка расположена на земле, находящейся в муниципальной собственности, судебная практика остается прежней. Ответственность за уборку несет орган местного самоуправления как владелец земли (если не установлен виновник образования свалки). Именно на владельца земельного участка возлагается обязанность по ликвидации несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов.

При этом следует учитывать, что субъекты Российской Федерации отвечают за организацию всего цикла обращения с твердыми коммунальными отходами, включая их накопление (в том числе раздельное), сбор, транспортировку, обработку, утилизацию, обезвреживание и захоронение (ст. 6 Закона об отходах). Необходимо установить, существует ли специальный порядок организации ликвидации несанкционированных свалок в соответствующем субъекте Российской Федерации, определен ли специально уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, предусмотрены ли финансирование из бюджета субъекта Федерации, порядок выявления таких мест, постановки их на учет, полномочия органов местного самоуправления по ликвидации свалок в рамках данного порядка (при наличии такового).

Например, постановлением Правительства Оренбургской области от 25 декабря 2018 г. № 892-пп утверждена государственная программа «Охрана окружающей среды Оренбургской области». Приложением 4 к программе являются Правила предоставления и распределения субсидии из областного бюджета бюджетам муниципальных образований на реализацию мероприятий по ликвидации несанкционированных свалок в границах городов и наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда окружающей среде.

Если земля, на которой располагается несанкционированная свалка, находится в федеральной собственности или собственности субъекта Российской Федерации, до внесения соответствующих изменений в правовое регулирование *допускается* принятие судебных решений, возлагающих на органы местного самоуправления обязанность по ликвидации за счет средств местного бюджета мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов. В решении должны быть указаны условия финансового обеспечения из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации либо условия гарантированного справедливого софинансирования. То есть по смыслу Постановления № 27-П органы местного самоуправления являются организатором ликвидации данных свалок, финансирова-

ние же должно осуществляться из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации (в зависимости от формы собственности земельного участка) в полном объеме (в размере 100% произведенных органом местного самоуправления расходов на ликвидацию свалки).

Если земля находится в неразграниченной государственной собственности, по аналогии с государственной собственностью на землю возложение обязанности по ликвидации свалок на муниципальные образования возможно с последующим возмещением этих расходов из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации. Исходим из того, что финансирование расходов по ликвидации несанкционированной свалки на земельных участках, находящихся в неразграниченной государственной собственности, осуществляется в полном объеме из бюджета Российской Федерации и бюджета субъекта Федерации в равных долях (по ½). Это следует из указания в Постановлении № 27-П на установление обстоятельств, предусматривающих финансирование как из федерального бюджета, так и из бюджета субъекта Федерации в отношении таких земельных участков. Для этого необходимо установить: 1) есть ли в федеральном законодательстве указание на то, что органы местного самоуправления имеют право ликвидировать свалки на этих территориях, и при этом определены формы финансовой поддержки со стороны Российской Федерации или субъекта Федерации; 2) наделяет ли региональное законодательство органы местного самоуправления полномочиями по ликвидации свалок и обеспечивает ли для этого необходимыми финансовыми средствами. Муниципальные образования смогут получить компенсацию за расходы на ликвидацию свалок только в том случае, если возникновение или существование свалки не было вызвано преднамеренными незаконными действиями самого органа местного самоуправления или его должностных лиц.

При разрешении административных дел у судов возникают обоснованные вопросы по необходимому перечню обстоятельств, установление которых подтверждает такие умышленные неправомерные действия.

В некоторых судебных решениях указывается, что наличие несанкционированных свалок уже свидетельствует о том, что органами местного самоуправления не принимаются достаточные меры, необходимые для соответствующего санитарного содержания территорий и поддержания чистоты и порядка[10]. На основании этого делается вывод об умышленном характере неправомерных действий органов местного самоуправления по ликвидации несанкционированных свалок.

Если процедура выявления, учета, порядка ликвидации несанкционированных свалок урегулирована на уровне субъекта Российской Федерации, необходимо установить отсутствие конкретных действий, предусмотренных данными правовыми актами. Признать бездействие незаконным возможно путем установления отсутствия конкретных действий по организации ликвидации свалки: например, не организовано привлечение регионального оператора к ликвидации свалки, не подана заявка на ликвидацию выявленной несанкционированной свалки в соответствии с региональной программой по финансированию соответствующей деятельности. Факты умышленных неправомерных действий органов местного самоуправления и их должностных лиц могут быть подтверждены также привлечением к административной ответственности за правонарушения в сфере обращения с отходами (ст. 6.35, 8.2 КоАП РФ).

---

[10] Решение Первомайского районного суда Оренбургской области № 2А-259/2024 2А-259/2024~М-223/2024 М-223/2024 от 22 июля 2024 г. по делу № 2А-259/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RMEBfX2Rf3gB/ (дата обращения: 21.04.2025).

Из буквального толкования Постановления № 27-П следует, что после исполнения муниципалитетами соответствующих судебных решений органы местного самоуправления имеют право только на *часть* расходов, которые они понесли при ликвидации мест несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов. Поскольку в данном случае говорится о возмещении только *части* расходов, полагаем, что справедливым будет распределение соответствующих расходов в равных долях между органами публичной власти: при нахождении земель (земельного участка) в федеральной собственности или собственности субъекта Российской Федерации расходы распределяются в равных долях между соответствующим государственным бюджетом и бюджетом муниципального образования (по $^1/_2$); при нахождении земель (земельного участка) в неразграниченной государственной собственности расходы распределяются между федеральным бюджетом, бюджетом субъекта Российской Федерации и бюджетом муниципального образования в равных долях (по $^1/_3$). При этом Постановлением № 27-П не уточняется, было ли в таком исполненном судебном решении установлено распределение обязанностей по финансированию ликвидации несанкционированной свалки между органами публичной власти.

При разрешении вопроса о лицах, привлекаемых в качестве ответчиков, следует установить главных распорядителей соответствующих бюджетных средств[11]. Согласно п. 3 ст. 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации главные распорядители средств выступают в суде соответственно от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в качестве представителя ответчика по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, по которым на основании федерального закона интересы соответствующего публично-правового образования представляет орган, осуществляющий согласно бюджетному законодательству Российской Федерации полномочия главного распорядителя средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, бюджета муниципального образования. К примеру, Минприроды России осуществляет функции главного распорядителя и получателя средств федерального бюджета, предусмотренных на содержание Министерства и реализацию возложенных на Министерство функций[12].

При рассмотрении административных дел, касающихся обращения с твердыми коммунальными отходами, необходимо руководствоваться правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации, включая толкование Постановления № 27-П. Особое внимание следует уделить Обзору судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами[13] (далее – Обзор судебной практики).

---

[11] Главный распорядитель бюджетных средств (главный распорядитель средств соответствующего бюджета) – орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, а также наиболее значимое учреждение науки, образования, культуры и здравоохранения, указанное в ведомственной структуре расходов бюджета, имеющие право распределять бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств между подведомственными распорядителями и (или) получателями бюджетных средств, если иное не установлено настоящим Кодексом (ст. 6 БК РФ).

[12] Положение о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2015 г. № 1219) (п. 5.33). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[13] Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 декабря 2023 г.) // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33230/ (дата обращения: 21.04.2025).

Общее правило возлагает ответственность за ликвидацию несанкционированных свалок твердых коммунальных отходов на собственника земельного участка. Однако для земель лесного фонда предусмотрено исключение: если виновные лица не установлены, обязанность по уборке свалки возлагается на орган государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области лесных отношений (п. 33 Обзора судебной практики). Если же лесной участок находится в аренде, то ответственность за ликвидацию несанкционированной свалки, даже если она образовалась по вине третьих лиц, несет арендатор (п. 34 Обзора судебной практики).

В одном из дел суд обязал сетевую компанию ликивдировать несанкционированную свалку, расположенную в охранной зоне объекта электроэнергетики на лесном участке (п. 34.1 Обзор судебной практики).

В другом случае Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконным возложение на администрацию города обязанности по ликвидации свалки твердых коммунальных отходов на земельном участке, находящемся в неразграниченной государственной собственности, ссылаясь на несоответствие этого решения законодательству и позициям Конституционного Суда Российской Федерации[14].

В другом аналогичном деле, помимо указания на противоречие выводов судов позиции Конституционного Суда Российской Федерации, было обращено внимание на неполноту установленных обстоятельств дела, в частности, не было выяснено, находится ли свалка непосредственно на арендуемом участке, за чистоту которого отвечает арендатор[15].

В споре по исковому заявлению Буденновского межрайонного прокурора Ставропольского края в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц к администрации муниципального округа о возложении обязанности ликвидировать место размещения отходов Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации усмотрела неполное установление обстоятельств в части проверки умышленных неправомерных действий органа местного самоуправления, повлекших возникновение или продолжение функционирования несанкционированной свалки, как основания возложения обязанности по ликвидации свалки исключительно на администрацию Буденновского муниципального округа; также указано на отсутствие установления точного места нахождения свалки[16].

---

[14] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2025 г. № 29-КАД24-11-К1 // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05022025-n-29-kad24-11-k1/ (дата обращения: 07.04.2025).

[15] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2024 г. № 32-КАД24-8-К1 // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16102024-n-32-kad24-8-k1/ (дата обращения: 07.04.2025).

[16] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2024 г. № 19-КАД24-10-К5 // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23102024-n-19-kad24-10-k5/ (дата обращения: 07.04.2025).

По другому делу Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что при разрешении заявленных прокурором требований о признании незаконным бездействия органа местного самоуправления и возложении на него обязанности ликвидировать несанкционированную свалку правовое значение имеет, кому принадлежит земельный участок на каком-либо праве и есть ли у находящихся на нем отходов собственник, и указала на различие правового регулирования обращения с твердыми коммунальными отходами и строительными отходами, что требует устанавливать собственника последних[17].

Во исполнение Постановления № 27-П Правительством Российской Федерации разработан законопроект № 751834-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об отходах производства и потребления" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части выявления и ликвидации мест несанкционированного складирования отходов)[18]. Данным законопроектом распределены обязанности по ликвидации загрязнения земель твердыми коммунальными отходами между органами публичной власти (органами местного самоуправления и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в зависимости от выявленного объема твердых коммунальных отходов) в случае, если не выявлено лицо, разместившее отходы, и отсутствует правообладатель (пользователь) земельного участка, на котором размещены отходы.

На наш взгляд, данным законопроектом не учтена в полной мере позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой система обращения с отходами в Российской Федерации построена на взаимодействии и участии в ней *всех трех уровней публичной власти*.

Заключение

Таким образом, к настоящему времени судебная практика по рассматриваемой категории дел только начинает формироваться. При разрешении данных споров необходимо учитывать форму собственности на землю (земельный участок). Если земельный участок находится в муниципальной собственности при отсутствии на уровне субъекта Российской Федерации правового регулирования, предусматривающего соответствующие функции и финансовое обеспечение на уровне субъекта Российской Федерации, обязанность по ликвидации несанкционированной свалки возлагается на соответствующие муниципалитеты.

Финансирование ликвидации несанкционированной свалки, расположенной на земле (земельном участке) в федеральной собственности или собственности субъекта Российской Федерации (за исключением земель лесного фонда), должно осуществляться из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации (в зависимости от формы собственности земельного участка) в полном объеме (в размере 100% произведенных органом местного самоуправления расходов на ликвидацию свалки).

Финансирование ликвидации несанкционированной свалки на земельных участках, находящихся в неразграниченной государственной собственности, осуществляется в полном объеме из бюджета Российской Федерации и бюджета субъекта Российской Федерации в равных долях (по $^1/_2$).

---

[17] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2024 г. № 25-КАД24-1-К4 // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28082024-n-25-kad24-1-k4/ (дата обращения: 07.04.2025).

[18] Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/751834-8 (дата обращения: 07.04.2025).

Наличие несанкционированных свалок уже свидетельствует о ненадлежащем исполнении органами местного самоуправления обязанностей по содержанию территории муниципального образования. Если процедура выявления, учета, порядка ликвидации несанкционированных свалок урегулирована на уровне субъекта Российской Федерации, необходимо установить отсутствие конкретных действий, предусмотренных данными правовыми актами. Признать бездействие незаконным возможно путем установления отсутствия конкретных действий по организации ликвидации свалки: например, не организовано привлечение регионального оператора к ликвидации свалки. Доказанность умышленных неправомерных действий органа местного самоуправления или должностного лица данного муниципального образования для возникновения или продолжения функционирования места несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов является достаточным основанием для признания обязанности по ликвидации несанкционированной свалки только за счет муниципалитета.

Список источников

1. Мисник Г. А. Развитие правового учения профессора В. В. Петрова в современной доктрине правового регулирования обращения с отходами // Экологическое право. 2024. № 6. С. 8–12.

References

1. Misnik, G. A. Development of the legal teaching of Professor V. V. Petrov in the modern doctrine of legal regulation of waste management. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*. 2024;(6):8-12. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Широбоков – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права.

Information about the author

A. S. Shirobokov – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Land and Environmental Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 54–61
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 54–61
УДК 347.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.54-61

Научно-практическая статья

Правомерность взыскания страховых взносов в рамках судебных расходов

Владимир Александрович Козлов[1],
Анастасия Валерьевна Болдарева[2]

[1, 2] Арбитражный суд Воронежской области, Воронеж, Российская Федерация

[1] info@voronej.arbitr.ru, [2] a14.aboldareva@ARBITR.RU

Аннотация. Исследуется реализация норм института судебных расходов в современной судебно-арбитражной практике; выявляются проблемы и сложности взыскания страховых взносов как обязательных отчислений при оплате оказанных юридических услуг стороной по делу, в чью пользу принято решение, которые требуют научного анализа и предложений по их разрешению. Целью статьи является комплексное изучение проблематики взыскания страховых взносов как составной части судебных расходов, в том числе определения размера страховых взносов в арбитражном процессе.

Авторами проводится разбор правоприменительной практики, сформированной вышестоящими инстанциями, и законодательных новелл в сфере налогообложения. Рассматривается применение структурных определений «упрощенность» и «специализированность» при возмещении понесенных убытков, связанных с рассмотрением дела в судебной инстанции. Оцениваются процедура отнесения перечисленных на единый налоговый счет денежных сумм как страховых взносов либо иных отчислений с точки зрения действующего налогового законодательства, а также правовые последствия, возникающие в результате их перечисления. Разбираются стадии и этапы проведения налоговой проверки, необходимой для отнесения исчисленных сумм к тому или иному обязательному платежу, указывается на необходимость детального изучения норм действующего законодательства в сфере налогообложения не только для лица, обязанного их перечислить в бюджет, но и для судьи, в чьи обязанности входит проверка представленных доказательств на предмет относимости судебных расходов к рассматриваемому делу. Приводятся мотивированные аргументы, подтверждающие недопустимость включения страховых взносов при использовании института судебных расходов в актуальной практике судов, а также конструктивные, практически значимые предложения по решению указанной проблемы.

Ключевые слова: арбитражный процесс, судебные расходы, страховые взносы, упрощенное и специализированное возмещение, налоговая проверка

Для цитирования: Козлов В. А., Болдарева А. В. Правомерность взыскания страховых взносов в рамках судебных расходов // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 54–61. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.54-61.

Scientific and practical article

The Legality of Claiming Insurance Premiums as Part of Court Costs

Vladimir A. Kozlov[1], Anastasia V. Boldareva[2]

[1, 2] Commercial Court of Voronezh Region, Voronezh, Russian Federation

[1] info@voronej.arbitr.ru, [2] a14.aboldareva@ARBITR.RU

© Козлов В. А., Болдарева А. В., 2026

Abstract. This study examines the current implementation of the legal institute of court expenses within commercial court proceedings. It identifies existing problems and complexities in the recovery of insurance contributions as mandatory deductions when legal services rendered are paid for by the losing party. These issues necessitate scholarly analysis and proposed solutions. The aim of this article is a comprehensive analysis of the challenges associated with the recovery of insurance contributions as an integral component of court expenses, including the determination of the amount of insurance contributions in commercial litigation.

The authors analyze the law enforcement practice established by higher courts and recent legislative amendments in the field of taxation. The application of structural definitions such as "simplified procedure" and "specialized nature" in the context of compensation for losses incurred in court proceedings is considered. The procedure for classifying monetary amounts transferred to a unified tax account as insurance contributions or other deductions is evaluated from the perspective of current tax legislation, along with the legal consequences arising from their transfer. The stages and phases of a tax audit necessary for classifying calculated amounts as a particular mandatory payment are analyzed. The necessity of a detailed examination of current tax legislation not only for the party obligated to transfer these payments to the budget but also for the judge responsible for verifying the relevance of the submitted evidence regarding court expenses to the case under consideration is emphasized. Reasoned arguments are presented to substantiate the inadmissibility of including insurance contributions when applying the institute of court expenses in current judicial practice. Furthermore, constructive and practically significant proposals for resolving this problem are provided.

Keywords: arbitration process, court expenses, incoming premiums, simplified and specialized compensation, tax audit

For citation: Kozlov, V. A., Boldareva, A. V. The legality of claiming insurance premiums as part of court costs. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(2):54-61. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.54-61.

Судебные расходы представляют собой важный аспект правоприменительной практики, оказывающий значительное влияние на эффективность судебной системы. Указанный институт призван сбалансировать два противоборствующих элемента отправления правосудия, а именно доступность правосудия и злоупотребление правом на судебную защиту (сутяжничество). Сторона, чьи права нарушены, несет издержки, связанные с оказанием квалифицированных юридических услуг, направленных на восстановление нарушенных прав, и добросовестно ожидает восполнения понесенных издержек в полной мере.

Согласно позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации возмещение судебных расходов является упрощенным и специализированным способом возмещения убытков лицу, имеющему соответствующее право[1]. Анализ содержащихся в указанном Определении Верховного Суда Российской Федерации доводов позволяет выделить несколько ключевых аспектов:

1) изучение доказательств: суд акцентирует внимание на необходимости изучения приложенных к заявлению доказательств, подтверждающих понесенные убытки. Это означает, что заявитель должен представить достаточные и обоснованные документы, подтверждающие размер и обоснованность судебных расходов;

2) отсутствие сложностей в определении круга доказывания: упрощенный порядок предполагает, что суду не требуется проводить сложные исследования и анализировать множество доказательств. Это позволяет ускорить процесс и снизить нагрузку на судебные органы;

3) отсутствие необходимости в дополнительных доказательствах: в рамках упрощенного порядка не требуется истребование или предложение представления дополнительных доказательств, что также способствует ускорению процесса. Это позволяет сторонам избежать

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2018 г. № 305-КГ18-3653 по делу № А40-37784/2015. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

затягивания разбирательства и сосредоточится на основных вопросах возмещения судебных расходов;

4) применение стандартных ставок: речь идет о том, что в рамках упрощенного порядка возмещения судебных расходов, как правило, применяются заранее установленные «ставки вознаграждения за оказываемую юридическую помощь». Это позволяет избежать длительных споров о размере возмещения и упрощает процесс, поскольку стороны могут заранее оценить возможные расходы и уже не обосновывать их или возражать против них в суде;

5) упрощение процессуальных действий, что подразумевает минимизацию процессуальных действий, позволяя сторонам быстрее достичь разумного результата при подаче заявления о возмещении судебных расходов в рамках основного дела. Тогда нет необходимости в самостоятельном иске и отдельном судебном процессе.

Такой «упрощенный» порядок возмещения судебных расходов способствует повышению прозрачности и предсказуемости судебного процесса. Стороны могут заранее оценить свои шансы на успех и возможные экономические затраты, что, в свою очередь, способствует более взвешенному подходу к формированию правовой позиции и юридической тактики для участия в судебном процессе.

На практике «упрощенный» порядок возмещения судебных расходов в большинстве случаев демонстрирует свою эффективность. Особенно это заметно в делах, где сумма расходов незначительна или где стороны имеют четкое представление о границах своих прав и обязанностей с учетом их процессуальных статусов. Судебные органы, применяя такой упрощенный порядок, быстрее разрешают споры о возмещении убытков, понесенных в связи с оплатой услуг представителей, что, в свою очередь, способствует более эффективному использованию ресурсов судебной системы и соответствует принципам процессуальной экономии.

Результаты

Одной из основных проблем регулирования судебных расходов является вопрос об условно справедливом распределении расходов между сторонами. При определенных обстоятельствах, даже если сторона выигрывает дело, она может столкнуться с ситуацией, когда понесенные расходы оказываются непропорционально высокими по сравнению с выигранной суммой и невозможными ко взысканию с точки зрения процессуальной относимости. Это может привести к тому, что потенциальные истцы (заявители) будут отказываться от обращения в суд, опасаясь необоснованных финансовых рисков, связанных с судебными издержками.

Еще одна проблема – отсутствие прозрачности в формировании судебных расходов: стороны не знают, какие именно издержки могут возникнуть в процессе разбирательства и какие сопутствующие убытки могут быть включены в судебные расходы. В случае инициирования судебного процесса это осложнит финансовое планирование.

Кроме того, в некоторых случаях стороны могут намеренно завышать стоимость отдельных юридических услуг или использовать сложные юридические стратегии для увеличения финансового бремени оппонента.

Это создает дополнительные препятствия для справедливого разрешения требования о взыскании судебных расходов и требует более строгого контроля со стороны судебных органов, которым дано право уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер[2].

---

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (п. 11) (далее – Постановление Пленума № 1).

В соответствии со ст. 101 АПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела арбитражным судом.

В силу ст. 106 АПК РФ *к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела в арбитражном суде*, относятся денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, специалистам, свидетелям, переводчикам, расходы, связанные с проведением осмотра доказательств на месте, расходы на оплату услуг лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей), расходы юридического лица на уведомление о корпоративном споре в случае, если федеральным законом предусмотрена обязанность такого уведомления, и другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде.

Таким образом, судебные расходы – это затраты, связанные с осуществлением судебного разбирательства, включающие гонорары представителей, иные судебные издержки, расходы на экспертизы и другие сопутствующие расходы.

Помимо указанных сложностей, с которыми можно столкнуться при разрешении требования о возмещении судебных расходов, лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием. Недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек (п. 10 Постановления Пленума № 1).

В соответствии с ч. 1 ст. 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

Из совокупности приведенных положений следует, что доказательства несения расходов на оплату услуг представителя должны быть полными, всесторонними и явными.

Само по себе доказательство уплаты определенной суммы в чью-либо пользу не может свидетельствовать об уплате представительских издержек, так как на основании только лишь платежного документа невозможно выявить полноту суммы издержек и соотнести лиц, обязанных уплатить, и лиц, которым необходимо уплатить. Кроме того, не всегда возможно доподлинно определить относимость того или иного платежа к судебным расходам даже с учетом указания назначения платежного документа.

Анализ судебной практики указывает на то, что многие взыскатели включают в состав судебных издержек страховые взносы по обязательному страхованию, приходящиеся на вознаграждение представителей. Вопрос о правомерности такого подхода рассматривается в настоящей работе.

Соответствующие налоговые и страховые отчисления, обусловленные выплатой вознаграждения представителям, являются обязательными опосредованными (вторичными) расходами, понесенными лицами, участвующими в деле. Под опосредованностью в данном случае понимается необходимость несения налогового бремени не в силу непосредственного оказания юридических услуг поверенными лицами в рамках судебного дела, а именно в связи с оплатой таких услуг. С учетом свободы воли при утверждении соглашения об оказании юридических услуг сторонами может быть оговорена возможность оплаты таких услуг много позже даты их фактического оказания. При этом императивность норм налогового законодательства не позволяет изменять обязанности, установленные его нормами.

В силу п. 3 ст. 8 НК РФ под страховыми взносами понимаются обязательные платежи на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование, взимаемые с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения реализации прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по соответствующему виду обязательного социального страхования.

Согласно ст. 19 НК РФ налогоплательщиками, плательщиками сборов, плательщиками страховых взносов признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с

НК РФ возложена обязанность уплачивать соответственно налоги, сборы, страховые взносы. В силу ст. 419 НК РФ плательщиками страховых взносов являются организации и индивидуальные предприниматели, производящие выплаты физическим лицам. При этом необходимо отдельно отметить, что согласно п. 1 ст. 420 НК РФ объектом обложения страховыми взносами для плательщиков, указанных в абзацах втором и третьем подп. 1 п. 1 ст. 419 НК РФ (индивидуальные предприниматели и организации), если иное не предусмотрено настоящей статьей, признаются выплаты и иные вознаграждения в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования (за исключением вознаграждений, выплачиваемых лицам, указанным в подп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ). Указанное исключение предусмотрено и для плательщиков – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, производящих выплаты вознаграждений по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг, в пользу физических лиц (п. 2 ст. 420 НК РФ). В перечень лиц, указанных в подп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ, включены адвокаты.

Следовательно, вознаграждение адвокатам не является объектом обложения страховыми взносами, т. е. обязанность для организаций, индивидуальных предпринимателей, физических лиц по начислению страховых взносов на вознаграждение адвокату при заключении с ним соглашения и, соответственно, уплате таких взносов законодательством не установлена.

Исполнение обязанности по уплате налога, сбора, страховых взносов регулируется ст. 45 НК РФ, в которую Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», вступившим в силу с 1 января 2023 г., внесены изменения.

Исходя из п. 1 ст. 45 НК РФ налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога посредством перечисления денежных средств в качестве единого налогового платежа (ЕНП).

При поступлении единого налогового платежа налоговый орган на основе имеющихся у него документов и информации самостоятельно распределяет единый налоговый платеж в счет исполнения плательщиком обязанностей по уплате налогов с учетом определенной последовательности, установленной п. 8 ст. 45 НК РФ. Последовательность уплаты страховых взносов определена налоговым законодательством, при этом само по себе назначение платежа, указанное плательщиком, не имеет значения.

В соответствии с п. 8 ст. 45 НК РФ принадлежность сумм денежных средств, перечисленных и (или) признаваемых в качестве ЕНП, определяется налоговыми органами на основании учтенной на едином налоговом счете (ЕНС) налогоплательщика суммы его совокупной обязанности с соблюдением следующей последовательности: 1) недоимка по налогу на доходы физических лиц – начиная с наиболее раннего момента ее возникновения; 2) налог на доходы физических лиц – с момента возникновения обязанности по его перечислению налоговым агентом; 3) недоимка по иным налогам, сборам, страховым взносам – начиная с наиболее раннего момента ее возникновения; 4) иные налоги, авансовые платежи, сборы, страховые взносы – с момента возникновения обязанности по их уплате (перечислению); 5) пени; 6) проценты; 7) штрафы.

Согласно п. 2 ст. 11.3 НК РФ единым налоговым счетом признается форма учета налоговыми органами денежного выражения совокупной обязанности; денежных средств, перечисленных в качестве единого налогового платежа и (или) признаваемых в качестве единого налогового платежа.

В силу ч. 1 ст. 38 НК РФ объект налогообложения – реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога.

Страховые взносы, как и каждый налог, имеют самостоятельный объект налогообложения, определяемый в соответствии с частью второй Налогового кодекса Российской Федерации и с учетом положений ст. 38 НК РФ.

Исходя из ч. 1 ст. 55 НК РФ под налоговым периодом понимается календарный год или иной период времени применительно к отдельным налогам, по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма налога, подлежащая уплате. Налоговый период может состоять из одного или нескольких отчетных периодов с учетом особенностей, установленных данной статьей.

В силу ст. 53 НК РФ налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристики объекта налогообложения. Налоговая ставка представляет собой величину налоговых начислений на единицу измерения налоговой базы. Налоговая база и порядок ее формирования, а также налоговые ставки по федеральным налогам и размеры сборов по федеральным сборам устанавливаются НК РФ.

Изложенное в полной мере относится к страховым взносам и определению отчетных (расчетных) периодов и тарифов по ним.

Таким образом, обязательные платежи исчисляются и уплачиваются в бюджет по итогу отчетного (расчетного) периода на основе сформированной базы для исчисления налогов (страховых взносов). Все изложенное, как и обозначенное ранее, свидетельствует о сомнительности признания отдельного платежа надлежащим доказательством уплаты страховых взносов, приходящихся на те или иные вознаграждения.

Как было указано, нередки случаи, когда сторона, выигравшая дело, включает в состав судебных расходов обязательные налоговые отчисления и страховые взносы, предусмотренные налоговым законодательством, которые потребитель юридических услуг обязан уплатить в бюджет как налогоплательщик (плательщик страховых взносов).

Глава 34 НК РФ устанавливает порядок исчисления и уплаты страховых взносов. Плательщиком страховых взносов по обязательному социальному страхованию является лицо, выплачивающее вознаграждение физическому лицу. Плательщиками страховых взносов являются как юридические, так и физические лица, осуществляющие выплаты в пользу работников и других категорий граждан (ст. 419 НК РФ).

Согласно ст. 420 НК РФ объект обложения страховыми взносами включает вознаграждения, выплачиваемые физическим лицам, к которым отнесены заработная плата и другие выплаты, в том числе и вознаграждения за представительство в рамках судебного разбирательства. Статья 421 НК РФ устанавливает базу для исчисления страховых взносов, которая формируется на основании всех выплат, произведенных с начала расчетного периода.

Чтобы признать страховые взносы сопутствующими (вторичными) издержками в качестве составной части судебных расходов, необходимо установить, что вознаграждение представителя включено в базу для исчисления страховых взносов, страховые взносы исчислены со всей сформированной базы для исчисления страховых взносов, в том числе с сумм вознаграждения, и в полном объеме уплачены в бюджет, учтены в бюджете как страховые взносы с соотнесением с соответствующей базой для исчисления страховых взносов, по соответствующим периодам.

Для установления поименованных обстоятельств суду, по сути, при разрешении требования о возмещении судебных расходов, которое должно осуществляться «упрощенным и специализированным способом», необходимо проведение налоговой проверки. Проведение такой проверки регулируется ст. 88–101 НК РФ.

При осуществлении соответствующей деятельности необходимо выполнение ряда операций. Так, проверка формирования базы для исчисления страховых взносов включает: проверку регистров бухгалтерского и налогового учета, на которых отражаются выплаты, учи-

тываемые в базе для исчисления страховых взносов; проверку первичных документов, на основании которых сформированы названные выше регистры; проверку своевременности включения в базу для исчисления страховых взносов суммы выплат и иных вознаграждений; соотнесение достоверности и соответствия в базе для исчисления страховых взносов показателей соответствующим показателям, выявленным в ходе проверки; проверку наличия льгот.

Кроме того, необходимо установление тарифа, подлежащего применению исходя из сформированной базы для исчисления страховых взносов, наличия или отсутствия льгот, проведение проверки тарифа, примененного плательщиком страховых взносов, проверка правильности исчисления суммы страхового тарифа, исходя из подлежащих применению ставок, соотнесение выявленной суммы страхового тарифа с суммой, заявленной в декларации, установление результата. Итогом такой проверки будет сопоставление данных проверки с данными единого налогового счета заявителя.

Заключение

Изложенное показывает, что признание перечисленных денежных средств именно в качестве страховых взносов, приходящихся на уплаченное представителю вознаграждение, представляет собой трудоемкий процесс, в ходе которого необходимы сведения из сторонних государственных органов, запрос дополнительных доказательств, их анализ, проверка и составление комплексного расчета страховых взносов, подлежащих исчислению. Следовательно, отдельный платежный документ не может быть признан надлежащим доказательством уплаты страховых взносов, приходящихся на выплаченное вознаграждение представителя.

Таким образом, исчисление и признание перечисленных денежных средств в качестве страховых взносов в рамках распределения понесенных судебных расходов не отвечает принципу «упрощенности» процедуры возмещения судебных расходов.

При этом страховые взносы, как упоминалось, являются вторичными денежными потерями (убытками), понесенными заявителем только в связи с оплатой юридических услуг, т. е. являются опосредованными по отношению к расходам, прямо связанным с оказанием юридической помощи в рамках судебного разбирательства.

Авторы учли, что судебная практика, сложившаяся до 1 января 2023 г., допускала включение в состав судебных расходов страховых взносов. Однако при подготовке статьи авторы исходили из налогового законодательства с учетом привнесенных новелл относительно ст. 11.3 НК РФ и п. 8 ст. 45 НК РФ, вступивших в силу с 2023 г., а именно введения новых налоговых инструментов: единого налогового счета и единого налогового платежа. Данные новеллы существенно изменили порядок уплаты обязательных платежей и, разумеется, не учитывались ранее сложившейся судебной практикой.

Из всего указанного следует, что компенсация уплаченных страховых взносов – многоступенчатая, объемная по времени и трудозатратам процедура, связанная с проведением и проверкой множества сложных мероприятий и необходимостью расширения круга доказывания указанных обстоятельств. Их исполнение в ходе рассмотрения ходатайства о возмещении судебных расходов нельзя признать реализацией введенного Верховным Судом Российской Федерации принципа «упрощенного и специализированного» порядка возмещения убытков при использовании механизма возмещения судебных расходов.

Правоотношения по оплате страховых взносов носят публично-правовой характер и складываются не между сторонами по договору на оказание юридической помощи, а между плательщиком страховых взносов и государством. Именно в силу публичного характера указанных отношений возникает вопрос о правовых основаниях и последствиях возложения бремени по оплате страховых взносов на иное лицо, не являющееся участником соответствующего публичного отношения, в рамках предложенного государством механизма взыскания судебных расходов как части имеющегося судебного процесса.

В условиях введения законодателем новых налоговых механизмов в качестве предложения по решению проблемы невозможности реализации принципа «упрощенного и специализированного» порядка возмещения судебных расходов авторы полагают, что взыскатель не лишен возможности компенсировать издержки в виде уплаты страховых взносов путем обращения в суд с самостоятельным исковым заявлением, в рамках которого суммы страховых взносов могут быть квалифицированы как убытки лица, оплатившего оказанные юридические услуги, понесенные в связи с инициированием судебного процесса. Данные материально-правовые требования должны быть рассмотрены в отдельном судопроизводстве с учетом положений в том числе ст. 15, 393 ГК РФ.

При этом в рамках такого дела представляется более удобным рассмотреть и установить все необходимые признаки убытков, как то:

– противоправный характер действий, повлекших возникновение убытков;

– размер расходов, необходимый для преодоления как самих убытков, так и их последствий;

– причинно-следственная связь между противоправными действиями и расходами;

– вина субъекта.

Информация об авторах

В. А. Козлов – председатель суда;

А. В. Болдарева – помощник судьи.

Information about the authors

V. A. Kozlov – Chairman of the Court;

A. V. Boldareva – Assistant Judge.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 62–69
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 62–69
УДК 347.91 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.62-69
Научная статья

Цифровизация судебной деятельности: основные этапы, риски, тенденции развития

Ирина Евгеньевна Певцова[1], Татьяна Александровна Литовченко[2]
[1, 2] Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Хабаровск, Российская Федерация
[1] pevtsovairina@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7229-244X
[2] Anokhina-tatyana@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-6516-0100

Аннотация. Цифровизация различных сфер общественной жизни обусловлена интенсивным развитием технологических процессов, необходимостью внедрения инноваций. Большинство разработок в области цифровых технологий направлено на ускорение поиска нужной информации, взаимодействия различных субъектов без необходимости их физического присутствия, освобождение персонала от рутинных операций. Под влиянием цифровизации совершенствуется деятельность судебной системы. Внедрение новых технологий в судебную деятельность осуществляется очень осторожно и не так быстро, как это происходит в других сферах деятельности, ибо способность систем к изменению и обновлению уже после их введения в обращение может привести к нарушению прав человека, создать дисбаланс между частными и публичными интересами.
Основная цель данного исследования – оценить практическую пользу внедренных в российскую судебную систему передовых технологий и обозначить несовершенство правового регулирования для повышения безопасности и снижения рисков их использования в деятельности судов.
Использование общенаучных методов (сравнительно-правового, герменевтического и формально-юридического) позволило авторам рассмотреть основные этапы цифровизации судебной деятельности, в том числе правосудия, обозначить некоторые проблемы (например, уязвимость перед кибератаками), определить перспективные пути развития. Применение метода индукции позволило сформировать ряд общих выводов, среди которых необходимость совершенствования правового регулирования.
Авторы отмечают, что при положительном влиянии на судебную систему (цифровое правосудие способствует реализации принципа доступности правосудия, ускоряет и упрощает подачу процессуальных документов и доказательств по рассматриваемым судами делам) правосудие не должно отказываться от традиционной формы.

Ключевые слова: правосудие, цифровизация, искусственный интеллект, судебная система, передовые технологии

Для цитирования: Певцова И. Е., Литовченко Т. А. Цифровизация судебной деятельности: основные этапы, риски, тенденции развития // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 62–69. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.62-69.

© Певцова И. Е., Литовченко Т. А., 2026

Original article

Digitalization of Judicial Activity: Main Stages, Risks, Development Trends

Irina E. Pevtsova[1], Tatyana A. Litovchenko[2]

[1, 2] Eastern Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Khabarovsk, Russian Federation

[1] pevtsovairina@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7229-244X

[2] Anokhina-tatyana@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-6516-0100

Abstract. Digitalization of various spheres of public life is an inevitability due to the intensive development of technological processes and the need to introduce innovations. Most developments in the field of digital technologies are aimed at increasing the speed of searching for the necessary information, the interaction of various actors without the need for their physical presence, and freeing personnel from routine operations. The judicial system is improving under the influence of digitalization. The introduction of new technologies into judicial activities is carried out very carefully and not as quickly as it happens in other fields of activity. This is primarily due to the fact that the intangible nature of digital products, the ability of systems to change and update after their introduction into circulation, can lead to human rights violations and create an imbalance between private and public interests.

The main purpose of this study is to evaluate the practical benefits of advanced technologies introduced into the Russian judiciary and identify some imperfections in legal regulation to improve safety and reduce the risks of their use in the activities of courts.

The use of general scientific methods such as comparative law, hermeneutical and formal law allowed the authors to consider the main stages of the digitalization of judicial activity, including justice, identify some problems (for example, vulnerability to cyber attacks), and identify promising development paths. The use of the induction method allowed us to form a number of general conclusions, including the need to improve legal regulation.

The authors note that despite the success of high technologies and their positive impact on the judicial system (digital justice contributes to the implementation of the principle of accessibility of justice, speeds up and simplifies the filing of procedural documents and evidence in cases before the courts), justice should not abandon the traditional form.

Keywords: justice, digitalization, artificial intelligence, judicial system, advanced technologies

For citation: Pevtsova, I. E., Litovchenko, T. A. Digitalization of judicial activity: main stages, risks, development trends. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(2):62-69. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.62-69.

В последнее время одной из самых востребованных передовых технологий является искусственный интеллект (далее – ИИ). Особенностью ИИ является способность осуществлять сбор данных, их интерпретацию, принимать решения на основании имеющейся информационной базы практически в любой отрасли деятельности человека, что определяет постоянно расширяющийся спектр его применения. ИИ является высокоэффективным инструментом за счет автономности своей работы и способности к обучению, в связи с чем использование интеллектуальных алгоритмов способно расширить арсенал правовых средств, оперативность осуществления и доступность правосудия.

С одной стороны, цифровые технологии расширили возможности коммуникации между обществом и судебной системой, сделали ее более доступной и прозрачной, с другой стороны, цифровые технологии – это всего лишь инструмент, который нужно умело использовать, не допуская снижения эффективности и качества правосудия. Как верно отмечается в научной литературе, «право на судебную защиту носит публично-правовой и неотчуждаемый характер, поскольку может быть реализовано исключительно с помощью государства, создающего для этого необходимые условия, а лишение либо ограничение гражданина возможности прибегнуть к судебной защите для отстаивания своих прав и свобод противоречит основным конституционным принципам» [1, с. 38].

Информатизация судебной системы повышает уровень доступности правосудия, обеспечивая реализацию права каждого на судебную защиту своих прав, свобод и законных инте-

ресов. «Внедрение информационных технологий в судопроизводство ускоряет последнее, сокращает нагрузку на персонал суда, снижает стоимость процедур и повышает уровень открытости судебной системы» [2, с. 4].

Результаты

В 2018 году для повышения уровня использования информационных технологий была образована Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности[1]. Комиссия определяет приоритетные направления регулирования цифровой экономики, обеспечивает и координирует «взаимодействие федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам развития экосистем цифровой экономики и повышения уровня использования информационных технологий и связи в целях формирования в Российской Федерации информационного общества и электронного правительства». В 2019 году была разработана Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект»[2], в которой искусственный интеллект обозначен как «новое электричество» и отмечена необходимость его применения для повышения качества жизни и улучшения благосостояния общества во всех экономических и социальных отношениях.

Вследствие этого активизировался научный интерес к цифровым технологиям, к их использованию. Так, проблемам применения, влияния, роли искусственного интеллекта в правовом пространстве посвящены работы П. М. Морхата[3], В. В. Архипова[4], А. Э. Евстратова[5], В. Б. Наумова[6], Х. Д. Аликперова[7]. Ряд монографических исследований посвящены специально цифровизации правосудия[8].

Уже сейчас многие страны используют ИИ не только в досудебной, но и в судебной деятельности. Применительно к судопроизводству цифровизация представляет собой процесс внедрения цифровых технологий и информационных систем в судебную систему, включая электронный документооборот. Она нацелена на оптимизацию организационных процессов,

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2018 г. № 1065 (ред. от 17.08.2024) «О Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 38. Ст. 5846.

[2] Российский фонд развития информационных технологий : [сайт]. URL: https://rfrit.ru/media/documents/ДК_СЦТ_ИИ.pdf.

[3] *Морхат П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд // Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М. : Буки Веди, 2017. 257 с.

[4] *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

[5] *Евстратов А. Э., Гученков И. Ю.* Пределы применения искусственного интеллекта (правовые проблемы) // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 13–19.

[6] *Наумов В. Б.* Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108). С. 4–11.

[7] *Аликперов Х. Д.* Электронная технология определения меры наказания («Электронные весы правосудия») / предисл. А. И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2020. 170 с.

[8] *Кононов Д. А.* Правовые основы цифровизации правосудия : моногр. М. : Юнити, 2024. 126 с.; *Бурдина Е. В. и др.* Электронное правосудие : моногр. / под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 327 с.; Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии : коллектив. моногр. / под ред. И. В. Воронцовой. Казань : Отечество, 2020. 415 с.; *Лаптев В. А., Соловяненко Н. И.* Цифровое правосудие. Цифровой документ : моногр. М. : Проспект, 2022. 248 с.

которые позволят в значительной мере минимизировать затраты процессуального времени в гражданском судопроизводстве [3].

Начало цифровизации российского правосудия было положено федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы[9]. Программа предусматривала необходимость создания сайтов судов в сети «Интернет» и автоматизированных судебных систем, формирование информационных ресурсов правовой базы и электронных банков данных судебных решений, систем межведомственного взаимодействия и аудиопротоколирования судебных заседаний. Активная реализация целей и задач, заложенных данной программой, началась в период пандемии COVID-19, и уже в 2020 г. российская судебная система по уровню внедрения информационных технологий была признана одной из лучших. Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы (CEPEJ) оценила применение цифровых технологий в российских судах на 8,81 балла. Качество работы судов с применением информационных технологий превысило среднеевропейский уровень, например, в «…Германии этот показатель равен 8,3 балла, во Франции – 5,19 балла, в Италии – 6,42 балла, в Швейцарии – 5,55. В части электронного взаимодействия с участниками судопроизводства Россия получила оценку в 9,09 балла (среднеевропейский показатель – 5,04 балла), в части использования цифровых технологий в распределении дел и организации работы судов – также 9,09 балла (среднеевропейский показатель – 7,11 балла), а в части применения современных технологий при подготовке судебных актов – 8,24 балла (среднеевропейский показатель – 6,15 балла)»[10]. Лидирует Россия и по скорости рассмотрения дел в судах, а это свидетельствует о том, что технологические и цифровые решения, применяемые в российских судах, дают положительный результат и их нужно развивать. Важными факторами являются также хорошо отлаженная работа и профессионализм судейского сообщества.

С принятием Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[11] реализация права на судебную защиту наполнилось новым содержанием. С принятием Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»[12] стал активно расширяться электронный документооборот в судах.

Однако наиболее серьезным шагом по обеспечению доступности правосудия стало внедрение в деятельность судебной системы сервисов «Мой арбитр» (в 2012 г. сервис стал использоваться в арбитражных судах) и ГАС «Правосудие» (в 2013 г. сервис стал использоваться в судах общей юрисдикции) с целью формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и арбитражных судов. С помощью сервиса «Мой арбитр» появилась возможность подачи исковых заявлений, жалоб и иных процессуальных документов с приложением доказательств по делу через интернет, применения в судопроизводстве различных современных информационных технологий. Аналогичные функции можно осуществлять и с применением интернет-портала ГАС «Правосудие», хотя он и менее развит, чем «Мой арбитр».

---

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2007–2011 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 41. Ст. 4248.

[10] *Ермолов Е.* Судебная система России признана наиболее эффективной и экономной в Европе // Российское агентство правовой и судебной информации : [сайт]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20201103/306468156.html?fbclid=IwAR1QprmJIrYdLBqo4Nb3T-UZlvD5MlP_jY1RgfY5qDUT6iMtgYppsZ0BgCM (дата обращения: 13.12.24).

[11] Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

[12] Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.

Алгоритм подачи процессуальных документов электронно является доступным для понимания: необходимо авторизоваться через портал «Госуслуги», заполнить сведения о сторонах, суде, деле и приложить готовый файл допустимого формата: pdf, rtf, doc, docx, xls, xlsx, odt. Изображения можно приложить в форматах pdf, jpg, png, tiff. Каждый направляемый файл необходимо назвать в соответствии с его содержанием, в названии также должно быть отражено количество листов. После направления в суд документов автору приходит уведомление о принятии судом либо отклонении в случае нарушения правил подачи. При отклонении документов после устранения недостатков допускается повторная подача документов.

Следует акцентировать внимание на том, что после внедрения электронного документооборота в гражданский и арбитражный процесс без внимания законодателя остался один значимый вопрос: он касается порядка исчисления процессуальных сроков при подаче процессуальных документов через интернет-порталы ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр».

Согласно п. 3 ст. 108 ГПК РФ процессуальное действие, для совершения которого установлен процессуальный срок, может быть совершено до двадцати четырех часов последнего дня срока. В случае, если жалоба, документы или денежные суммы были сданы в организацию почтовой связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, срок не считается пропущенным.

Аналогичная норма содержится в п. 6 ст. 114 АПК РФ.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»[13], документ, загруженный в систему до двадцати четырех часов последнего дня срока подачи процессуального документа считается представленным в срок независимо от того, когда судом данный документ получен.

Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа[14], также не регламентирует сроки обработки поступивших через сайт «Мой арбитр» процессуальных документов. Безусловно, такая ситуация не отвечает принципу доступности правосудия. С одной стороны, электронная подача документов – это быстрый способ предоставить доказательства, письменные пояснения к судебному заседанию, в котором сторона не принимает участие «очно». Но с учетом существующей практики при отсутствии официально закрепленного срока рассмотрения процессуальных документов, поданных через систему my.arbitr.ru, эта задача не всегда является выполнимой.

В целом электронная подача документов получила положительные отклики практикующих юристов. Однако встречается и мнение, что проверить достоверность и подлинность приложенных документов в качестве доказательств не представляется возможным.

Внедрение электронного документооборота позволяет не только подать процессуальные документы с приложением письменных доказательств, но и ознакомиться с текстом судебных решений. Одним из преимуществ данного нововведения является то, что оно позволяет своевременно подать жалобу на принятый судебный акт, не дожидаясь его отправки почтой, если участник судопроизводства проживает в другом населенном пункте, а практикующим юристам – изучить судебную практику по аналогичным делам, тем самым повышая свой профессиональный уровень.

---

[13] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 4.

[14] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Следующим важным направлением цифровизации правосудия стала возможность принимать участие в судебном заседании дистанционно с помощью видео-конференц-связи (далее – ВКС). Обеспечение ВКС осуществляет фактически два суда с привлечением специалистов двух судов и двух судей (судья суда, обеспечивающего для стороны ВКС, удостоверяет личность участника судопроизводства, ходатайствующего об обеспечении ВКС, и судья, рассматривающий дело по существу со стороны второго суда).

Преимущества онлайн-участия лиц в судебных заседаниях перед ВКС являются очевидными, и, безусловно, его внедрение в судебную систему является необходимостью.

Одним из существенных способов упрощения ведения судебного процесса является протоколирование судебного заседания с использованием средств аудиозаписи (ст. 228 ГПК РФ, ст. 155 АПК РФ), которое сторонам в случае необходимости позволяет максимально детально восстановить ход судебных слушаний.

Участникам судопроизводства, проживающим в другом населенном пункте, необходимо предоставить удаленный доступ к аудиопротоколам судебных заседаний с целью обеспечения доступного судопроизводства. В настоящее время такая возможность предоставлена только в арбитражных судах. В судах общей юрисдикции она не реализована.

Одной из последних новелл в цифровизации судопроизводства стала возможность получения судебной корреспонденции гражданами и организациями. Сегодня портал «Госуслуги» дает уникальную возможность получать письма от судебных органов в электронном виде, если лицо настроило данную функцию в личном кабинете портала.

Судебное уведомление (судебное извещение – вызов в суд либо копия судебного акта), направляемое с использованием государственной электронной почтовой системы, представляет собой текстовое сообщение, к которому могут быть приложены один или несколько файлов в формате pdf, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Данная возможность, безусловно, окажет положительное влияние на рассмотрение дел в разумные сроки, обеспечив оперативно необходимой информацией о судебном заседании либо содержании принятого судебного акта.

Образование сервисов «Мой арбитр» и ГАС «Правосудие» имеет важное значение в реализации основополагающих принципов правосудия. Внедрение системы положительно отразилось на судебной деятельности в целом, сделав ее более прозрачной, эффективной и доступной для граждан. Юристы планируют свою работу с учетом рассмотренных выше сервисов, отмечая экономию ресурсов.

При всех «плюсах» цифровизации правосудия в октябре 2024 г. Российская Федерация столкнулась с серьезной проблемой. В ночь с 6 на 7 октября 2024 г. пользователи сайтов sudrf.ru (ГАС «Правосудие») и arbitr.ru («Мой арбитр») начали жаловаться на проблемы с доступом к сайтам: при попытке их загрузки браузер выдавал ошибку с текстом «Не удается получить доступ к сайту». Позднее в СМИ появилась информация, что ответственность за сбои в работе взяли на себя проукраинские хакеры BO Team[15].

Последствиями сбоя работы электронного правосудия стали невозможность участников споров и их представителей направить документы в суд в электронном формате, невозможность узнать информацию о движении дела, контактные данные судов, получить реквизиты для уплаты госпошлины за совершение процессуальных действий.

Стоит отметить, что альтернативного механизма осуществления электронного правосудия в случае хакерских атак в России не разработано. И эта ситуация не нова в нашей стране: так,

[15] *Пламенев И.* Суды объяснили длящийся уже сутки сбой системы «Правосудие» // Радио РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/society/08/10/2024/670515429a794748d075103b (дата обращения: 19.10.2024).

16 марта 2022 г. в новостных каналах также была информация о хакерской атаке на сайты арбитражных судов России[16].

Некоторые суды частично решили проблему информирования участников судопроизводства о реквизитах государственной пошлины, результатах рассмотрения дел путем размещения информации на официальной странице соответствующего суда Вконтакте[17].

Полагаем, что данную проблему необходимо разрешить Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации и обеспечить доступ к информации о работе судов, подсудности, реквизитах государственной пошлины, о движении дел и другой информации.

Заключение

Обобщая накопленный опыт цифровизации судебной деятельности, можно выделить три значимых этапа. Первый этап с 2007 по 2011 г. – заложены основы цифровизации судебной деятельности и определены основные направления развития судебной системы. Второй этап с 2012 по 2018 г. – создание и внедрение сервисов, направленных на формирование единого информационного пространства судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Третий этап с 2019 по 2024 г. – ускорение цифровизации судебной деятельности, реализация и совершенствование основных направлений в ответ на вызовы и угрозы современности, обусловленные бурным цифровым развитием.

С определенной долей уверенности можно утверждать, что 2025 г. ознаменовал начало нового этапа цифровизации. Внедрение «Магис» (системы машиночитаемых документов) в деятельность мировых судов позволило освободить мировых судей от рутинных операций в рамках приказного производства, и внедрение современных технологий в деятельность судов будет только расширяться.

Важными направлениями развития судебной системы поэтому становятся внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс рассмотрения бесспорных требований, широкое внедрение прогрессивных электронных сервисов в целях не только снижения нагрузки на судебную систему (например, УКОП – система учета и контроля оплат постановлений, предназначенная для ведения и учета документов на оплату работ адвокатов и переводчиков, назначенных судом), но и быстроты и удобства лиц, обратившихся за судебной защитой, таких как «Интерактивный помощник», «Модуль определения подсудности», «Калькулятор госпошлины», хорошо себя зарекомендовавших при их пилотном введении. Среди перспектив также можно обозначить возможность использования в судебном процессе лицензированных программ искусственного интеллекта для синхронного юридического перевода. Уже сейчас получены и протестированы пользователями прототипы продуктов, способных синтезировать речь на другом языке (например, для улучшения персональных синхронных переводчиков), распознавать антропологические признаки на основе речи (например, для использования в системах идентификации социального статуса и других атрибутов человека).

Цифровизация выступает источником масштабных социокультурных изменений, как положительных, так и негативно воздействующих на человека и цивилизацию в целом. Чрезмерное делегирование основных профессиональных функций человека, а тем более передача

---

[16] Сайты арбитражных судов России подверглись хакерской атаке // Интерфакс : [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/russia/828432 (дата обращения: 19.10.2024).

[17] Например, Хабаровский краевой суд в телеграм-канале «Суды Хабаровского края» 14 октября 2024 г. разместил объявление о том, что в официальной группе Хабаровского краевого суда https://vk.com/khs27 содержатся реквизиты государственной пошлины и результаты рассмотрения дел с 4 октября 2024 г. Приведена ссылка на контактные данные и территориальная подсудность судебных участков мировых судей Хабаровского края. Telegram : [сайт]. URL: https://t.me/sud_27rf/2361 (дата обращения: 19.10.2024).

функций правосудия искусственному интеллекту должны осуществляться очень вдумчиво и осторожно. Эксперты отмечают, что, «позволив искусственному интеллекту судить человека, в перспективе мы можем поставить под угрозу существование человеческой цивилизации в принципе»[18].

Есть основания полагать, что главной тенденцией развития цифровизации судебной деятельности будет выступать более широкое внедрение технологий искусственного интеллекта, совершенствование электронных сервисов и защита информации от несанкционированного проникновения.

Список источников

1. Чернов К. Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как составная часть конституционного права на судебную защиту // Современное право. 2019. № 12. С. 37–39.

2. Кашанин А. В., Козырева А. Б., Курносова Н. А. и др. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад / отв. ред. А. В. Кашанин. М. : [Б. и.], 2020. 80 с.

3. Журавлева М. Д. Цифровизация гражданского судопроизводства: вызов правосудию или благо для современного общества // Социальные нормы и практики. 2024. № 2. С. 22–35.

References

1. Chernov, K. N. The right to hearing in a reasonable time period as a component of the constitutional right for judicial protection. *Sovremennoe pravo = Modern Law.* 2019;(12):37-39. (In Russ.)

2. Kashanin, A. V., Kozyreva, A. B., Kurnosova, N. A., et al. *Information technologies in justice: current state and prospects. Russia and the world. Analytical report*. Ed. A. V. Kashanin. Moscow: [S. n.]; 2020. 80 p. (In Russ.)

3. Zhuravleva M. D. Digitalization of civil proceedings: a challenge to justice or a benefit for modern society. *Social Norms and Practices.* 2024;(2):22-35. (In Russ.)

Информация об авторах

И. Е. Певцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права;

Т. А. Литовченко – старший преподаватель кафедры гражданского права.

Information about the authors

I. E. Pevtsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department;

T. A. Litovchenko – Senior Lecturer at the Civil Law Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 15.12.2025.

[18] Круглый стол. Нормативное регулирование искусственного интеллекта: промежуточные итоги // Legal Academy. 2022. URL: https://legalacademy.ru/course/5232668 (дата обращения: 20.04.2025).

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 70–83
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 70–83
УДК 347.91/9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.70-83

Научная статья

Особенности примирения сторон по спорам, возникающим из семейных правоотношений

Светлана Игоревна Первухина[1],
Марина Александровна Гаврикова[2]

[1] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, time4resolve@gmail.com

[2] Тобольский городской суд Тюменской области, Тобольск, Российская Федерация, marina7891@mail.ru

Аннотация. Статья подготовлена по результатам реализации в 2024/25 учебном году Научно-практического проекта «Примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве». Концепция проекта одобрена кафедрой гражданского и административного судопроизводства РГУП им. В. М. Лебедева в 2020 г. в качестве одного из научно-практических направлений своей деятельности. Проект проводится при поддержке судов общей юрисдикции и арбитражных судов в целях оптимизации судебной нагрузки за счет внедрения и развития практики применения примирительных процедур, выработки оптимальной модели взаимодействия судей, судебных примирителей и медиаторов.

В статье проанализированы примирительные процедуры по семейным спорам, проведенные по запросам судов общей юрисдикции в отчетный период. Обозначены проблемы примирения по семейным спорам на этапе судебного разбирательства, выявлены пробелы в действующем законодательстве и методическом обеспечении практики проведения примирительных процедур. Обоснован вывод о необходимости применения медиации в качестве инструмента профилактики и раннего урегулирования семейных конфликтов для укрепления института семьи. В статье описан авторский алгоритм проведения процедуры медиации по семейному спору на этапе судебного разбирательства, а также апробированный на практике подход к решению вопроса об участии в примирительных процедурах третьих лиц и несовершеннолетних детей; обоснована необходимость ограничения принципа конфиденциальности примирительных процедур в целях защиты интересов детей в судебном процессе. Выводы и предложения авторов, изложенные в статье, могут быть использованы для дальнейшего развития законодательства о примирительных процедурах и разработки профессиональных стандартов деятельности семейных медиаторов.

Ключевые слова: медиация, семейная медиация, судебное примирение, медиатор, судебный примиритель, примирительная процедура, суд, семейный спор, защита прав несовершеннолетних, семья

Для цитирования: Первухина С. И., Гаврикова М. А. Особенности примирения сторон по спорам, возникающим из семейных правоотношений // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 70–83. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.70-83.

© Первухина С. И., Гаврикова М. А., 2026

Original article

Features of Reconciliation of the Parties in Disputes Arising from Family Legal Relations

Svetlana I. Pervukhina[1], Marina A. Gavrikova[2]

[1] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, time4resolve@gmail.com

[2] Tobolsk City Court of the Tyumen Region, Tobolsk, Russian Federation, marina7891@mail.ru

Abstract. This article is based on the Scientific and practical project "Conciliation Procedures in Civil and Administrative Proceedings" implementation results in the 2024/25 academic year. The concept of the project was approved by the Department of Civil and Administrative Litigation of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev in 2020 as one of the scientific and practical areas of its activities. The project is carried out with the support of courts of general jurisdiction and arbitration courts in order to optimize the judicial workload through the introduction and development of the conciliation procedures practice, developing an optimal model of interaction between judges, judicial conciliators and mediators. The article analyzes conciliation procedures for family disputes carried out at the request of courts of general jurisdiction during the reporting period. The problems of reconciliation in family disputes at the trial stage are identified, gaps in the current legislation and methodological support for the practice of conciliation procedures are identified. As a result, the authors come to the conclusion that it is necessary to use mediation as a tool for the prevention and early resolution of family conflicts to strengthen the institution of the family. The article describes the author's algorithm for conducting the mediation procedure for a family dispute at the stage of trial, as well as a practice-tested approach to resolving the issue of participation in conciliation procedures of third parties and minor children; the need to limit the principle of confidentiality of conciliation procedures in order to protect the interests of children in the judicial process is justified. The conclusions and proposals of the authors set out in the article can be used for the further development of legislation on conciliation procedures and the development of professional standards for the activities of family mediators.

Keywords: mediation, family mediation, judicial reconciliation, mediator, judicial conciliator, conciliation procedure, court, family dispute, protection of the rights of minors, family

For citation: Pervukhina, S. I., Gavrikova, M. A. Features of reconciliation of the parties in disputes arising from family legal relations. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(2):70-83. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.70-83.

Сохранение, укрепление семьи и традиционных семейных ценностей является важным направлением внутренней государственной политики и одной из ключевых задач по реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»[1]. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г. Президент России В. В. Путин сразу после вопросов национальной безопасности назвал задачу поддержки института семьи, подчеркнув, что это является «фундаментальным нравственным выбором» и «ориентиром государственной стратегии», где «важна работа всех уровней власти»[2]. Программные документы государственной семейной политики в основном ориентированы на расширение экономический мер поддержки семей с детьми[3], систему профилактики и урегулирования семейных конфликтов[4].

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

[2] Послание Президента Федеральному Собранию // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/president (дата обращения: 21.07.2025).

[3] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811.

[4] По данным Росстата, в 2024 г. на 10 новых бракосочетаний в России приходилось порядка восьми разводов. См.: ВЦИОМ: восемь из десяти браков в РФ в 2024 году распадались. Заявление совет-

Ежегодно суды рассматривают большое количество дел, возникающих из семейных правоотношений. Так, в 2024 г. вынесено 791 923 судебных решения по семейным делам; в 2023 г. – 884 496; в 2022 г. – 928 063; в 2021 г. – 905 789[5]. Семейные споры относятся к непростой категории дел. Основные сложности при их рассмотрении и разрешении судом обусловлены особенностями семейных отношений, а именно близким межличностным взаимодействием и длящимся характером. Так, высокий уровень доверия во время семейной жизни приводит к тому, что при возникновении конфликта юридическая картина сильно расходится с действительностью, как следствие, возникают проблемы при сборе доказательств. Зачастую судебное разбирательство по семейному спору происходит на фоне затяжного межличностного конфликта сторон, который проявляется в высоком уровне эмоционального напряжения в ходе судебных разбирательств, влечет затягивание судебного процесса и сложности при исполнении судебных актов. Особенно это проявляется в спорах о детях, когда стороны прекращают брачно-семейные отношения, но не утрачивают интерес к жизни и воспитанию детей, продолжают находиться в длящихся отношениях. Сохранение конфликтности между сторонами препятствует исполнению судебных решений о детях, в связи с чем зачастую они вынуждены прибегать к повторным и неоднократным обращениям в суд. Показательным примером является медиация, проведенная по судебному делу об определении места жительства несовершеннолетних детей с отцом: истец ссылался на препятствия в реализации графика общения с детьми, ранее установленного судом, и представил 42 постановления о привлечении матери несовершеннолетнего ребенка к административной ответственности за неисполнение вынесенного решения суда о порядке общения с детьми.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал приоритет защиты интересов несовершеннолетних детей, необходимость обеспечения их права жить и воспитываться в семье, а при невозможности – необходимость максимального сохранения условий и уровня жизни, существовавших до распада семьи; равенство родителей в вопросах воспитания детей, совместности нажитого имущества. Немаловажную роль в этом играют примирительные процедуры.

На очередном заседании Совета при Правительстве России по вопросам попечительства в социальной сфере было признано целесообразным принятие на федеральном и региональном уровнях дополнительных мер организационного, правового и методологического характера в целях развития семейной медиации и медиативного подхода в деятельности органов и организаций, работа которых направлена на защиту, поддержку и благополучие семьи и детей в обществе. В частности, Минюсту России совместно с другими компетентными органами было поручено проработать вопросы о возможности введения обязательного досудебного порядка урегулирования семейный споров с применением медиации и проведении обязательной информационной встречи с медиатором в рамках досудебного порядка урегулирования семейных споров с участием детей[6].

На этапе судебного разбирательства судьями предпринимаются меры, направленные на снижение конфликтности и мирное урегулирование споров. В 2024 году доля семейных спо-

---

ника генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Е. Михайловой на пресс-конференции в Москве // ТАСС : [сайт]. 18 дек. 2024 г. URL: https://tass.ru/obschestvo/22702277.

[5] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: https://cdep.ru/?id=79.

[6] Протокол заседания Совета при Правительстве Российской Федерации по вопросам попечительства в социальной сфере // Совет при Правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере : [сайт]. URL: https://popechitely.ru/pdf/Протокол_заседания_Совета_3пр_от_04_07_2025_1.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

ров в общем количестве дел, прекращенных в связи с урегулированием с помощью примирительных процедур, составила 48%. При этом за последние 3 года количество успешных примирительных процедур выросло почти в 2 раза (45%) – с 287 дел в 2020 г. до 525 – в 2024 г.

Такие же закономерности проявляются и при реализации на протяжении 5 лет в РГУП им. В. М. Лебедева Научно-практического проекта «Примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве» (далее – Проект), предполагающего проведение медиаций по запросам судов профессиональными медиаторами на безвозмездной основе.

Результаты

В 2024/25 учебном году расширена география работы Проекта – на постоянной основе к Проекту были подключены новые суды: Самарский областной суд; Похвистневский районный суд Самарской области; Автозаводский районный суд г. Тольятти, Полевской городской суд Свердловской области. Запросы о проведении примирительной процедуры поступили из 15 судов, которые ранее не направляли дела на медиацию[7]. На постоянной основе в Проекте участвуют 11 судов; в 2024/25 учебном году запросы о проведении медиации поступили из 9 регионов России. Медиации из судов Москвы и Московской области проводятся в здании судов; из других регионов России – онлайн.

В рамках Проекта примирительные процедуры проводятся профессиональными медиаторами из числа профессорско-преподавательского состава кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета и профессиональными медиаторами, прошедшими обучение в РГУП им. В. М. Лебедева, при методической поддержке руководителя Проекта. Методическая поддержка медиаторов Проекта включает в себя проверку документального оформления медиации, в том числе содействие в составлении медиативных соглашений, осуществление коммуникации с судом по вопросам организации проведения медиаций в суде, помощь при решении сложных процедурных и процессуальных вопросов.

На протяжении 2024/25 учебного года осуществлялась методическая поддержка судей по вопросам направления судебных дел на медиацию, разъяснялись порядок направления запросов, процессуальные действия судьи, связанные с направлением сторон на медиацию, процессуальное оформление проведения медиации на этапе судебного разбирательства и результатов примирения.

В феврале 2025 г. создано онлайн-пространство для судей по вопросам применения медиации и судебного примирения, в котором размещены образцы процессуальных документов, учебная и методическая литература, у судей есть возможность задать вопрос и получить оперативно ответ. В настоящий момент к онлайн-пространству присоединились 482 участника.

Всего в I полугодии 2025 г. в Проект поступило 78 запросов из судов о проведении процедуры медиации. 48 дел, или 61%, – семейные споры. Из них 23 дела – споры о детях; 25 – о разделе имущества. В 13 исках стоит вопрос о месте жительства и порядке общения с детьми; в 5 – об уплате алиментов. 31%, или 15 семейных дел, завершены успешно: в 13 случаях стороны заключили медиативное соглашение, в 2 – отказались от иска.

---

[7] В 2024/25 учебном году в Проект поступили запросы о проведении медиации из Октябрьского районного суда г. Архангельска, Новодвинского городского суда Архангельской области, Ивантеевского городского суда Московской области, Чебаркульского городского суда Челябинской области, Свердловского областного суда, Белоярского районного суда Свердловской области, Ирбитского районного суда Свердловской области, Псковского областного суда, Кыринского районного суда Забайкальского края, Тобольского городского суда, Александровского городского суда Пермского края, Верещагинского районного суда Пермского края, Богатовского районного суда Самарской области, Куйбышевского районного суд г. Самары, Ленинского районного суда г. Краснодара.

Анализ практики медиации, сложившейся в рамках Проекта, позволяет выявить некоторые особенности примирения сторон на этапе судебного разбирательства и порядка проведения процедуры медиации по семейному спору.

Оценка медиабельности семейного спора

Дела, возникающие из семейных правоотношений, традиционно считаются самой перспективной с точки зрения медиации категорией споров. Близкие отношения и родственные связи, наличие общих несовершеннолетних детей обусловливают необходимость предпринять попытку примирения. Для правильной оценки перспектив и целесообразности проведения примирительной процедуры стоит учитывать динамику и закономерности развития конфликта.

Конфликт в своем развитии проходит несколько этапов. Ф. Глазл изучал динамику конфликтов и выделил 3 типичные фазы их развития, каждая из которых состоит из 3 ступеней [1, с. 234–303]. Для первой фазы характерно чередование кооперации и конкуренции, аргументы сторон только начинают оформляться в позиции, возможно разумное обсуждение при относительно невысоком уровне эмоционального напряжения. Именно в этот момент надлежащей формой урегулирования конфликта могут быть переговоры или посредничество. Дальнейший рост эскалации конфликта приводит к жесткому оформлению позиций, формированию коалиций и образа врага, с которым диалог невозможен. Для урегулирования конфликта с высоким уровнем эскалации требуются более директивные процедурные формы либо властное вынесение решения. В судебном процессе высокая эскалация конфликта может проявляться в излишней эмоциональности сторон, которые быстро выходят из себя, становятся реактивны и агрессивны в отношении друг друга; в появлении в речи сторон противопоставлений «я» – «они», негативных характеристик личности других участников судебного процесса; в появлении «группы поддержки» из родственников и друзей в судебном заседании или ожидающих в коридоре суда; в подаче новых исковых заявлений в суд, даже в физическом насилии в отношении друг друга и заявлениях в полицию, порче имущества или создании препятствий, о которых стороны рассказывают суду. В таких ситуациях конфликт может оказаться сложным и даже бесперспективным с точки зрения медиации.

К сожалению, особенностью судебной семейной медиации является то, что конфликт сторон имеет долгую историю развития и находится, согласно концепции Ф. Глазла, во второй фазе эскалации. Медиатору приходится проделывать большую работу по развенчиванию образа врага, снижению уровня эмоционального напряжения и деэскалации конфликта перед тем, как перейти со сторонами к разумному диалогу и поиску вариантов его урегулирования. Иными словами, работа с такими конфликтами возможна, но для этого требуются дополнительные навыки и больше времени. Судам рекомендуется предоставлять для проведения примирительной процедуры по семейному спору максимальный срок, предусмотренный ч. 3 ст. 13 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о процедуре медиации), – 60 дней. В конфликтах с высокой степенью эскалации сторонам сложно инициировать диалог, в перспективы которого они слабо верят.

Все семейные медиации в рамках Проекта были проведены по инициативе судей при формальном согласии сторон. Часто стороны прямо говорят о том, что на медиацию их «направил суд», при этом стороны добросовестно участвуют в переговорах и получают шанс заключить соглашение. Высокая степень эскалации семейного конфликта на этапе судебного разбирательства также обусловливает процедурные особенности проведения примирительной процедуры, о которых будет сказано ниже.

Субъектный состав примирительной процедуры

Помимо сторон участниками гражданского процесса могут быть банки, например, при рассмотрении дел о разделе совместно нажитого имущества, приобретенного за счет кредитных средств под залог недвижимости (ипотека); органы опеки и попечительства и несовершеннолетние дети при рассмотрении споров о детях. В практике возникает вопрос о том, как указанные субъекты гражданского процесса участвуют в примирительных процедурах. Официальные разъяснения либо методические рекомендации по этому вопросу отсутствуют. Приведем несколько примеров из практики медиации в рамках Проекта.

Истец обратилась в суд с иском о разделе совместно нажитого имущества, в состав которого входила квартира, приобретенная с использованием целевого жилищного займа для военнослужащих. Просила суд отступить от принципа равенства долей супругов, передать квартиру ей. Требования обосновала тем, что квартира приобретена в браке, для покупки квартиры ею были внесены личные денежные средства в размере $^1/_3$ доли стоимости квартиры; после расторжения брака ребенок остался проживать с матерью, другого имущества для проживания с ребенком истец не имеет. Ответчик против удовлетворения иска возражал, ссылался на то, что квартира, приобретенная с использованием военной ипотеки, является его личным имуществом; оставшаяся часть стоимости квартиры в размере $^1/_3$ была внесена за счет общих средств супругов. Полагал, что доля бывшей супруги составляет $^1/_6$ доли, просил суд оставить квартиру за ним с выплатой компенсации. Учитывая обстоятельства дела, к участию в качестве третьих лиц были привлечены филиал ФГКУ «Росвоенипотека» и банк.

В результате медиации стороны договорились о том, что квартира остается за ответчиком, который продолжает выполнять обязательства, связанные с военной ипотекой. Истцу выплачивается согласованная денежная компенсация. Представители третьих лиц не принимали участия в медиации, права ФГКУ «Росвоенипотека» и банка не были затронуты достигнутым соглашением[8].

При утверждении медиативного соглашения в качестве мирового соглашения судом третьи лица должны быть уведомлены надлежащим образом, их неявка не может быть препятствием для утверждения медиативного соглашения и прекращения производства по делу на основании абз. 5 ст. 220 ГПК РФ.

В другой примирительной процедуре по спору о разделе ипотечной квартиры в качестве третьего лица в гражданском процессе участвовал банк. Ипотека была оформлена на супруга. В ходе медиации стороны в качестве приоритетного варианта рассматривали возможность оставить квартиру за бывшей супругой с выплатой денежной компенсации и переоформлением кредитного договора на нее. Реализация такого соглашения затрагивает интересы банка. Для проверки возможности исполнения договоренности в процедуре медиации был сделан перерыв. Стороны обратились в банк с запросом о возможности смены титульного заемщика в договоре, получили отказ. В результате в медиации было найдено иное решение – о досрочном погашении кредита и продаже квартиры. Представители банка не участвовали в медиации.

---

[8] Согласно соглашениям о проведении медиации, заключаемым участниками примирительных процедур, в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации носит конфиденциальный характер. Описание сути спора, особенностей проведения медиации и достигнутых договоренностей может использоваться медиатором в научных и образовательных целях, в том числе в научно-исследовательских публикациях, в обезличенном виде без возможности идентификации сторон и материалов судебного производства (оговорка о конфиденциальности процедуры медиации).

Предметом примирительной процедуры является конфликт (не правовой спор), а ее субъектами – непосредственные участники конфликтного взаимодействия. В семейных спорах конфликт возникает, как правило, между супругами. Как следствие, непосредственными участниками являются стороны судебного разбирательства. Необходимость привлечения иных субъектов будет определяться в каждом конкретном случае медиатором совместно с непосредственными участниками конфликта с учетом необходимости доверительного обсуждения, скорого и конструктивного урегулирования разногласий. Если вопрос носит локальный характер и может быть согласован за рамками встреч с медиатором, продуктивнее избрать такой подход.

Аналогичным образом решается вопрос с участием органов опеки и попечительства в примирительных процедурах: при необходимости заблаговременного получения разрешений встреча сторон с медиатором переносится для согласования условий медиативного соглашения. Если договоренность сторон носит типичный характер, медиативное соглашение предоставляется для ознакомления органам опеки и попечительства непосредственно перед судебным заседанием.

Примирительная процедура с участием несовершеннолетних детей

Определенные сложности при проведении примирительных процедур возникают при решении вопроса об участии несовершеннолетних детей. Согласно п. 3 ст. 65, ст. 57 СК РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении любого вопроса, затрагивающего его интересы, и рассчитывать на то, что это мнение будет учтено. В ходе рассмотрения спора о детях суд может опросить ребенка в судебном заседании. Общие правила проведения опроса раскрыты в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10[9]. Суд проводит опросы детей, достигших возраста 10 лет (ст. 57 СК РФ); дети младшего возраста, как правило, не опрашиваются; дети в возрасте 5–9 лет направляются на психологическую диагностику, в ходе которой психолог выявляет признаки большей привязанности ребенка к кому-либо из родителей и выясняет мнение ребенка, если ребенок психологически может сделать определенные выводы.

Закон о процедуре медиации и Регламент проведения судебного примирения не устанавливают правила участия несовершеннолетних детей в примирительной процедуре. В специальной литературе также нет единого мнения по данному вопросу. Некоторые авторы полагают, что участие ребенка в процедуре медиации является необходимостью[10]. В силу ч. 5 ст. 1 Закона о процедуре медиации медиация не может проводиться в случае, если затрагивает права и интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации. Из этого можно сделать вывод, что формально-юридически семейные споры о детях не могут быть предметом медиации. Вряд ли такой вывод будет верным. Родители обязаны действовать в интересах детей при решении семейных вопросов (ст. 65 СК РФ). Примирительная процедура может проводиться без присутствия ребенка. При этом медиатор в ходе обсуждения держит в фокусе внимания родителей интересы ребенка и сверяется с тем, как те или иные условия обсуждаемого соглашения обеспечивают потребности их общих несовершеннолетних детей. Таким образом, если в ходе примирительной процедуры дети не были поименованы в качестве участников процедуры и (или) медиатор или судебный примиритель не беседовали с ребенком, но тем не

---

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10] *Колотильщикова Е. В.* Ребенок в процедуре медиации: необходимость или помеха // Медиатор РФ : [сайт]. URL: https://медиатор.рф/society/rebenok-v-protsedure-mediatsii-neobkhodimost-ili-pomekha (дата обращения: 20.07.2025).

менее его интересы обеспечены условиями достигнутого соглашения, проведение примирительной процедуры и ее результаты будут легитимны.

Например, в районный суд было подано исковое заявление об определении места жительства детей с отцом. В обоснование своих требований истец ссылался на то, что проживает в квартире, которая принадлежит ему на праве собственности и в которой дети проживали с рождения, квартира является их домом; в отличие от ответчика (матери), он имеет регулярный доход; в близких отношениях с детьми. Мать детей не имеет самостоятельного заработка, проявляет легкомысленное поведение к семье, проживает на съемной квартире. В ходе судебного заседания сторонам было разъяснено право на проведение медиации, стороны относительно проведения примирительной процедуры не возражали. В ходе медиации было выяснено, что бывший супруг стремился восстановить семью и полагал, что при удовлетворении иска и определении места жительства детей с отцом бывшая супруга также будет вынуждена вернуться. Предметом обсуждения в медиации стали межличностные конфликты и отношения бывших супругов. Дети в обсуждении проблем взрослых не участвовали. В результате стороны приняли решение восстановить брачно-семейные отношения. В судебном процессе истец отказался от иска. Производство по делу было прекращено.

К сожалению, в медиативной практике более распространены случаи, когда дети оказываются втянуты в конфликт между взрослыми и используются бывшими супругами как средство влияния на противоположную сторону для решения своих финансовых задач либо в результате глубокой обиды и разочарования друг в друге. Непосредственное участие ребенка в урегулировании разногласий взрослых недопустимо. Участие несовершеннолетних детей в примирительной процедуре оправданно, если требуется восстановление детско-родительского взаимодействия, при этом родители искренне и добросовестно стремятся услышать своего ребенка и учитывать его мнение. Из 23 завершенных в рамках Проекта семейных споров о воспитании и содержании ребенка несовершеннолетние дети участвовали только в двух случаях.

Как указывалось, методика работы с детьми в примирительной процедуре не утверждена. В практике медиации используется *несколько форм работы с несовершеннолетними детьми*: 1) проведение индивидуальной встречи с ребенком в форме свободной или структурированной беседы; 2) участие ребенка в общей встрече наряду с родителями; 3) привлечение ребенка по итогам медиации для согласования результатов процедуры.

Работа медиатора или судебного примирителя с несовершеннолетним ребенком должна проводиться с соблюдением принципов примирительной процедуры на основе информированного согласия обоих родителей. В рамках Проекта сложилась практика, когда согласие родителей на общение медиатора с ребенком после проведения информационной встречи включается в текст соглашения о проведении процедуры медиации.

В действующем законодательстве не установлен возраст, с которого дети могут участвовать в медиации или судебном примирении. Возраст детей, принимавших участие в медиации в рамках Проекта, – 13 и 14 лет. На наш взгляд, допустимо привлечение детей и более младшего возраста, в том числе до 10 лет, при условии наличия у медиатора соответствующих знаний в области детской психологии и (или) педагогики, опыта работы с детьми. Базовые программы подготовки профессиональных медиаторов, как правило, не содержат специального модуля по детской и семейной психологии. Для работы с семейными конфликтами требуются дополнительное обучение и специализация как медиаторов, так и судебных примирителей.

Важным аспектом, требующим научного осмысления и регламентации, является предел действия *принципа конфиденциальности примирительных процедур* по семейным спорам с участием детей.

В рамках Проекта поступил запрос о проведении процедуры медиации по иску об определении места жительства ребенка. С исковым заявлением обратилась мать, заявление мотивировала тем, что согласно ранее вынесенному решению место жительства несовершеннолетней дочери 13 лет было установлено с отцом. В начале летних каникул дочь переехала к матери и на протяжении последнего учебного года проживала с ней, возвращаться к отцу не хочет. Родители проживают в разных городах. Отец против удовлетворения иска возражал, ссылался на то, что мать не осуществляет надлежащий контроль за ребенком: подросток предоставлен сам себе, имеет плохую успеваемость в школе, проживает в квартире сожителя матери. В свою очередь, отец имеет собственное жилье, гибкий рабочий график с возможностью дистанционной работы, сможет осуществлять лучший контроль, обучение и заботу о ребенке. Суд заслушал мнение ребенка: девочка поясняла, что хотела бы остаться проживать с мамой; с папой готова видеться по выходным. Суд разъяснил сторонам право на примирение, вынес определение о проведении примирительной процедуры.

В ходе медиации мать настаивала на привлечении ребенка в медиацию, отец возражал. В результате договорились о проведении индивидуальной встречи медиатора с ребенком в форме свободной беседы. Девочка выразила согласие, беседа с медиатором длилась 40 минут. В ходе беседы девочка рассказывала о своей жизни; с какими сложностями сталкивается, в чем ожидает помощи от родителей; что ей нравится в общении с родителями, а что хотелось бы изменить. По итогам беседы была достигнута договоренность, что результаты беседы будут обсуждены с родителями без участия ребенка. Совместно с медиатором был составлен перечень того, в чем девочка ожидает участия родителей, и доведен до сведения родителей в устной индивидуальной беседе с каждым из них.

Следует отметить, что составленный ребенком список оказался взвешенным и разумным, содержал весьма полезную и важную для родителей информацию. Из него следовало, что ребенок считает домом место, в котором проживает с матерью, и рассчитывает остаться там. Отец отказался продолжать обсуждение; заявил о давлении, оказанном на ребенка, настаивал на том, чтобы письменное изложение мнения ребенка было уничтожено. В результате отец прекратил переговоры. Мать, наоборот, настаивала на письменном изложении мнения ребенка для предоставления в суд.

Вместе с тем согласно ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ примирительные процедуры проводятся на основе принципа конфиденциальности. Никакая информация не может быть разглашена (ст. 5 Закона о процедуре медиации, ст. 6 Регламента судебного примирения). Реализация данного принципа в ходе проведения примирительной процедуры на этапе гражданского судопроизводства предполагает, в частности, что при отсутствии договоренности и возвращении сторон в суд никакие сведения ни в какой форме не могут использоваться в качестве доказательств, создавать преимущества для одной из сторон при рассмотрении и разрешении дела судом. Правила конфиденциальности и последствия завершения примирительной процедуры без заключения соглашения разъясняются сторонам для создания необходимого в переговорах доверия и открытости.

В описанном выше случае мнение ребенка было доведено до сведения родителей. Использование этой информации и принятие дальнейших решений является зоной их ответственности. Каждая из сторон вправе прекратить примирительную процедуру в любой момент на основании ст. 14 Закона о процедуре медиации. Медиация завершается при получении уведомления медиатора (ч. 4 ст. 14 Закона о процедуре медиации). Формально-юридически никакие дополнительные документы в рамках медиации не составляются, в суд полученные от ребенка сведения не передаются.

В рамках Проекта складывается практика направления в суд уведомления о прекращении процедуры медиации, которое приобщается к материалам дела. В таком уведомлении указываются факт поступления запроса в Проект, сроки проведения примирительной процеду-

ры, медиатор, количество проведенных встреч, основание прекращения примирительной процедуры, разъясняются правовые последствия прекращения медиации. Таким образом, в силу принципа конфиденциальности примирительной процедуры такое уведомление не содержит никакой информации по существу обсуждения, в том числе мнение ребенка.

Между тем семейное законодательство исходит из общих начал приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи. Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы (ст. 57 СК РФ); имеет право быть заслушанным в любом судебном и административном производстве. В статье 57 СК РФ нет указания на примирительные процедуры. Между тем примирительные процедуры являются законодательно закрепленными неюрисдикционными формами урегулирования споров, в том числе затрагивающих права и интересы детей. Право несовершеннолетнего ребенка на участие в примирительной процедуре и выражение своего мнения должно быть обеспечено государством. Как следствие, ст. 57 СК РФ требует корректировки.

Из пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» следует, что опрос несовершеннолетнего ребенка предполагает обстоятельную беседу в обстановке, исключающей влияние заинтересованных лиц, в присутствии педагога и с учетом мнения органов опеки и попечительства. Вряд ли атмосфера судебного разбирательства может в полной мере способствовать безопасному и комфортному выявлению мнения ребенка. Примирительная процедура в этом смысле является более приемлемой формой. Очевидно, что выражение мнения ребенка в рамках примирительной процедуры не может заменить опрос ребенка в ходе судебного заседания, иное противоречит действию принципа непосредственности судебного разбирательства. Тем не менее считаем, что мнение несовершеннолетнего ребенка, озвученное в рамках беседы с медиатором или судебным примирителем, имеет большое значение для вынесения судом правильного решения в интересах несовершеннолетнего. Выраженное в примирительной процедуре мнение ребенка следует учитывать, особенно в ситуациях, когда оно расходится с озвученным в судебном процессе либо ребенок не подлежит опросу в силу возраста.

После беседы с медиатором или судебным примирителем ребенок рассчитывает на то, что его пожелания и потребности будут услышаны родителями, а проделанная работа будет иметь эффект. В случаях, когда примирительная процедура завершилась без заключения соглашения, информацию о мнении ребенка, полученном в ходе индивидуальной беседы, следует доводить до сведения родителей в письменном виде с рекомендацией учесть при принятии дальнейших решений. При составлении уведомления для суда о прекращении примирительной процедуры полагаем возможным включить в него мнение ребенка. В данном случае действие принципа конфиденциальности будет ограничено с учетом необходимости защиты прав и интересов несовершеннолетних детей. Пределы и допустимые формы ограничений действия принципов конфиденциальности необходимо закрепить в законе.

Порядок проведения семейной медиации

За 5 лет работы в Проекте мы пришли к выводу, что процедурный рисунок медиации по судебному семейному спору имеет много *особенностей*.

Медиация проводится в определенной процедурной форме. В отличие от гражданско-процессуальной формы, для которой характерны нормативность, непререкаемость, системность и универсальность [2, с. 5], форма проведения примирительной процедуры отличается гибкостью и адаптивностью с учетом особенностей конфликта. В настоящее время нет установленных правил или методологии проведения семейной медиации. В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона о процедуре медиации порядок проведения процедуры медиации устанавливается

соглашением сторон, может быть установлен в правилах проведения процедуры медиации, утвержденных организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения медиации (ч. 3 ст. 11), либо по договоренности сторон может определяться медиатором самостоятельно (ч. 4 ст. 11). Стадии медиации в Законе о процедуре медиации не описаны. Стадии судебного примирения закреплены в Регламенте проведения судебного примирения и являются универсальными для всех категорий дел.

Анализ практики успешной медиации по семейным спорам позволил выявить ряд особенностей. Во всех случаях медиаторами проводилась индивидуальная работа со сторонами, при этом наиболее эффективными оказались судебные медиации, в которых индивидуальная работа проводилась до общей сессии со сторонами.

В результате был выработан алгоритм проведения судебной медиации по семейным спорам, который состоит из трех стадий. Каждая стадия представляет собой совокупность процедурных действий, объединенных единой целью и направленных на достижение результата, который может оформляться в виде письменного документа.

1. *Стадия организации проведения медиации.* Целью данной стадии является разрешение организационных вопросов, связанных с предстоящей процедурой. В рамках Проекта сложился следующий порядок работы. При согласии сторон на проведение медиации в ходе судебного разбирательства суд отбирает у них заявление о назначении примирительной процедуры, в котором указываются предмет спора и контактные данные сторон. На основании такого заявления суд выносит определение о проведении примирительной процедуры, которое направляется руководителю Проекта на адрес электронной почты вместе со сканированными копиями процессуальных документов, представленных сторонами (иска, встречного иска, возражений).

С момента получения запроса из суда начинается работа по организации проведения примирительной процедуры: назначается медиатор, который изучает документы и совершает необходимые процедурные действия для организации проведения медиации. В частности, медиатору необходимо: установить контакт со сторонами; определить круг лиц, участвующих в медиации; разъяснить суть и смысл работы в медиации (что такое медиация), порядок проведения медиации и правовые последствия примирительной процедуры и правила ее завершения; согласовать формат работы (личная встреча или дистанционный вариант).

Как правило, данная стадия проводится в форме телефонных звонков или информационных встреч индивидуально с каждой из сторон. Стадия завершается оформлением соглашения о проведении процедуры медиации. Подписанное соглашение вручается непосредственно каждому участнику (при личной встрече) или направляется посредством электронной почты.

2. *Стадия установочных встреч со сторонами.* Целью данной стадии является подготовка сторон к конструктивным переговорам. Установочная встреча проводится с каждым из участников в форме индивидуальной беседы продолжительностью до двух часов. В рамках установочной встречи медиатор предлагает изложить стороне, что произошло, проясняет ключевые разногласия, помогает проговорить эмоции и переживания, выявляет ключевые интересы. Основная задача медиатора – помочь стороне осознать и сформулировать ключевые моменты, которые ей действительно важно обсудить с другой стороной, чтобы прийти к соглашению; выбрать оптимальную стратегию и форму обсуждения согласно принципам медиации. Результатом такой работы является план проведения переговоров, который может быть составлен в письменной форме. Проведение установочных встреч позволяет значительно снизить уровень эмоционального напряжения в переговорах, а также сократить последующие сессии в рамках медиации и по объему затраченного времени, и по их количеству.

3. *Стадия переговоров*. После того как медиатор решит, что обе стороны готовы к переговорам, он согласовывает общую встречу. Целью данного этапа является организация обсуждения для поиска и согласования взаимоприемлемого решения. Медиатор открывает об-

щую встречу, предлагает сторонам изложить ситуацию согласно плану, установленному на встречах, организует обсуждение услышанного, помогает обозначить ключевые интересы и сформулировать общую задачу с учетом критериев, которым должна удовлетворять договоренность, рассмотреть варианты и прийти к консенсусу. Стадия переговоров может проводиться в форме совместных либо раздельных встреч и включать несколько сессий. Переговоры завершаются заключением медиативного соглашения и разработкой плана его реализации. В случае невозможности договориться медиатор прекращает примирительную процедуру по одному из оснований согласно ст. 14 Закона о процедуре медиации.

В настоящее время представленный алгоритм успешно проходит апробацию в рамках Проекта и может быть рекомендован для работы с семейными спорами на этапе судебного разбирательства.

Квалификация медиатора и судебного примирителя по семейным спорам

Рост количества запросов из судов о проведении медиации в 2025 г. приводит к увеличению количества обращений медиаторов за методической поддержкой. Большая часть вопросов касается процессуальных аспектов взаимодействия суда и медиаторов и составления итоговых соглашений. В результате обобщения опыта методической поддержки медиаторов Проекта сформулированы следующие положения:

• при работе с судебными делами медиатор должен иметь юридическое образование. Без юридического образования медиатору сложно оказать содействие в составлении медиативного соглашения, соответствующего нормам права, и проверить его исполнимость. Юридические консультанты (адвокаты, юристы, иные доверенные лица) сторон зачастую не участвуют в медиации либо сами не обладают достаточной компетенцией для грамотного оформления договоренностей сторон. Если медиатор не способен помочь сторонам в оформлении договоренностей, результаты его работы в примирительной процедуре могут быть сведены на нет. Чем качественнее составлено медиативное соглашение, тем больше шансов, что мировое соглашение будет утверждено в кратчайшие сроки без изменения судом, что ведет к снижению судебной нагрузки. Следует уточнить установленные в законе требования к медиаторам по судебным делам, закрепив необходимость иметь квалификацию юриста;

• при работе с семейными делами важна специализация в области семейной и детской психологии. Базовые программы подготовки профессиональных медиаторов не содержат таких блоков. Для эффективной работы в семейных конфликтах и с несовершеннолетними детьми необходимы прохождение дополнительного обучения либо наличие квалификации психолога, детского психолога.

Многолетний опыт сопровождения медиаторов в рамках Проекта показал, что медиаторы становятся эффективнее, если сосредоточиваются на спорах определенной категории. Они нарабатывают опыт, подробно ознакомлены с законодательством, регулирующим данные правоотношения, а главное – с актуальной судебной практикой и хорошо владеют алгоритмом работы в медиации по определенной категории споров. Многие медиаторы Проекта выбрали специализацию и берут в работу соответствующие категории споров. Выявленная тенденция представляется закономерной и правильной, требующей поддержки в аспекте дифференциации программ обучения и разработки профессиональных стандартов деятельности с учетом специализации.

Заключение

1. Необходимо развитие семейной медиации в качестве досудебной и внесудебной практики. Профилактика и раннее содействие в урегулировании семейных споров в большей степени будут отвечать задачам укрепления института семьи. Учитывая, что на этапе судебного

разбирательства семейные споры имеют долгую историю развития, возбуждение судопроизводства может обострить семейный конфликт, что снижает эффективность примирительных процедур.

Таким образом, на этапе судебного разбирательства в гражданском процессуальном законодательстве следует закрепить право суда назначать проведение примирительной процедуры по семейным спорам в обязательном порядке, если стороны не использовали медиацию до обращения в суд.

2. Для повышения результативности примирительных процедур по семейным спорам на этапе судебного разбирательства рекомендуется проводить установочные встречи медиатора с участниками процедуры для подготовки сторон к предстоящим переговорам. Компетентным органам следует разработать и принять методические рекомендации и стандарты работы семейных медиаторов, отражающие специфику порядка проведения семейной медиации, в том числе методику работы в медиации с несовершеннолетними детьми. Аналогичные рекомендации необходимы и для судебных примирителей. В этой части Регламент судебного примирения может быть расширен соответствующим разделом, отражающим специфику работы с семейными спорами на этапе судебного разбирательства.

3. Проведение примирительной процедуры по семейному спору требует специальной подготовки. Помимо знаний и навыков в области урегулирования споров, медиатору следует иметь квалификацию в области семейной и детской психологии, а при проведении медиации на этапе судебного разбирательства – в области юриспруденции либо получить дополнительное образование по семейной судебной медиации. Программы повышения квалификации в области судебной семейной медиации должны в обязательном порядке содержать образовательные модули по основам психологии, в том числе детской психологии, семейному и гражданскому процессуальному праву. В статье 16 Закона о процедуре медиации целесообразно дополнить перечень требований к образованию медиатора по семейным спорам. Судьям в отставке, включенным в списки медиаторов, и судебным примирителям следует также рекомендовать проходить специальное обучение в области семейной медиации.

4. Защита интересов несовершеннолетних детей при рассмотрении семейного спора в суде является безусловным приоритетом. Ребенок имеет право быть заслушанным, а мнение ребенка должно учитываться не только в рамках юрисдикционных форм защиты нарушенных прав, но и при проведении примирительных процедур. Соответствующие изменения необходимо внести в ст. 57 СК РФ. В случае проведения семейной медиации с участием несовершеннолетнего ребенка при завершении примирительной процедуры без договоренности сторон мнение ребенка должно быть доведено не только до родителей, но и до суда в письменном виде. Соответствующее ограничение действия принципа конфиденциальности примирительной процедуры необходимо отразить в ст. 5 Закона о процедуре медиации и ст. 6 Регламента судебного примирения.

Список источников

1. Глазл Ф. Конфликт-менеджмент: настольная книга руководителя и консультанта / пер. с нем. Б. Г. Деева, Н. П. Банзелюка. Калуга : Духовное познание, 2002. 516 с.

2. Комиссаров К. И. Последовательно прогрессивное развитие советского гражданского процессуального права // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : СЮИ, 1982. С. 3–7.

References

1. Glasl, F. *Conflict management: a handbook for managers and consultants*. Transl. from Germ. by B. G. Deev, N. P. Banzelyuk. Kaluga: Dukhovnoe poznanie; 2002. 516 p. (In Russ.)

2. Komissarov, K. I. Consistently progressive development of Soviet civil procedural law. *Problems of action and improvement of Soviet civil procedural legislation*. Interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute; 1982. P. 3–7. (In Russ.)

Информация об авторах

С. И. Первухина **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, руководитель Научно-практического проекта «Примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве»;

М. А. Гаврикова **–** федеральный судья.

Information about the authors

S. I. Pervukhina – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Civil and Administrative Proceedings Department, Head of the Scientific and Practical Project “Conciliation Procedures in Civil and Administrative Proceedings”;

M. A. Gavrikova **–** Federal Judge.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 12.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 84–95
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 84–95
УДК 343.7 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.84-95

Научная статья

Общественная опасность преступлений против собственности: законодательный и правоприменительный аспекты

Денис Александрович Гарбатович
Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск, Российская Федерация,
garbatovich@mail.ru

Аннотация. В статье на основе доктринальных подходов к пониманию признака общественной опасности преступления рассмотрен вопрос о соответствии главы 21 УК РФ и судебной практики критериям общественной опасности преступлений против собственности.
Цель исследования: разработать предложения по совершенствованию норм уголовного закона о преступлениях против собственности и по квалификации данных преступных деяний в соответствии с критериями их общественной опасности. Задачи исследования: 1) анализ доктринальных подходов к пониманию признака «общественная опасность преступления»; 2) оценка соответствия законодательных конструкций преступлений против собственности критериям их общественной опасности; 3) выявление используемых в судебной практике критериев, влияющих на степень общественной опасности преступлений против собственности.
Сформулирован ряд выводов. Так, экономический размер имущественного ущерба не является единственным критерием общественной опасности преступлений против собственности. С учетом снижения потребительской стоимости рубля предлагается повысить критерий отграничения уголовно наказуемого хищения от мелкого хищения до пяти тысяч рублей, а размер значительного ущерба гражданину – до десяти тысяч рублей.
Необходимы периодические изменения границ таких криминообразующих и квалифицирующих признаков преступлений против собственности, как «крупный» и «особо крупный» размер, в зависимости от уровня инфляции и снижения потребительской стоимости рубля, например, при снижении стоимости рубля в два раза по отношению к тому периоду, когда соответствующие размеры были установлены законодателем.
Если размер имущественного ущерба не превышает десяти тысяч рублей, автор предлагает в правоприменительной деятельности обязательно рассматривать вопрос о возможности признания деяния, содержащего все признаки состава преступления, малозначительным.

Ключевые слова: преступления против собственности, общественная опасность преступления, малозначительность деяния, криминализация

Для цитирования: Гарбатович Д. А. Общественная опасность преступлений против собственности: законодательный и правоприменительный аспекты // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 84–95. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.84-95.

© Гарбатович Д. А., 2026

Original article

Social Danger of Crimes Against Property: Legislative and Law Enforcement Aspects

Denis A. Garbatovich

Ural Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russian Federation, garbatovich@mail.ru

Abstract. Problem statement: the article, based on doctrinal approaches to understanding the sign of social danger of a crime, examines the issue of compliance of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation and judicial practice with the criteria of social danger of crimes against property.
The purpose of the study is to develop proposals for improving the norms of the criminal law on crimes against property and for the qualification of relevant criminal acts in accordance with the criteria of their social danger. Objectives of the study: 1) analysis of doctrinal approaches to understanding the sign of social danger of a crime; 2) to assess the compliance of legislative structures of crimes against property with the criteria of their social danger; 3) to identify the criteria used in judicial practice that influence the degree of social danger of crimes against property.
Conclusions. The economic size of property damage is not the only criterion for the social danger of crimes against property. Taking into account the decrease in the consumer value of the ruble, it is proposed to increase the criterion for distinguishing criminally punishable theft from petty theft to five thousand rubles, and the amount of significant damage to a citizen – to ten thousand rubles.
Periodic changes in the boundaries of such crime-forming and qualifying features of crimes against property as “large” and “especially large” size are necessary, depending on the level of inflation and a decrease in the consumer value of the ruble, for example, when the value of the ruble is reduced by half in relation to the period when the corresponding sizes were established by the legislator.
If the amount of property damage does not exceed ten thousand rubles, the author proposes to necessarily consider in law enforcement activities the issue of the possibility of recognizing an act containing all the elements of a crime as insignificant.

Keywords: crimes against property, social danger of a crime, insignificance of an act, criminalization

For citation: Garbatovich, D. A. Social danger of crimes against property: legislative and law enforcement aspects. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(2):84-95. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.84-95.

Решение концептуального вопроса о том, в чем заключается (чем определяется, в чем выражается, от чего меняется, зависит) общественная опасность преступлений против собственности, имеет важнейшее теоретическое и практическое значение. Законодатель, правильно понимая общественную опасность обозначенной группы преступлений, способен эффективно и своевременно использовать процессы криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации. Правоприменитель, обладая умением правильной оценки общественной опасности преступлений против собственности, способен правильно осуществлять квалификацию исследуемых преступных деяний, решать вопрос о признании соответствующего уголовно-правового деяния в качестве малозначительного.

В доктрине уголовного права имеется устоявшийся тезис о том, что общественная опасность преступления характеризуется его объективными признаками (объектом преступления, причинением существенного вреда или угрозой возможностью его причинения)[1]. Последствием преступлений против собственности является имущественный вред, ущерб, причиненный собственнику или иному законному владельцу. С учетом того факта, что предметом преступлений против собственности является имущество, обладающее экономическим признаком (экономическим свойством стоимости) [1, с. 132–135], считается, что именно экономическая стоимость как объективный показатель ущерба является неким критерием обще-

[1] Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М. : КноРус, 1997. С. 127.

ственной опасности преступлений против собственности [2, с. 6–9]. Соответственно, чем больший вред с позиции экономической стоимости причиняется собственнику, его имуществу, тем выше общественная опасность совершенного преступления. Нужно отметить, что в доктрине уголовного права имеется иная точка зрения относительно экономического признака предмета преступления. В частности, В. В. Хилюта отмечает, что стоимость вещи, ее цена не равнозначны ценности вещи для самого собственника (законного владельца) с учетом его субъективного отношения к ней, изъятие определенной вещи у собственника может влечь более серьезные для него моральные страдания, чем переживания из-за причиненного ему экономического имущественного ущерба [3, с. 132–138], соответственно, общественная опасность преступлений против собственности выражается в объективно-субъективных показателях ущерба. Например, Д. А. Шестаков, предлагая криминологическое определение преступления, не использует термин «общественная опасность», а заменяет его словом «зло», которое охватывает связку объективного вреда и субъективное отношение к нему (степень виновности) [4, с. 14–15].

Результаты

Законодательный аспект. Если отталкиваться от господствующей отечественной концепции уголовного права, согласно которой экономический признак предмета преступления против собственности является главенствующим по сравнению с субъективным отношением собственника к потере вещи (при ее незаконном изъятии, уничтожении или повреждении), то на повестке дня остается решение следующего вопроса: является ли размер причиняемого ущерба единственным критерием общественной опасности преступлений против собственности, или она может зависеть от каких-либо еще иных признаков?

Во-первых, право собственности как охраняемый уголовным законом объект претерпевает изменения, последствием чего является имущественный ущерб. Одним из критериев отграничения кражи (ст. 158 УК РФ), мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), присвоения или растраты чужого имущества (ст. 160 УК РФ) от мелкого хищения (ст. 7.27 КоАП РФ) является размер причиняемого ущерба.

Во-вторых, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167, 168 УК РФ) являются преступными исключительно в зависимости от установленного законодателем размера причиненного ущерба.

В-третьих, размер причиненного ущерба учитывается при конструировании квалифицирующих признаков (например, ст. 158, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160 УК РФ и т. д.).

Вместе с тем, анализируя главу 21 УК РФ «Преступления против собственности», а именно используемые законодателем криминообразующие признаки при конструировании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против собственности, несложно прийти к выводу о том, что размер причиненного ущерба хотя и является одним из важнейших показателей общественной опасности исследуемой группы преступлений, но не является единственным.

Во-первых, часть преступлений являются преступными независимо от размера причиняемого ущерба: их общественная опасность предопределяется способом совершения преступного деяния (например, открытое хищение, с насилием или угрозой применения насилия). Следовательно, общественная опасность указанных преступлений в первую очередь заключается в способе их совершения, а уже в дальнейшем и в размере причиненного ущерба.

Во-вторых, самостоятельным критерием отграничения кражи, мошенничества, присвоения или растраты от мелкого хищения является отсутствие квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 158–160 УК РФ. В данном случае как не вспомнить квалифицирующий

признак кражи, когда похищаются денежные средства с банковского счета (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ)? Опасность данного деяния, по мнению законодателя, заключается в особом статусе предмета преступления (бестелесное имущество) и способе его совершения (например, использование похищенной или найденной банковской карты).

В основу криминализации такого деяния, как мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ), законодателем положен не экономический размер причиненного ущерба, а статус лица, которое повторно совершает мелкое хищение. Именно так называемая административная судимость лица, по мнению законодателя, является главным показателем общественной опасности данного преступления [5, с. 30].

Общественная опасность хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), заключается не в размере причиненного данным деянием ущерба, не в способе совершения указанного преступления, а в утрате имущества, обладающего ценностью для национального достояния России.

Итак, есть часть преступлений против собственности, общественная опасность которых действительно заключается в том, что их совершением причиняется ущерб собственнику или иному владельцу, который оценивается исключительно с экономической точки зрения. Есть также преступления против собственности, которые, по мнению законодателя, являются общественно опасными не только потому, что их совершением причиняется ущерб собственности, а в первую очередь потому, что они совершаются: 1) определенными способом; 2) особым субъектом; 3) в отношении имущества, экономический признак которого присутствует, но не является главным для определенных составов преступлений (ст. 164, 165 УК РФ).

Рассмотрим некоторые перспективы совершенствования уголовного законодательства о преступлениях против собственности. В первую очередь эти перспективы касаются тех преступлений, общественная опасность которых заключается именно в размере причиняемого собственнику или иному владельцу ущерба с позиции экономической стоимости предмета преступления. Речь идет о преступлениях, у которых одним из критериев отграничения от мелкого хищения является размер причиненного ущерба, сумма похищенного (ст. 158–160 УК РФ), а также о преступлениях, при конструировании которых законодателем были использованы такие квалифицирующие признаки, как значительный ущерб гражданину, крупный и особо крупный размер.

Проблема актуальности современных конструкций данных составов преступлений заключается в том, что реальная стоимость денег со временем падает. Общественная опасность деяния, последствием которого является ущерб, выраженный в стоимости рубля, – это не константа, она постоянно изменяется, соответственно, то, что раньше считалось однозначно общественно опасным, сегодня таковым может и не быть, а оцениваться, например, в качестве общественно вредного, т. е. не достигающего того уровня общественной опасности, который свойственен именно преступному деянию.

Проанализируем некоторые изменения главы 21 УК РФ, которые касались так называемых размерных признаков основных и квалифицирующих составов преступлений против собственности.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ[2] были установлены границы криминообразующих и квалифицирующих признаков статей главы 21 УК РФ, в частности, крупным размером стала признаваться стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – один миллион рублей.

---

[2] Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ[3] был изменен критерий отграничения мелкого хищения (ст. 7.27 КоАП РФ) от уголовно наказуемых хищений (ст. 158–160 УК РФ) – с одной тысячи рублей до двух тысяч пятисот рублей.

Для проверки актуальности установленных обозначенных размеров необходимо оценить уровень инфляции в России и изменение потребительской способности (ценности).

В ноябре 2024 г. уровень инфляции по отношению к декабрю 2003 г. (время, когда были внесены изменения в УК РФ Федеральным законом № 162-ФЗ) составлял 431,76%, потребительская способность (ценность) рубля (при расчете в отношении одной тысячи рублей) в ноябре 2024 г. относительно декабря 2003 г. составила 5317,56 руб. Потребительская ценность рубля в 2024 г. относительно 2003 г. снизилась в 5,3 раза.

В ноябре 2024 г. уровень инфляции по отношению к июлю 2016 г. (время, когда были внесены изменения в УК РФ Федеральным законом № 326-ФЗ) составил 66,04%, потребительская способность (ценность) рубля (при расчете в отношении одной тысячи рублей) в ноябре 2024 г. относительно июля 2016 г. составила 1660,45 руб.[4] Потребительская ценность рубля в 2024 г. относительно 2016 г. снизилась в 1,6 раза.

Необходимо помнить, что норма уголовного закона, устанавливающая уголовную ответственность за совершение преступлений, выполняет охранительную функцию уголовного права. Одним из условий эффективности выполнения указанной функции является условие социальной обусловленности нормы, которая должна соответствовать сложившейся в стране социально-экономической обстановке [6, с. 119–120].

Законодателем при конструировании составов преступлений используются определенные криминообразующие признаки, которые представляют собой обстоятельства, отражающие в концентрированном виде общественную опасность деяния и свидетельствующие о необходимости введения уголовно-правового запрета [7, с. 128]. Нормы уголовного закона, закрепляющие квалифицирующие признаки составов преступлений, которые предусматривают повышенную ответственность за совершение преступных деяний против собственности в крупном и особо крупном размерах, не соответствуют современной социально-экономической обстановке в стране по причине существенного снижения потребительской стоимости рубля относительно того периода времени, когда эти признаки были установлены.

Способом устранения обозначенного недостатка является периодическое изменение границ таких криминообразующих и квалифицирующих признаков преступлений против собственности, как «крупный» и «особо крупный» размеры, в зависимости от уровня инфляции и снижении потребительской стоимости рубля, например, при снижении стоимости рубля в два раза по отношению к тому периоду, когда соответствующие размеры законодателем были установлены.

Не столь острым, но тем не менее важным остается вопрос об актуальности одного из критериев отграничения уголовно наказуемых хищений, предусмотренных ст. 158–160 УК РФ, от мелкого хищения (ст. 7.27 КоАП РФ). Речь идет о сумме ущерба в две тысячи пятьсот рублей. Спорной представляется и существующая граница квалифицирующего признака хищений в пять тысяч рублей, характеризующая значительный ущерб гражданину.

---

[3] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4259.

[4] Калькуляторы инфляции в России. URL: https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-calculators?dateBack=2003-12-1&dateTo=2024-11-1&amount=1000 (дата обращения: 14.01.2025).

С учетом снижения потребительской стоимости рубля относительно тех периодов, когда были установлены соответствующие размеры, полагаю, настало время обсуждать изменения уголовного и административного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение хищений. Считаю обоснованным повысить критерий отграничения уголовно наказуемого хищения от мелкого хищения до пяти тысячи рублей, а размер значительного ущерба гражданину – до десяти тысячи рублей.

Правоприменительный аспект. Про общественную опасность преступлений против собственности, впрочем, как и про общественную опасность любых преступлений, можно говорить только при условии, что в совершенном деянии имеются все признаки состава преступления [8, с. 767–770; 9, с. 78]. Если какой-либо из признаков состава отсутствует, то в крайнем случае можно вести речь об общественной вредности деяния, но не общественной опасности преступления против собственности. А. Н. Трайнин объяснял, что деяние, содержащее все признаки состава преступления, не может не быть общественно опасным, поэтому «доказательство наличия в действиях виновного всех элементов предусмотренного законом состава, по общему правилу, и есть доказательство общественной опасности, противоправности этого действия и его наказуемости» [10, с. 33–34]. При этом важно также оценивать степень выраженности признаков состава преступления в совершенном деянии [11, с. 95].

Иногда на практике совершаются ошибки при квалификации преступлений против собственности по причине того, что правоприменитель максимальным образом акцентирует свое внимание на объективных признаках совершенного деяния (причиненном имущественном вреде или угрозе причинения такого вреда), не устанавливая и не доказывая при этом субъективные признаки соответствующего состава преступления.

Так, К. была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ. По делу было установлено, что К., находясь в супермаркете, положила в сумку товары и, не оплатив их, вышла из магазина, причинив магазину материальный ущерб на сумму 3049 руб. Судами первой, апелляционной и кассационной инстанций не было учтено, что К. перенесла тяжелую коронавирусную инфекцию, последствием которой стало ее плохое самочувствие, рассеянность, вследствие чего К. забыла оплатить покупку товаров в магазине. Субъективная сторона в виде прямого умысла на совершение вмененного ей преступления у К. отсутствовала. Уголовное дело в отношении К. было прекращено за отсутствием состава преступления[5].

Иной пример, когда по делу не была установлена корыстная цель. Так, Т. был осужден по ч. 4 ст. 160 УК РФ. По делу было установлено, что Т., являясь опекуном недееспособной Г., израсходовал вверенные ему денежные средства на общую сумму 1 244 690,30 руб., которые должны были тратиться исключительно в интересах Г. Суды не приняли во внимание, что деньги были потрачены на благоустройство жилья, в котором проживала Г., на приобретение автомобиля, который использовался для перевозки Г., на совместный отдых с Г. и т. д. В деле отсутствовали доказательства, что какие-либо денежные средства осужденным были обращены в свою пользу. Дело было направлено на новое судебное рассмотрение[6].

Тем не менее даже при наличии в совершенном деянии всех признаков состава преступления, в частности преступлений против собственности, нельзя автоматически делать вывод о наличии общественно опасного деяния.

---

[5] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2024 г. по делу № 31-УД23-19-К6. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[6] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2024 г. по делу № 3-УД24-9-К3.

Проблема заключается в том, что нередко правоприменитель, решая вопрос о наличии в том или ином случае оснований уголовной ответственности, основывается только на буквальном толковании ст. 8 УК РФ, которая на самом деле с позиции системного толкования уголовного закона должна применяться только в совокупности с ч. 2 ст. 14 УК РФ, закрепляющей понятие малозначительного деяния.

Вывод правоприменителя о наличии оснований уголовной ответственности предполагает последовательное решение двух вопросов: 1) имеются ли в совершенном деянии все признаки конкретного состава преступления; 2) является ли совершенное деяние общественно опасным [12]. Так, А. В. Иванчин доказывает, что «общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение признака уголовной противоправности» [13, с. 10].

Конституционный Суд Российской Федерации не раз разъяснял, что требование о необходимости, соразмерности и справедливости ограничения прав и свобод человека и гражданина адресовано не только законодателю, но и правоприменителю. Вводимые законодателем меры уголовной ответственности, как и их реализация в правоприменительной деятельности, не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК РФ, но не представляющие того минимума опасности, который является необходимым свойством преступления, либо представляющие опасность в столь малой степени, что восстановление нарушенных общественных отношений, социальной справедливости может быть обеспечено и при освобождении от уголовной ответственности или от наказания. Выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование. Приведенная правовая позиция имеет общий характер, а потому реализация положений статей Особенной части УК РФ должна производиться на основе объективной и всесторонней оценки судом установленных по делу обстоятельств содеянного, личности правонарушителя, степени его вины в совершении инкриминируемого деяния и иных имеющих значение для правильного разрешения конкретного дела фактов, в том числе уменьшающих общественную опасность преступления до такого уровня, который позволяет освободить лицо, принимая во внимание, в частности, его поведение, наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств, от уголовной ответственности или от наказания либо признать это деяние малозначительным[7].

На основании изложенного не бесспорным является суждение В. Н. Винокурова, согласно которому совершенное деяние является общественно опасным, когда оно содержит все признаки состава преступления, поэтому отдельно в приговорах не нужно указывать, в чем конкретно выражается его общественная опасность, общественная опасность этого деяния всегда должна презюмироваться [14].

Обозначенный тезис приемлем только при абсолютно идеальной уголовной политике, которая осуществляется с соблюдением всех юридико-криминологических, социально-экономических, социально-психологических оснований и критериев криминализации (декриминализации) [15, с. 48–101]. Современные исследователи, наоборот, нередко отмечают сверхкриминализацию существующей уголовной политики [15, с. 236], когда некие деяния признаются преступными при отсутствии соответствующей общественной опасности, свойственной именно преступному посягательству [7, с. 108–112; 16, с. 449–450; 17, с. 8].

---

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Деменьшиной» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10. Ст. 1415.

На сегодняшний день правоприменитель обладает множеством альтернативных реакций на факт совершения деяния, предусмотренного нормами Особенной части УК РФ, например признать деяние малозначительным, освободить от уголовной ответственности, освободить от наказания, назначить условное осуждение, применить реальное отбывание наказания.

Уголовный закон с позиции принципа экономии уголовной репрессии требует от правоприменителя гибкости мышления в решении вопроса о формах реализации уголовной ответственности. Особенность объекта преступлений против собственности такова, что не все противоправные посягательства на собственность по сравнению с посягательствами на жизнь, например, являются однозначно общественно опасными. Поэтому перед правоприменителем ставится непростая задача относительно того, *что* конкретно необходимо оценивать, чтобы прийти к выводу о наличии или отсутствии общественной опасности у деяния, формально содержащего все признаки состава преступления.

Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что правоприменителем должна обеспечиваться адекватная оценка степени общественной опасности деяния, зависящая от конкретных обстоятельств содеянного (размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельств, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ)[8].

Например, Б. была осуждена по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ. По делу было установлено, что Б., находясь в гипермаркете, положила товары в свою сумку на общую стоимость 3642 руб. 15 коп. и, не оплачивая их, пересекла линию торговых касс. Она была задержана сотрудниками охраны гипермаркета, товары в этот же день возвращены на место. Верховный Суд Российской Федерации указал, что размер потенциального ущерба гипермаркету со стороны пенсионера Б. с соответствующим товарооборотом и прибылью, отсутствие как такового причиненного материального ущерба ввиду возврата товара, а также отсутствие наступления каких-либо негативных последствий для названной организации не позволяют сделать вывод о том, что действия Б. обладают достаточными признаками общественной опасности, дающими основания признать их преступлением[9].

Правоприменитель должен доказать, что оцениваемые действия (бездействие) являются общественно опасными, что ими был причинен существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям [18, с. 227], вопрос о возможном применении ч. 2 ст. 14 УК РФ должен в обязательном порядке обсуждаться по каждому делу, поступившему в суд[10].

Так, Н. была осуждена по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. По делу было установлено, что своими действиями она причинила Федеральному бюджету России имущественный ущерб в размере 5182,80 руб. Верховный Суд России указал, что в материалах дела отсутствуют доказательства того, что содеянное Н. причинило существенный вред Федеральному бюджету Российской Федерации, что позволяет сделать вывод о том, что квалифицируемое деяние является малозначительным[11].

---

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 г. № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации».

[9] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2023 г., дело № 41-УД23-11-К4.

[10] *Пудовочкин Ю. Е.* Оценка судом общественной опасности преступления : науч.-практ. пособие. М. : РГУП, 2019. С. 77.

[11] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2023 г., дело № 81-УД23-21-К8.

Верховный Суд России, отменяя обвинительные приговоры за отсутствием состава преступления ввиду его малозначительности, требует от судей, чтобы они при рассмотрении уголовных дел обязательно обсуждали вопрос о признании деяния малозначительным, чтобы эта оценка должным образом была отражена в приговоре[12].

Так, С. была осуждена по ч. 1 ст. 159 УК РФ. С., будучи сотрудником АЗС, потребовала от клиента автозаправки 5300 руб. в качестве возмещения имущественного ущерба, причиненного им посредством повреждения малого раздаточного крана. Данную сумму клиент перечислил на банковский счет С., которая указанные денежные средства истратила на свои личные нужды.

Верховный Суд Российской Федерации, оценивая обстоятельства содеянного, указал, что судами в приговоре не был отражен вопрос о рассмотрении деяния в качестве малозначительного. В приговоре отсутствовали доказательства, что деяние причинило существенной ущерб. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления ввиду его малозначительности[13].

Полагаю, что для единообразия судебной практики необходимо определить некую примерную максимальную границу причиняемого имущественного ущерба, когда правоприменителю целесообразно обсуждать вопрос о признании деяния в качестве малозначительного, разумеется, при совокупном учете иных фактических обстоятельств дела. Данная граница имущественного ущерба может быть обозначена в качестве рекомендаций в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных уголовным делам о краже, грабеже, разбое, мошенничестве, присвоении и растрате. В качестве рекомендации предлагается граница в десять тысяч рублей. Эта сумма причиненного ущерба проходила по одному из уголовных дел, и Верховный Суд России признал ущерб малозначительным.

Так, по делу было установлено, что Ф., являясь должностным лицом, представила в муниципальную образовательную организацию (школу), в которой училась ее дочь, ложные справки о доходах семьи, на основании которых ее дочь получила право на бесплатное питание в школьной столовой. Тем самым Ф. своими действиями причинила республиканскому бюджету Министерства образования материальный ущерб в размере 10 066 руб. 24 коп.

Верховный Суд России дело прекратил ввиду малозначительности совершенного деяния[14].

Как ни парадоксально звучит, но на снижение общественной опасности влияют не только предыдущее поведение лица (например, совершение им ранее мелкого хищения, за которое оно привлекалось к административной ответственности), но и будущее, т. е. посткриминальное деяние (например, возмещение в полном объеме причиненного ущерба, добровольное устранение последствий содеянного), что уже учитывается в правоприменительной практике[15].

---

[12] См., например, Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2023 г., дело № 41-УД23-11-К4, Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г., дело № 39-УД23-2-К1.

[13] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г., дело № 83-УД23-10-К1.

[14] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12. 2020) (Определение № 15-УДП20-7-К1).

[15] См., например, Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г., дело № 39-УД23-2-К1, Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г., дело № 83-УД23-10-К1.

Заключение

При квалификации противоправных деяний против собственности в качестве общественно опасных или малозначительных необходимо учитывать: 1) объективные и субъективные признаки совершенного деяния (основной объект, наличие дополнительных и факультативных объектов, размер имущественного ущерба, средства, способ, обстановку совершения преступления, степень реализации преступного намерения, вид умысла (конкретизированный, неопределенный)[16]; 2) личность лица; 3) поведение лица, включая посткриминальное.

Экономический размер имущественного ущерба не является единственным критерием общественной опасности преступлений против собственности.

С учетом снижения потребительской стоимости рубля предлагается повысить критерий отграничения уголовно наказуемого хищения от мелкого хищения до пяти тысяч рублей, а размер значительного ущерба гражданину – до десяти тысяч рублей.

Нормы уголовного закона, закрепляющие квалифицирующие признаки составов преступлений, которые предусматривают повышенную ответственность за совершение преступных деяний против собственности в крупном и особо крупном размерах, не соответствуют современной социально-экономической обстановке в стране по причине существенного снижения потребительской стоимости рубля относительно того периода времени, когда эти признаки были установлены.

Способом устранения обозначенного недостатка являются периодические изменения границ таких криминообразующих и квалифицирующих признаков преступлений против собственности, как «крупный» и «особо крупный» размеры, в зависимости от уровня инфляции и снижения потребительской стоимости рубля, например, при снижении стоимости рубля в два раза по отношению к тому периоду, когда соответствующие размеры законодателем были установлены.

Если размер имущественного ущерба не превышает десяти тысяч рублей, автором предлагается обязательно в правоприменительной деятельности рассматривать вопрос о возможности признания деяния, содержащего признаки состава преступления, малозначительным.

Список источников

1. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 775 с.

2. Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования : моногр. / под ред. Л. М. Прозументова. М. : Юрлитинформ, 2022. 312 с.

3. Хилюта В. В. Хищение: системный кризис института и проблемы квалификации : моногр. М. : Юрлитинформ, 2021. 424 с.

4. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. 75 с.

5. Жилкин М. Г. Криминализация деяний с административной преюдицией: роль общественной опасности и критерии уголовной ответственности // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Рос. конгр. уголов. права (Москва, 30–31 мая 2024 г.) / ред. В. В. Александрова. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 29–33.

6. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 198 с.

7. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 608 с.

8. Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 819 с.

9. Мирошниченко Д. В. Структура общественной опасности деяния // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Рос. конгр. уголов. права (30–31 мая 2024 г.). М. : Юрлитинформ, 2024. С. 77–80.

[16] См.: [19, с. 43–46]. См. также: *Сабитов Р. А.* Теория и практика уголовно-правовой квалификации : науч.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 456–458.

10. Трайнин А. Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 898 с.

11. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юристъ, 2001. 304 с.

12. Гарбатович Д. А. Общественная опасность и состав преступления // Российский судья. 2019. № 10. С. 9–12.

13. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 42 с.

14. Винокуров В. Н. Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 120–131.

15. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 352 с.

16. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве : моногр. М. : Юрлитинформ, 2014. 648 с.

17. Иванов Н. Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях. М. : Юрлитинформ, 2019. 176 с.

18. Жалинский А. Э. Избранный труды : в 4 т. Т. 2 : Уголовное право / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, Н. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 998 с.

19. Иванов Н. Г. Малозначительное деяние // Уголовное право. 2024. № 12. С. 39–47.

References

1. Boytsov, A. I. *Crimes against ownership.* St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2002. 775 p. (In Russ.)

2. Arkhipov, A. V. *Legislation on criminal liability for theft in Russia: problems of law enforcement and conceptual foundations of reform*. Monograph. Ed. L. M. Prozumentov. Moscow: Yurlitinform; 2022. 312 p. (In Russ.)

3. Khilyuta, V. V. *Theft: systemic crisis of the institute and problems of qualification.* Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2021. 424 p. (In Russ.)

4. Shestakov, D. A. *Introduction to the criminology of law.* St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2011. 75 p. (In Russ.)

5. Zhilkin, M. G. Criminalization of acts with administrative prejudice: the role of social danger and criteria of criminal liability. In: V. V. Alexandrova, ed. *Social danger in criminal, criminal-executive law and criminology*. Materials of the XIV Russian Congress of Criminal Law (Moscow, 30–31 May 2024). Moscow: Yurlitinform; 2024. Pp. 29–33. (In Russ.)

6. Filimonov, V. D. *Protective function of criminal law.* St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2003. 198 p. (In Russ.)

7. Lopashenko, N. A. *Criminal policy*. Moscow: Wolters Kluwer; 2009. 608 p. (In Russ.)

8. Kozlov, A. P. *The concept of crime.* St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2004. 819 p. (In Russ.)

9. Miroshnichenko, D. V. Structure of social danger of an act. In: V. V. Alexandrova, ed. *Social danger in criminal, criminal-executive law and criminology*. Materials of the XIV Russian Congress of Criminal Law (Moscow, 30–31 May 2024). Moscow: Yurlitinform; 2024. Pp. 77–80. (In Russ.)

10. Trainin, A. N. *Selected works.* Compiled, introd. art. by N. F. Kuznetsova. St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2004. 898 p. (In Russ.)

11. Kudryavtsev, V. N. *General theory of classification of crimes.* Moscow: Yurist; 2001. 304 p. (In Russ.)

12. Garbatovich, D. A. Social danger and elements of a crime. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge.* 2019;(10):9-12. (In Russ.)

13. Ivanchin, A. V. *Conceptual foundations of constructing the elements of a crime.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2015. 42 p. (In Russ.)

14. Vinokurov, V. N. The structure of social danger and the basis for recognizing an act as insignificant. *Journal of Russian Law.* 2024;(1):120-131. (In Russ.)

15. Korobeev, A. I. *Criminal-legal policy of Russia: from genesis to crisis.* Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2019. 352 p. (In Russ.)

16. Maltsev, V. V. *Socially dangerous behavior in criminal law.* Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2014. 648 p. (In Russ.)

17. Ivanov, N. G. *Etudes on Russian criminal policy and its specific embodiments.* Moscow: Yurlitinform; 2019. 176 p. (In Russ.)

18. Zhalinsky, A. E. *Selected works.* In 4 vols. Vol. 2: Criminal law. Comp. by K. A. Barysheva, O. L. Dubovik, N. I. Nagornaya, A. A. Popov; ed. O. L. Dubovik. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2015. 998 p. (In Russ.)

19. Ivanov, N. G. Minor act. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law.* 2024;(12):39-47. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Гарбатович – кандидат юридических наук, доцент, директор.

Information about the author

D. A. Garbatovich – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Director.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 96–103
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 96–103
УДК 343.1 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.96-103

Научная статья

Независим ли судья при принятии решения о форме судебного разбирательства?

Игорь Владимирович Овсянников

Академия Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Рязань, Российская Федерация, ivover@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4226-5958

Аннотация. Исследуется проблема обеспечения независимости судей при принятии решений о применении особого (упрощенного) порядка судебного разбирательства по уголовному делу. Цель исследования – обосновать несовершенство уголовно-процессуального закона в части придания возражению (в том числе немотивированному) хотя бы одного из потерпевших либо обвинителя против заявленного обвиняемым ходатайства о применении особого порядка значения заградительного и непреодолимого барьера для применения судом такого порядка, в том числе для его продолжения.

Для этого использовались общенаучные методы (анализ, синтез, абстрагирование) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический). Автор опирался на положения об особом порядке, закрепленные в нормах главы 40 УПК РФ, в п. 11.2, 11.3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60, для описания действий судьи в случаях выявления возражений потерпевшего либо государственного или частного обвинителя против применения судом особого порядка разбирательства.

Автор приходит к выводу, что регламентация в УПК РФ порядка учета судьей мнений обвинителя и потерпевшего о возможности или невозможности применения особого порядка не вполне соответствует конституционным нормам о самостоятельности органов судебной власти и принципу независимости судей. Обосновывается необходимость внесения изменений в ст. 314 и 316 УПК РФ.

Ключевые слова: судебная нагрузка, судебное разбирательство, особый порядок, независимость судьи, потерпевший, обвинитель, прокурор, возражение

Для цитирования: Овсянников И. В. Независим ли судья при принятии решения о форме судебного разбирательства? // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 96–103. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.96-103.

Original article

Is the Judge Independent in Deciding the Form of the Trial?

Igor V. Ovsyannikov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, ivover@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4226-5958

Abstract. The problem of ensuring the independence of judges when making decisions on the application of a special (simplified) procedure for trial in a criminal case is examined. The purpose of the study is to substantiate the imperfection of the criminal procedure law in terms of giving an objection (including

© Овсянников И. В., 2026

an unmotivated one) of at least one of the victims or the prosecutor to the motion filed by the accused to apply a special procedure the significance of a prohibitive and insurmountable barrier to the application of such a procedure by the court, including for its continuation.
For this purpose, general scientific methods (analysis, synthesis, abstraction) and specific scientific methods (comparative legal, formal legal) were used. The author relied on the provisions on the special procedure, enshrined in the norms of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in paragraphs 11.2, 11.3 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.12.2006 No. 60 to describe the actions of a judge in cases where objections are identified by the victim or a state or private prosecutor against the application of a special procedure for proceedings by the court.
The author comes to the conclusion that the regulation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the procedure for taking into account the opinions of the prosecutor and the victim on the possibility or impossibility of applying a special procedure does not fully comply with the constitutional norms on the independence of judicial authorities and the principle of independence of judges. The need to amend Art. 314 and 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: judicial workload, trial, special procedure, independence of judge, victim, accuser, prosecutor, objection

For citation: Ovsyannikov, I. V. Is the judge independent in deciding the form of the trial? *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(2):96-103. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X. 2026.2.96-103.

Современный порядок судебного разбирательства по уголовному делу дифференцирован. Кроме ординарного порядка разбирательства существует усложненный порядок (раздел XII УПК РФ), при котором сторона защиты оспаривает доказанность обвинения, причем делает это не только перед председательствующим профессиональным судьей, но и перед присяжными заседателями. Присяжные наделены правом участвовать в исследовании всех обстоятельств дела (п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ) и полномочием разрешать основные вопросы факта (ч. 1 ст. 334 УПК РФ).

Предусмотрен и ускоренный порядок – особый порядок судебного разбирательства (раздел X УПК РФ), при котором упрощается судебное следствие[1]. Это позволяет снизить нагрузку на всех участников разбирательства.

В научной литературе констатируется, что при наличии возможности упрощения уголовного судопроизводства вопрос о применении или неприменении упрощенного порядка в подавляющем большинстве государств решает именно суд. В тех же случаях, когда этот вопрос решается по усмотрению органа обвинения, стороны заключают соглашение (о признании вины) и дело до судебного разбирательства не доходит [1, с. 148].

По российскому уголовно-процессуальному закону вопрос о применении упрощенного (особого) порядка судебного разбирательства тоже решает именно суд (ч. 2, 3 ст. 314, ч. 6 ст. 316, ст. 317.6 УПК РФ). Конституционные положения закрепляют самостоятельность судебной власти, независимость судей, подчинение их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (ст. 10, ч. 1 ст. 120 Конституции России). Эти положения развиты в ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[2], принцип независимости судей закреплен и в ст. 8.1 УПК РФ

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (далее – Постановление Пленума № 60) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

Конституционный Суд Российской Федерации указывает: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»[3]. В данном случае не только обосновывается решение по конкретному вопросу (о конституционности ч. 1 ст. 237 УПК РФ), но и «…формулируются положения общего характера…о независимости суда от позиции сторон, об обязанности суда принимать решения только на основе своего внутреннего убеждения» [2, с. 94].

В Постановлении X Всероссийского съезда судей отмечается существование в обществе запроса на законное, социально ориентированное, скорое, доступное и открытое правосудие, возможное на основе самостоятельности судебной власти и независимости судей, подчиняющихся только Конституции Российской Федерации и закону[4].

Результаты

Принцип независимости судей развит и в ряде международных актов ООН и Совета Европы[5].

В отечественной научной литературе проблему обеспечения независимости судебной власти, судебной системы, судов и судей называют ключевой; независимость рассматривают как «условие существования судебной власти», предполагающее свободу судьи в выборе правовой позиции по разрешаемому им делу, в том числе от воли тяжущихся сторон; обеспечивать это должны организационно-правовые условия деятельности судей и процедуры судопроизводства [3, с. 21, 22, 36]. Справедливо утверждается, что «суд должен быть в равной степени независимым как от государственной власти, так и от участвующих в деле сторон» [4, с. 157].

Однако в уголовно-процессуальном законе возражению потерпевшего (если потерпевших несколько, то хотя бы одного из них) либо государственного или частного обвинителя против заявленного обвиняемым ходатайства о применении особого порядка придается значение заградительного и непреодолимого барьера на пути к особому порядку (п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ)[6]. В результате принятие столь важного для других представителей обеих сторон и

---

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.

[4] Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации». Доступ из СПС «Гарант».

[5] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) (ст. 10) // Российская газета. 1995. № 67; Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 г., и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г.) (п. 1–7). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml (дата обращения: 21.02.2021); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) (п. 1 ст. 6) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

[6] Более того, точно такое же значение придается возражению против особого порядка любого из потерпевших, государственного или частного обвинителя, даже если они в начале судебного заседания были согласны с применением особого порядка, но заявили возражение позже, например, на этапе прений сторон (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). В этой ситуации суд, переходя к общему порядку судебного разбирательства, должен вызвать в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами,

для общества процессуального решения о форме судебного разбирательства может предопределяться не мнением и убеждением судьи, а мнением одного представителя стороны обвинения. Такой регламент представляется не вполне логичным. Наличие причинно-следственной связи между несогласием потерпевшего на применение особого порядка и последующим определением формы судопроизводства Г. С. Русман рассматривает как вмешательство в процесс отправления правосудия [5, с. 17].

Ранее у судов возникали вопросы: должны ли возражения потерпевшего и государственного обвинителя против особого порядка сопровождаться конкретными мотивами, подлежащими оценке судом [6]. Ясность внес Пленум Верховного Суда Российской Федерации, дав на эти вопросы отрицательный ответ[7].

При этом по смыслу уголовно-процессуального закона в рассматриваемой ситуации не следует придавать значение тем обстоятельствам, что судья может с несомненностью установить наличие всех оснований и иных условий, необходимых для особого порядка, что мнение судьи о должной форме судебного разбирательства может отличаться от мнения того или иного участника со стороны обвинения. В данной ситуации судья фактически оказывается в процессуальной зависимости от возражающего против применения особого порядка представителя стороны обвинения, который может и не утруждать себя пояснением мотивов своих возражений против ускорения и упрощения судебного производства. Полагаем, что в ситуации, когда ничем не обоснованное мнение одного из участников процесса, выступающих со стороны обвинения, может предопределять форму будущего судебного разбирательства, сложнее говорить и о равенстве всех перед законом и судом.

Возражения против особого порядка выражают преимущественно государственные обвинители [7, с. 166].

Р. В. Ярцев, анализируя правоприменительную деятельность, отмечает, что практика отказов государственных обвинителей от рассмотрения дела в особом порядке приобретает массовый характер, причем такой отказ в худшем случае не мотивирован, в лучшем сопровождается логически не связанными утверждениями, мало относящимися к обоснованию позиции, заявленной обвинителем [8, с. 241].

Д. С. Кучерук констатирует, что прокуроры все чаще представляют возражения против особого порядка рассмотрения дела (зачастую «на всякий случай»), что вопросы к сотрудникам прокуратуры в судебном заседании об аргументации заявляемого ими возражения остаются во многих случаях без ответа, что злоупотребление процессуальным правом представления возражений со стороны обвинения в лице сотрудников прокуратуры приводит к существенному снижению процессуальных гарантий подсудимых [9, с. 224–225].

Анализируя подобные процессуальные ситуации, П. Е. Затеев и Е. В. Носкова обоснованно полагают, что если все участники разбирательства за особый порядок, но из-за возражения государственного обвинителя суд применяет общий, то «судебный процесс превращается в подобие экзекуции»: потерпевшему и обвиняемому приходится часами слушать и самим да-

---

а также обеспечить сторонам возможность дополнительной подготовки к судебному заседанию и с этой целью, с учетом мнения сторон, объявить перерыв в судебном заседании либо вынести постановление о его отложении на определенный срок (п. 11.3 Постановления Пленума № 60). В результате правомерная попытка суда применить особый порядок обернется фактически усложнением и замедлением судебного производства, повышением служебной нагрузки на всех его профессиональных участников.

[7] Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает, что несогласие с ходатайством обвиняемого, выраженное либо государственным или частным обвинителем, либо потерпевшим, является основанием для проведения судебного разбирательства в общем порядке, причем независимо от мотивов возражений (п. 11.2 Постановления Пленума № 60).

вать показания, вновь вспоминая и переживая событие преступления; при этом нивелируется и состязательность [7, с. 168].

А. А. Толкаченко справедливо пишет, что немотивированные отказы прокуроров в применении особого порядка нередко не основаны на законе и создают проблему; «…вряд ли такое положение, граничащее со злоупотреблением правом, можно считать нормальным» [10, с. 53].

Говоря о правах и интересах подсудимых, отметим и то, как к этому вопросу относились составители и комментаторы действовавшего ранее в России Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). Если после допроса признающего свою вину подсудимого его признание не возбуждает сомнения, УУС позволял суду не производить дальнейшего исследования и перейти к заключительным прениям (ст. 681). Обосновывалось это так: если подсудимый сделал признание, согласное с указаниями обвинительного акта, то продолжать судебное следствие означало бы напрасно терять время и бессмысленно отягощать положение подсудимого; справедливость требует, чтобы нравственное страдание осознавшего свою вину человека, раскаяние которого вызывает снисхождение к его вине, не усугублялось позором публичного исследования его преступления; «исследовать то, чего не оспаривает подсудимый, повинившийся в своем преступлении, позволительно только тогда, когда есть какое-либо сомнение на счет искренности или полноты признания»[8].

Сегодня условие применения особого порядка – согласие с обвинением. Вопрос о соотношении понятий «согласие с обвинением», «признание вины» дискуссионен [11]. Но на практике, заявляя о согласии с обвинением, обвиняемые, как правило, одновременно признают себя виновными. Поэтому рассуждения составителей и комментаторов УУС и приведенные ими аргументы представляются актуальными и сегодня.

По нашему мнению, основная причина возникающих в теории и на практике отмеченных выше острых проблем заключается в том, что регламентация в УПК РФ порядка учета судьей мнений государственного обвинителя и потерпевшего о возможности или невозможности применения особого порядка не вполне соответствует конституционным нормам о самостоятельности органов судебной власти и принципу независимости судей.

В Законе о статусе судей указано, что независимость судьи обеспечивается предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия[9]. Каким образом можно усовершенствовать существующую процедуру принятия судьей решения по ходатайству обвиняемого о применении особого порядка?

Для сравнения отметим, что и в досудебном производстве некоторые решения правомочен принимать только суд (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Например, тогда, когда в ходе досудебного производства суд рассматривает ходатайство следователя и руководителя следственного органа об избрании обвиняемому меры пресечения (заключения под стражу), прокурор уполномочен участвовать в судебных заседаниях (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В таких случаях участие в судебном заседании прокурора по общему правилу обязательно (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), прокурор заслушивается наряду с другими участниками судебного заседания (ч. 6 ст. 108 УПК РФ). Участие прокурора в судебном заседании не лишает его права не согласиться с мнением следователя и руководителя следственного органа, прокурор может и возражать против избрания строгой меры пресечения. Однако в этих случаях возражению прокурора не придается какого-

---

[8] Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства. СПб. : Гос. канцелярия, 1866. С. 242.

[9] Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» (п. 1 ст. 9) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

то решающего значения, в этих случаях возражение прокурора не может предопределять процессуальное решение суда. При этом уголовное дело находится в производстве не у суда, а у следователя, причем прокурор не только участвует со стороны обвинения, но и осуществляет от имени государства надзор за деятельностью органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

На практике суды нередко удовлетворяют ходатайства следователей вопреки позиции прокурора, не связанного ведомственными интересами, существующими в органах предварительного следствия, и считающего, что оснований для заключения под стражу нет [12, с. 120; 13]. Хотя в этих случаях речь идет не о выборе судом той или иной формы судебного производства и исследования доказательств, о которой ходатайствуют или с которой согласны участники уголовного судопроизводства с обеих сторон, так как она вполне соответствует их законным интересам, а об избрании принудительных мер, которые существенно и жестко ограничивают конституционные права гражданина на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции России).

Заключение

Полагаем, что если суд наделен правом принимать вопреки позиции прокурора процессуальные решения (в том числе и решения, влекущие жесткие ограничения конституционных прав человека и гражданина) при осуществлении судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве, то в судебном производстве у суда тем более должно быть право самостоятельно разрешать споры сторон о наличии (отсутствии) оснований для применения особого порядка и принимать процессуальные решения о форме судебного разбирательства. Разумеется, такие решения суд должен принимать с учетом и того, каким образом государственный обвинитель, потерпевший и другие представители сторон мотивируют свои позиции.

Соответствующие изменения целесообразно внести в ст. 314 и 316 УПК РФ. Выражение потерпевшим или обвинителем возражения против особого порядка, возможно, должно обязывать судью выяснять мотивы возражения. Но такое возражение само по себе не должно ограничивать судью в выборе дальнейшей формы судебного разбирательства.

Предлагаемые изменения будут не только обеспечивать процессуальную самостоятельность органов судебной власти и независимость судей при принятии решений о форме разбирательства или о прекращении особого порядка и назначении рассмотрения дела в общем порядке, но и стимулировать государственного обвинителя, потерпевшего, возражающих против особого порядка, убедительно мотивировать свою позицию, а также будут служить дополнительной гарантией процессуальных прав подсудимых и потерпевших, способствовать снижению судебной нагрузки, обеспечению разумного срока уголовного судопроизводства, равенства всех перед законом и судом.

Список источников

1. Пиюк Л. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 208 с.

2. Свиридов М. К. Самостоятельность суда при постановлении приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2. С. 88–95.

3. Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей – имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 21–41.

4. Рожкова М. А. Независимость судей как гарантия беспристрастного применения закона // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 156–160.

5. Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства и правоприменительные проблемы их реализации // Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования : сб. материалов Всерос. кр. стола с междунар. участием (Санкт-Петербург, 4 февр. 2023 г.) / под ред. К. Б. Калиновского, А. В. Кудрявцевой, В. А. Шиплюка. СПб. : Астерион, 2023. С. 10–17.

6. Маркина Е. А. Новые разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам процесса // Уголовный процесс. 2021. № 9. С. 80–85.

7. Затеев П. Е., Носкова Е. В. Применение особого порядка судебного разбирательства как конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод граждан // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 2. С. 154–173.

8. Ярцев Р. В. Особый порядок судебного разбирательства: новые подходы или старые ошибки (на основе мониторинга законодательства и правоприменительной деятельности) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 234–252.

9. Кучерук Д. С. Особый порядок судебного разбирательства: к чему приводит «шатание» законодателя и что с этим делать правоприменителям // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей) : сб. материалов Всерос. межвед. науч.-практ. конф., посвящ. X Всерос. съезду судей : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. И. Поправко, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Н. Новгород : Автор, 2022. С. 219–228.

10. Толкаченко А. А. Сокращение уголовной репрессии и судебной нагрузки // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 50–55.

11. Степаненко Д. А., Днепровская М. А. Признание вины и/или согласие с обвинением: соотношение понятий // Глаголъ правосудия. 2014. № 1. С. 25–29.

12. Манова Н. С. Роль и полномочия прокурора при осуществлении судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 1. С. 119–124.

13. Манова Н. С., Рыгалова К. А. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения // Законность. 2017. № 12. С. 6–10.

References

1. Piyuk, L. V. *Problems of applying simplified forms of resolving criminal cases in the proceedings of the Russian Federation in light of the typology of modern criminal proceedings.* Tomsk: Publishing House of Tomsk University; 2011. 208 p. (In Russ.)

2. Sviridov, M. K. Autonomy of courts in sentencing. *Tomsk State University Journal of Law.* 2014;(2):88-95. (In Russ.)

3. Tarasov, A. A., Gizatullin, I. A. Independence of judges as immanent quality of criminal justice and its severe problem. *RUDN Journal of Law.* 2018;22(1):21-41. (In Russ.)

4. Rozhkova, M. A. Independence of judges as a guarantee of impartial application of law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2015;(5):156-160. (In Russ.)

5. Rusman, G. S. Incentive forms of criminal proceedings and law enforcement problems of their implementation. In: K. B. Kalinovsky, A. V. Kudryavtseva, V. A. Shiplyuk, eds. *Incentives as a method of criminal procedure regulation.* Collection of materials from the All-Russian Round Table with international participation (St. Petersburg, 4 February 2023). St. Petersburg: Asterion; 2023. Pp. 10–17. (In Russ.)

6. Markina, E. A. New explanations of the Plenum of the SC of the RF on the process. *Ugolovnyj protsess = Criminal Proceedings*. 2021;(9):80-85. (In Russ.)

7. Zateev, P. E., Noskova, E. V. Application of a special procedure of judicial proceedings as a constitutional guarantee of judicial protection of citizens' rights and freedoms. *Pravosudie/Justice.* 2023;5(2):154-173. (In Russ.)

8. Yartsev, R. V. Special procedure of a trial: new approaches or old mistakes (based on the monitoring of legislation and law enforcement activities). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.* 2020;(2):234-252. (In Russ.)

9. Kucheruk, D. S. Special procedure for judicial proceedings: what does the "vacillation" of the legislator lead to and what should law enforcement officers do about it. In: V. I. Popravko, Yu. V. Zhuravleva, R. V. Yartsev, eds. *Justice in the modern world (for the X All-Russian Congress of judges).* Collection

of materials of the All-Russian Interdepartmental Scientific and Practical Conference dedicated to the X All-Russian Congress of judges. In 2 pts. Pt. 1. Nizhny Novgorod: Avtor; 2022. Pp. 219–228. (In Russ.)

10. Tolkachenko, A. A. Reduction of criminal repression and judicial burden. *Ugolovnyj protsess = Criminal Proceedings*. 2021;(2):50-55. (In Russ.)

11. Stepanenko, D. A., Dneprovskaya, M. A. Admission of guilt and/or agreement with the prosecution: the relationship of concepts. *Glagol pravosudiya = Verb of Justice*. 2014;(1):25-29. (In Russ.)

12. Manova, N. S. The role and powers of the prosecutor in the implementation of judicial review activities in pre-trial proceedings. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law.* 2018;28(1):119-124. (In Russ.)

13. Manova, N. S., Rygalova, K. A. The role of a public prosecutor in solution by court of an issue on application of measures of restraint. *Zakonnost' = Legality*. 2017;(12):6-10. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Овсянников – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра.

Information about the author

I. V. Ovsyannikov – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Scientific Research Department of the Scientific Center.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 2. С. 104–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 2. P. 104–112
УДК 343.98 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.2.104-112
Научная статья

Сущность искусственных нейронных сетей и особенности их использования при производстве экспертного исследования

Наталия Михайловна Туркова
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, nmt280700@yandex.ru

Аннотация. Стремительное развитие искусственного интеллекта привело к появлению дискуссий о наличии у функционирующих на его основе систем когнитивных способностей, присущих человеку. Все чаще анализируются вопросы применения искусственных нейронных сетей при решении интеллектуальных задач, в том числе задач судебной экспертизы. Вместе с тем в случае применения нейросетевых технологий, способных имитировать интеллектуальную деятельность человека, важно определить пределы их использования при проведении экспертного исследования и формулировании выводов. Отдельного рассмотрения требуют вопросы компетенции судебного эксперта, а также проблемы комплексности экспертного исследования при использовании нейронных сетей.
Целью настоящего исследования является определение особенностей и пределов использования искусственных нейронных сетей при решении интеллектуальных задач в целом и при производстве экспертного исследования в частности.
Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ и синтез, дедукция и индукция, логический метод) и частнонаучные методы исследования (формально-логический, системно-структурный).
Современные искусственные нейронные сети являются лишь моделью человеческого мозга, причем условной моделью, а не полноценным аналогом мозга. Их использование обоснованно в ситуациях, предполагающих выполнение рутинных операций по четко определенным правилам. При производстве экспертного исследования пределами использования нейронных сетей является конкретная подзадача, решаемая на отдельной стадии исследования, при сохранении определяющей роли эксперта в формулировании вывода. Применение методов исследования, основанных на нейронных сетях, должно войти в компетенцию эксперта конкретной экспертной специальности после получения им соответствующих знаний и практических навыков. Отмечена необходимость включения в теорию судебной экспертологии теоретических основ использования искусственных нейронных сетей, которыми эксперт сможет руководствоваться при производстве экспертизы. В заключении обосновано, что использование нейронной сети в составе экспертной методики не относится к формам комплексного исследования, а представляет собой комплексное использование методов в пределах одной экспертной специальности.

Ключевые слова: нейронная сеть, интеллектуальная деятельность, экспертное исследование, компетенция эксперта, комплексное исследование

Для цитирования: Туркова Н. М. Сущность искусственных нейронных сетей и особенности их использования при производстве экспертного исследования // Российское правосудие. 2026. № 2. С. 104–112. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.104-112.

© Туркова Н. М., 2026

Original article

The Essence of Artificial Neural Networks and the Specifics of Their Use in the Production of Forensic Examination

Nataliya M. Turkova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, nmt280700@yandex.ru

Abstract. The rapid development of artificial intelligence has led to discussions about the presence of human cognitive abilities in systems based on it. Increasingly, the issues of using artificial neural networks in solving intellectual tasks, including the tasks of forensic examination, are being analyzed. At the same time, in the case of using neural network technologies capable of simulating human intellectual activity, it is important to determine the limits of their use when conducting forensic examination and drawing conclusions. The issues of the competence of a forensic expert, as well as the complexity of forensic examination using neural networks, require separate consideration.

The purpose of this research is to determine the features and limits of the use of artificial neural networks in solving intellectual tasks in general and in the production of forensic examination in particular.

The methodological basis of the research consists of the dialectical method of cognition, general scientific methods (analysis and synthesis, deduction and induction, logical method) and private scientific research methods (formal-logical, system-structural).

Modern artificial neural networks are only a model of the human brain, and a conditional model, not a full-fledged analog of the brain. Their use is justified in situations involving the performance of routine operations according to well-defined rules. In the production of forensic examination, the limits of using neural networks are a specific subtask that is solved at a separate stage of the research, while maintaining the defining role of the expert in formulating the conclusion. The application of research methods based on neural networks should fall within the competence of an expert of a specific expert specialty, after obtaining relevant knowledge and practical skills. It is noted that it is necessary to include in the theory of forensic science the theoretical foundations of the use of artificial neural networks, which the expert will be able to guide during the examination. In conclusion, it is proved that the use of a neural network as part of an expert methodology does not belong to the forms of comprehensive research, but represents the integrated use of methods within a single expert specialty.

Keywords: neural network, intellectual activity, forensic examination, expert competence, comprehensive research

For citation: Turkova, N. M. The essence of artificial neural networks and the specifics of their use in the production of forensic examination. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(2):104-112. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.2.104-112.

Интерес к технологиям искусственного интеллекта обусловлен в первую очередь тем, что они позволяют функционирующим на их основе системам имитировать интеллектуальную деятельность человека при решении поставленных задач. Последнее стало возможным благодаря машинному обучению, представляющему собой класс методов искусственного интеллекта, позволяющих решать поставленную задачу не напрямую, используя жесткий алгоритм, а путем обучения модели [1, с. 210]. Обучение осуществляется на основе множества аналогичных примеров, и его конечная цель – научить модель самостоятельно решать задачи подобного типа. В процессе обучения система искусственного интеллекта накапливает опыт, позволяющий при обработке информации давать более точные результаты. Одной из наиболее распространенных технологий искусственного интеллекта, в которой реализуются методы машинного обучения, является нейронная сеть.

Искусственная нейронная сеть представляет собой математическую модель, ее программное и аппаратное воплощение, построенные по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живого организма [2, с. 25]. Нейросетевые технологии используются в различных областях для решения множества задач. В частности, нейронные сети востребова-

ны для распознавания образов и обработки изображений, машинного перевода, прогнозирования, классификации и кластеризации данных, создания автономных систем (роботов, беспилотных автомобилей) и т. д.

Идея создания данной технологии возникла на основе стремления воспроизвести такие особенности биологических нейронных сетей, как способность к обучению и исправлению ошибок. В искусственных нейронных сетях действительно реализуются определенные аспекты интеллектуальной деятельности человека, но только в контексте имитации этой деятельности. Иными словами, нейронные сети – это не аналог человеческого мозга, и тем более не мыслящий субъект, а сложная модель, производящая вычисления на основе математических формул и позволяющая обрабатывать колоссальные объемы информации и находить взаимосвязи и взаимозависимости в данных.

Результаты

Рассуждая на тему наличия у систем искусственного интеллекта признаков рассудочной деятельности, А. В. Костина отмечает, что «разумные» машины лишь имитируют поведение людей, однако подобная имитация, даже если она достаточно точна, заложена в системе изначально и не имеет никакого отношения к человеческому поведению [3, с. 45]. Автор подчеркивает, что искусственный интеллект не может воспроизвести такие качества и состояния человека, как сознание и самосознание, образно-символическое мышление, способность постигать сущности вещей [3, с. 46].

В связи с этим описание процесса функционирования систем искусственного интеллекта терминами, характеризующими интеллектуальную деятельность человека, не совсем корректно. На это обращает внимание О. Г. Дьяконова, отмечая, что нельзя характеризовать деятельность человека (интеллект человека) и искусственный интеллект одинаковыми терминами с аналогичным смысловым содержанием. В качестве пояснения она приводит следующий пример: «Например, глагол “говорить” в отношении человека понимается как “словесно выражать мысли”, а в отношении ИИ – как имитировать речь» [4, с. 58].

Интересна позиция Л. Парентони, который считает, что сам термин «искусственный интеллект» не совсем корректен и вводит в заблуждение, поскольку алгоритмические процессы напрямую ассоциируются с интеллектуальной деятельностью человека. «Выражение “искусственный интеллект”, – заключает автор, – не просто терминологически неверно; оно уводит нас от того, что действительно важно, и привносит в дискуссию бессмысленные вопросы» [5, с. 220].

Ученые сходятся во мнении, что на настоящий момент ни интеллект человека, ни принципы функционирования человеческого мозга до конца не изучены. Следовательно, говорить о существовании искусственного интеллекта, сопоставимого с интеллектом человека, пока преждевременно. Согласимся с авторами, которые полагают, что современные системы искусственного интеллекта именуют так лишь по причине их ориентации на решение задач, традиционно выполняемых только человеком, а не за их реальную способность к мышлению [6, с. 102].

Приведенные аргументы в полной мере могут быть отнесены и к искусственным нейронным сетям, которые являются одной из технологий искусственного интеллекта. Возвращаясь к определению нейронной сети, следует отметить важный аспект. Искусственная нейронная сеть – это именно модель, которая воспроизводит отдельные аспекты функционирования мозга человека. Каждая модель априори ограничена и отражает лишь некоторые качества или свойства моделируемого объекта. Она представляет собой упрощенное представление реального объекта или процесса, не являясь его абсолютной копией. Таким образом, современные искусственные нейронные сети являются лишь моделью человеческого мозга, причем условной моделью, но никак не полноценным аналогом мозга.

В связи с этим интересны дискуссии ученых о наличии в деятельности нейронных сетей творческой составляющей, поскольку в настоящее время довольно распространенной стала практика использования нейросетевых технологий в целях создания произведений – художественных, литературных, музыкальных. На сегодняшний день не сложилось единого мнения относительно того, можно ли признать творчеством подобную деятельность интеллектуальных систем. Так, А. В. Гурко признает объекты, генерируемые искусственным интеллектом, результатом машинного творчества [7, с. 13]. Противоположной позиции придерживается В. С. Витко, весьма категорично подчеркивая, что в деятельности искусственного интеллекта отсутствует творчество [8, с. 6]. Аргументируя свою позицию, автор отмечает, что при создании произведения искусственный интеллект лишь повторяет форму, ориентируясь на то, что уже создано другими авторами. «У нас нет сомнений в том, – заключает В. С. Витко, – что деятельность искусственного интеллекта по созданию, точнее, конструированию, объектов интеллектуальной собственности, без выражения в них какого-либо чувства (мысли), является по своему характеру механической» [8, с. 14].

Вторая позиция представляется более правильной. Творческий процесс предполагает самовыражение автора, стремящегося передать волнующие его эмоции и чувства. В работе же искусственных нейронных сетей нет и не может быть осознанного целеполагания к созданию произведения искусства, к стремлению что-либо передать или выразить. Правильнее будет сказать, что нейронные сети генерируют, конструируют произведения, используя имеющуюся базу данных с готовыми работами. Они могут успешно подражать стилям других авторов, но не создавать свой собственный стиль, даже если так может показаться на первый взгляд. При создании произведений нейронная сеть лишь заимствует уже существующие формы, стили и образы, что можно сравнить с собиранием пазла из уже готовых фрагментов. Например, при написании текстов нейронная сеть оперирует символами, составляя слова и предложения, и основывается при этом на имеющейся у нее базе данных с различными готовыми текстами. Естественно, это механический процесс, не подразумевающий осознания смыслового содержания текста или стремления донести какую-то идею. Кроме того, не всегда готовый материал представляет собой связный текст, порой это лишь сочетание предложений, не объединенных единством смысла.

Изложенное позволяет заключить, что нейронная сеть не может выступать в качестве альтернативы человеку в тех видах деятельности, при осуществлении которых необходим творческий подход. Ее использование обоснованно в ситуациях, предполагающих выполнение рутинных операций по четко определенным правилам.

Эвристический характер присущ любым видам исследований, в том числе экспертным. Производство судебной экспертизы заключается в проведении исследования представленных объектов с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. Непосредственным субъектом экспертного исследования является судебный эксперт, который несет ответственность за полноту и качество проведенной экспертизы. В процессе исследования эксперт, основываясь на своих специальных знаниях, применяет научно обоснованные и апробированные методы и методики, что способствует объективизации результатов экспертизы.

Несмотря на наличие методических предписаний по проведению экспертного исследования, в производстве любой экспертизы присутствует элемент творчества, для которого характерны оригинальность мышления и эвристический подход к решению экспертных задач. На важность творческого подхода эксперта при проведении исследования обращает внимание Н. П. Майлис, отмечая, что от этого зависят эффективность и качество судебной экспертизы [9, с. 73].

Важное значение в процессе экспертного исследования приобретает мыслительная деятельность эксперта. Экспертное мышление выражается в моделировании процесса исследова-

ния, в построении экспертных версий и выдвижении гипотез, в выборе методов исследования, прогнозировании вероятных результатов, в оценке выявленных признаков и формулировании вывода. В литературе подчеркивается, что показателем развитого экспертного мышления является способность воспринимать всю имеющуюся информацию как единое целое, проводить аналогии с уже имеющейся в памяти информацией и учитывать практический опыт[1]. На сложную структуру экспертного мышления обращает внимание А. Ю. Бутырин, выделяя несколько форм мышления, реализуемых в процессе экспертного исследования (аналитическую, синтезирующую, логическую, теоретическую, эмпирическую, интуитивную и др.) [10, с. 12].

В результате мыслительной деятельности эксперта формируется внутреннее убеждение. Р. С. Белкин определяет последнее как «уверенность эксперта в правильности и единственной возможности сделанных им выводов»[2]. Внутреннее убеждение связано в первую очередь с субъективным состоянием эксперта, выражающимся в чувстве уверенности в правильности и корректности проведенного исследования и сформулированных выводов. Процесс формирования внутреннего убеждения в субъективном плане зависит от особенностей высшей нервной деятельности, психики и этических взглядов эксперта[3]. Справедливо мнение Л. В. Лазаревой, которая подчеркивает, что игнорирование внутренних качеств судебного эксперта (психологических, морально-нравственных, интеллектуальных), лежащих в основе формирования его внутреннего убеждения, может привести к экспертным ошибкам [11, с. 33].

Вместе с тем внутреннее убеждение имеет объективные основания, позволяющие проверить и оценить правильность хода исследования и достоверность полученных выводов. Элементами объективной стороны внутреннего убеждения являются профессиональные знания эксперта, его профессиональные качества, фактические данные, признаки и свойства изучаемых объектов, а также весь процесс экспертного исследования и полученные результаты[4]. Внутреннее убеждение оказывает существенное влияние на процесс формирования выводов, поскольку эксперт оценивает все выявленные признаки объектов не только руководствуясь положениями методики данного рода (вида) экспертизы, но и основываясь на внутреннем убеждении, учитывая свой профессиональный опыт.

Таким образом, в процессе экспертного исследования важное значение приобретает сложная многогранная мыслительная работа эксперта, результатом которой является формирование внутреннего убеждения, оказывающего существенное влияние на формирование результатов экспертизы. Все это не дает возможности говорить о замене полноценного экспертного исследования применением нейронных сетей. Как отмечалось нами ранее, системы искусственного интеллекта способны только моделировать отдельные аспекты интеллектуальной деятельности эксперта и не способны выступать в качестве его замены при проведении исследования и формулировании выводов. Как справедливо подчеркивает О. Г. Дьяконова, «решение, как эмоционально-интеллектуальный волевой акт, основанный на внутреннем убеждении, может принять только человек» [4, с. 61–62].

Таким образом, пределами применения нейронных сетей при производстве экспертного исследования будет являться конкретная подзадача, решаемая на отдельной стадии исследования, при сохранении определяющей роли эксперта в формулировании вывода. Результаты, полученные с использованием нейросетевых технологий, должны быть критически оценены

---

[1] Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М. : Норма : Инфра-М, 2001. С. 440.

[2] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2 : Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997. С. 317.

[3] *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2009. С. 196.

[4] *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 318–319.

экспертом, чтобы исключить возможность косвенного внушения при формировании внутреннего убеждения[5].

Отдельно необходимо затронуть вопросы компетенции эксперта при применении нейросетевых технологий. Создание и обучение нейронной сети требует специальных знаний в области программирования и машинного обучения. Вместе с тем эксперт при проведении исследования применяет уже настроенную и апробированную модель, руководствуясь предписаниями соответствующего метода или методики. На этапе разработки он может выступать в качестве консультанта, участвовать в тестировании нейронной сети и в оценке ее пригодности для решения экспертной задачи, не являясь при этом непосредственным разработчиком модели.

Безусловно, эксперту, применяющему в процессе исследования нейросетевые технологии, необходимо знать базовые положения теории нейронных сетей, иметь представление об особенностях их функционирования. Полагаем, что расширение компетенций эксперта, заключающееся в приобретении новых знаний и навыков работы с нейросетевыми технологиями, можно обеспечить следующим образом. В первую очередь необходимо включить в теорию судебной экспертологии раздел, посвященный основам использования искусственных нейронных сетей в экспертном исследовании, а также добавить соответствующие теоретические разделы в частные теории родов (видов) экспертиз.

Теоретические основы использования искусственных нейронных сетей в экспертном исследовании должны включать в себя, по нашему мнению, следующие положения:

1) искусственная нейронная сеть как технология искусственного интеллекта – понятие, сущность и принципы функционирования, особенности обучения;

2) принципы использования искусственных нейронных сетей при производстве экспертного исследования;

3) экспертные задачи, которые можно решать с применением нейронных сетей;

4) методологические и научно-методические аспекты использования искусственных нейронных сетей в экспертном исследовании;

5) общие вопросы компетенции судебных экспертов;

6) особенности оценки заключения эксперта.

Основы использования искусственных нейронных сетей в экспертном исследовании должны носить общий характер для всех родов и видов судебных экспертиз. В частных теориях родов (видов) экспертиз общие теоретические положения будут претерпевать изменения и дополнения с учетом решаемых задач и специфики исследуемых объектов.

После разработки теоретических положений и научно-методических рекомендаций их следует включить в программы подготовки и переподготовки судебных экспертов.

Интерфейс программных комплексов, основанных на нейронных сетях, как правило, интуитивно понятен и прост в использовании. Однако эксперту при проведении исследования важно основываться на научно обоснованных и апробированных методических положениях, поэтому специфика и алгоритм применения конкретных программных комплексов должны найти отражение в методах и методиках экспертного исследования. Важно также, чтобы в теорию судебной экспертологии были включены теоретические основы использования искусственных нейронных сетей, которыми эксперт сможет руководствоваться при производстве экспертизы. После получения соответствующих знаний и навыков работы с программным комплексом, основанным на нейронной сети, эксперт сможет применять его в процессе исследования самостоятельно, без привлечения иных специалистов. Таким образом, применение методов исследования, основанных на нейронных сетях, должно войти в компетенцию эксперта конкретной экспертной специальности.

---

[5] *Зинин А. М., Майлис Н. П.* Судебная экспертиза : учеб. М. : Юрайт : Право и закон, 2002. С. 232.

Интеграция знаний, характерная в том числе и для судебной экспертизы, предопределяет комплексный характер экспертного исследования. По справедливому замечанию Т. Ф. Моисеевой, «…любое экспертное исследование в большей или меньшей степени является комплексным» [12, с. 241]. В теории судебной экспертизы традиционно выделяют три формы комплексного исследования: комплексная экспертиза, комплекс экспертиз и комплексное исследование в рамках одной экспертизы[6]. Однако использование нейронной сети в составе экспертной методики, по нашему мнению, не относится к формам комплексного исследования. Поясним это утверждение.

Комплексная экспертиза заключается в проведении исследования экспертами разных специальностей для решения вопросов, смежных для различных родов (видов) судебной экспертизы, которые не могут быть разрешены на основе одной отрасли экспертных знаний. Каждый эксперт изучает лишь определенную сторону объекта исследования, его свойства и признаки на основе собственных специальных знаний. Полученные каждым экспертом по отдельности результаты, как правило, анализируются и оцениваются всеми экспертами, принимающими участие в производстве комплексной экспертизы, после чего формулируется общий вывод. В случае комплекса экспертиз эксперты разных специальностей последовательно проводят исследование одних и тех же объектов, решая не связанные между собой задачи, относящиеся к разным классам (родам) судебных экспертиз, и оформляют результаты каждого исследования отдельным заключением. Комплексное исследование в рамках одной экспертизы проводится в отношении одного объекта с применением комплекса методов в пределах методики одного рода, вида судебной экспертизы[7]. При этом в процессе производства экспертизы одной специальности используются знания и методы из другой экспертной специальности, что прямо предусмотрено методикой исследования. Так, при проведении судебно-почерковедческой экспертизы подписей, кратких записей первоначально решается вопрос о применении технических средств и приемов при выполнении представленных объектов, для чего эксперту необходимо владеть методами экспертизы другого рода – технико-криминалистической экспертизы документов.

Нейросетевые технологии могут применяться в различных родах экспертиз, из чего следует, что общие знания о принципах функционирования нейронных сетей необходимы экспертам различных специальностей. Вместе с тем методы, основанные на нейронных сетях, и конкретные программные комплексы не заимствуются из какой-либо одной отрасли экспертных знаний для решения вопросов другой. Они разрабатываются специально для конкретного рода (вида) экспертизы и применяются при исследовании конкретных объектов. В отношении объектов разных родов (видов) экспертиз не может использоваться одна и та же нейронная сеть: для этих целей ее необходимо переобучить либо создать новую модель. Таким образом, применение нейросетевых технологий не создает ситуации комплексного исследования, поскольку каждый метод, основанный на конкретной нейронной сети, предназначен для применения именно в той экспертной специальности, в рамках которой он был разработан и апробирован.

В сравнении с комплексной экспертизой применение искусственных нейронных сетей направлено на решение задач одного рода (вида) судебной экспертизы в пределах одной экспертной специальности. При проведении исследования эксперт применяет нейронную сеть самостоятельно, основываясь на своих специальных знаниях и в пределах своей компетенции.

---

[6] *Моисеева Т. Ф.* Основы судебно-экспертной деятельности : конспект лекций. М. : РГУП, 2016. С. 61.

[7] *Аверьянова Т. В.* Указ. соч. С. 457–458.

Заключение

В связи с изложенным полагаем, что при использовании нейронных сетей правильнее говорить о комплексном использовании методов одной экспертной специальности. При производстве экспертного исследования методы, основанные на нейронных сетях, применяются в совокупности с иными методами, предусмотренными экспертной методикой, для получения наиболее полной и достоверной информации об исследуемом объекте. По справедливому замечанию А. М. Зинина, комплексное использование методов при проведении исследования позволяет эксперту убедиться в правильности решения поставленной задачи [13, с. 38].

Резюмируя изложенное, важно подчеркнуть, что грамотное применение искусственных нейронных сетей не предполагает их бесконтрольное использование. Необходимо в каждом случае критически оценивать результаты, полученные с применением нейросетевых технологий, и воспринимать последние только как удобный инструмент решения отдельных задач. Необходимо учитывать, что нейронные сети эффективны в задачах, связанных с механической обработкой информации. В тех случаях, когда необходимо действовать интуитивно, творчески, полагаясь на личный опыт и внутреннее убеждение, человека не заменит ни одна существующая технология, модель или система.

Список источников

1. Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214.

2. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (116). С. 21–33.

3. Костина А. В. О корректности постановки вопроса «Может ли машина мыслить?», или Какие особенности человеческого мышления способен воспроизводить искусственный интеллект? // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 36–53.

4. Дьяконова О. Г. К вопросу о понятии технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 52–63.

5. Парентони Л. Чего следует ожидать от искусственного интеллекта? // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, № 1. С. 217–245.

6. Зубова Я. В., Пичко Н. С., Костылев А. Ю. Философские предпосылки в исследовании искусственного интеллекта // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета : сетевое изд. 2022. Т. 2, № 1. С. 100–105.

7. Гурко А. В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.

8. Витко В. С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.

9. Майлис Н. П. Творческий подход при решении экспертных задач как залог эффективности и качества производства судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 71–73.

10. Бутырин А. Ю. Познавательная деятельность судебного эксперта: основные формы мышления и проблема понимания // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 4. С. 12–22.

11. Лазарева Л. В. Интеллектуальная составляющая в структуре внутреннего убеждения судебного эксперта // Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 10 июля 2024 г.). М. : Моск. акад. Следств. ком. Рос. Федерации, 2024. С. 29–34.

12. Моисеева Т. Ф. Методологические и процессуальные проблемы комплексных исследований в судебной экспертизе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 241–245.

13. Зинин А. М. Комплексирование методов при проведении судебно-портретной экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 34–39.

References

1. Stepanenko, D. A., Bakhteev, D. V., Evstratova, Yu. A. The use of artificial intelligence systems in law enforcement. *Russian Journal of Criminology.* 2020;14(2):206-214. (In Russ.)

2. Rossinskaya, E. R. Neural networks in forensic expertology and expert practice: problems and prospects. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* 2024;(3):21-33. (In Russ.)

3. Kostina, A. V. On the correctness of the question “Can a machine think?”, or What features of human intelligence can artificial intelligence reproduce? *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability.* 2020;(3):36-53. (In Russ.)

4. Dyakonova, O. G. On the question of the concept of artificial intelligence technologies. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* 2024;(3):52-63. (In Russ.)

5. Parentoni, L. What should we reasonably expect from Artificial Intelligence? *Russian Journal of Economics and Law.* 2024;18(1):217-245. (In Russ.)

6. Zubova, Ya. V., Pichko, N. S., Kostylev, A. Yu. Philosophical prerequisites in the study of artificial intelligence. *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. E-edition. 2022;2(1):100-105. (In Russ.)

7. Gurko, A. V. Artificial intelligence and copyright: a look into the future. Intellektual’naya sobstvennost’. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2017;(12):7-18. (In Russ.)

8. Vitko, V. S. Analysis of scientific views of authorship and right for results of AI activity. *Intellektual’naya sobstvennost’. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights.* 2019;(3):5-22. (In Russ.)

9. Mailis, N. P. Creative approach when solving expert problems, as a guarantee of effectiveness and quality of forensic examinations. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2017;(2):71-73. (In Russ.)

10. Butyrin, A. Yu. The cognitive activity of the forensic expert: basic forms of thinking and the problem of comprehension. *Theory and Practice of Forensic Science.* 2023;18(4):12-22. (In Russ.)

11. Lazareva, L. V. The intellectual component in the structure of the forensic scientist’s inner conviction. *Scientific and technical support of criminal proceedings.* Materials of the Scientific and Practical Conference (Moscow, 10 July 2024). Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 2024. Pp. 29–34. (In Russ.)

12. Moiseeva, T. F. Methodological and procedural problems of integrated research in forensic examination. *Tomsk State University Journal.* 2019;(449):241-245. (In Russ.)

13. Zinin, A. M. Integration of methods in the conduct of forensic portrait examination. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* 2014;(3):34-39. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. М. Туркова – соискатель кафедры судебных экспертиз и криминалистики.

Information about the author

N. M. Turkova – Applicant at the Forensic Expertise and Criminalistics Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 29.10.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.